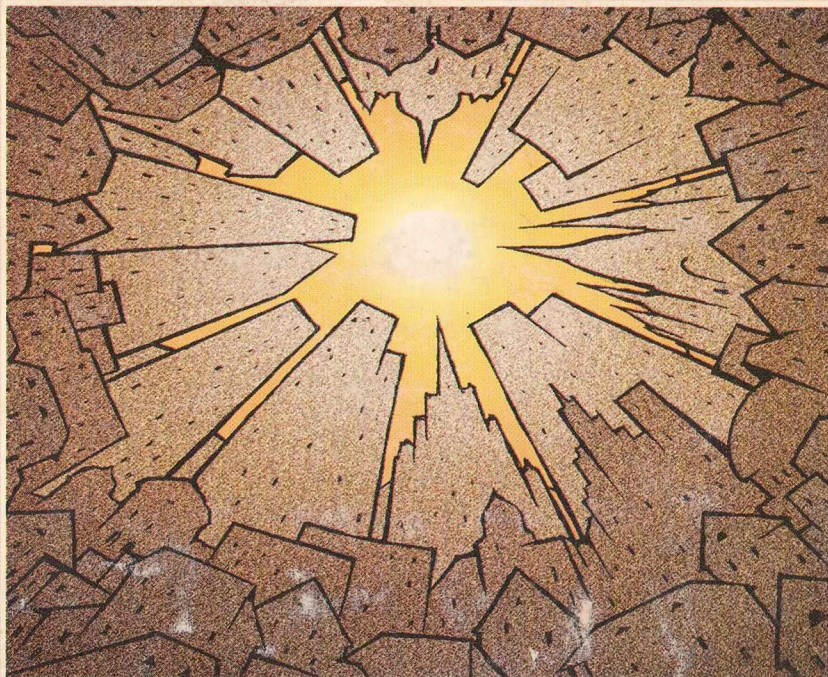

C5
D929

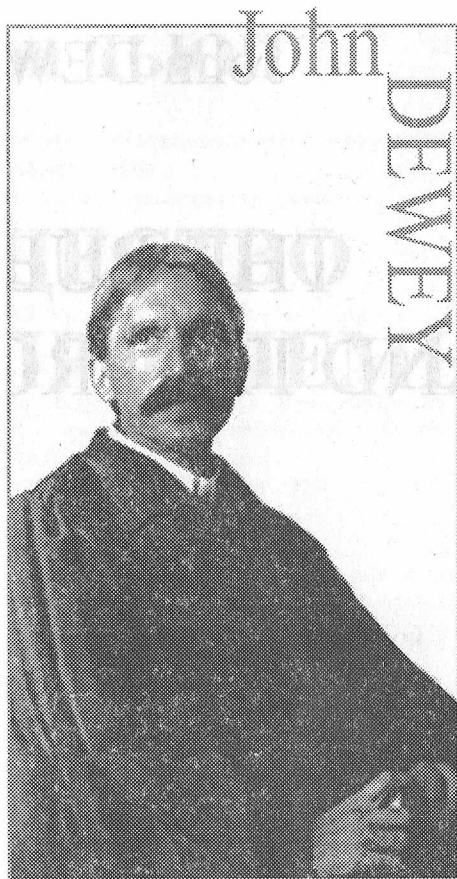
ДЖОН ДЬЮИ

ОБЩЕСТВО
И ЕГО ПРОБЛЕМЫ

ИДЕЯ-ПРЕСС

John DEWEY

THE PUBLIC
AND ITS PROBLEMS

Alan Swallow
DENVER, 1927

Джон ДЬЮИ

**ОБЩЕСТВО
И ЕГО ПРОБЛЕМЫ**

Перевод с английского

И. И. Мюрберг, А. Б. Толстова, Е. Н. Косиловой

Идея-Пресс
МОСКВА, 2002

УДК 32
ББК 87.3
Д92

Издание выпущено при поддержке Института "Открытое общество" (Фонд Сороса) — Россия
в рамках мегапроекта "Пушкинская библиотека"

This edition is published with the support of the Open Society Institute
(Soros Foundation) — Russia
within the framework of "Pushkin Library" megaproject

Редакционный совет серии "Университетская библиотека":

Н.С. Автономова, Т.А. Алексеева, М.Л. Андреев, В.И. Бахмин, М.А. Веденяпина, Е.Ю. Гениева, Ю.А. Кимилев, А.Я. Ливергант, Б.Г. Капустин, Ф. Пинтер, А.В. Полетаев, И.М. Савельева, Л.П. Репина, А.М. Руткевич, А.Ф. Филиппов

"University Library" Editorial Council:

Natalia Avtonomova, Tatiana Alekseeva, Michail Andreev, Vaycheslav Bakhmin, Maria Vedeniapina, Ekaterina Genieva, Yuri Kimelev, Alexander Livergant, Boris Kapustin, Francis Pinter, Andrei Poletayev, Irina Savelieva, Lorina Repina, Alexei Rutkevich, Alexander Filippov

Выражаем благодарность Американскому культурному центру
за информационную поддержку издания
(Москва, ул. Николаямская, 1. ВГБИЛ)

Дьюи, Джон

Д92

ОБЩЕСТВО И ЕГО ПРОБЛЕМЫ. Перевод с англ.

И. И. Мюрберг, А. Б. Толстова, Е. Н. Косиловой. —

М.: Идея-Пресс, 2002. — 160 с.

Социальная философия, — говорит Дьюи, — демонстрирует огромный разрыв между фактами и теориями. Сравним, для примера, факты политической жизни и существующие ныне теории, трактующие природу государства.

ББК 87.3

ISBN: 5-7333-0052-3

© Перевод с англ. И. И. Мюрберг (гл. 3—6),
А. Б. Толстова (гл. 1),

Е. Н. Косиловой (гл. 2), 2001

© Художественное оформление
Идея-Пресс, А. П. Пятикоп, 2001

© Идея-Пресс, 2002

28287

С.Б.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. В поисках общества.....	7
Глава II. Открытие государства.....	30
Глава III. Демократическое государство.....	56
Глава IV. Закат общества.....	81
Глава V. В поисках великого сообщества.....	105
Глава VI. Проблема метода.....	135

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

В этой книге собраны лекции, прочитанные мной в январе 1926 г. в Фонде Лоруила Кенион Колледжа, в штате Огайо. Осознавая оказанное мне уважение, хотелось бы, в свою очередь, поблагодарить руководство Фонда за то терпение, с которым ожидался выход в свет данной книги. Я смог полностью пересмотреть и расширить проблематику, первоначально изложенную в лекциях. Именно поэтому в сносках встречаются ссылки на книги, опубликованные после января 1926 г.

Дж. Д.

Глава I.

В поисках общества¹

Для того, чтобы понять, какое расстояние отделяет «факты» от их смысла, следует обратиться к дискуссиям по социальным проблемам. Многие, по-видимому, полагают, что факты в самих себе содержат свой смысл, что он написан у них «на лице». Стоит, мол, только собрать достаточное количество фактов, как их интерпретация уже смотрит прямо на вас. Считается, что развитие физической науки подтверждает эту точку зрения. Однако способность физических фактов вызывать о себе определенное мнение не коренится в сфере чистых феноменов. Она проистекает из метода, из техники исследования и вычисления. Никто и никогда не бывает принуждаем простой суммой собранных фактов к принятию конкретной теории, истолковывающей их смысл, — если только он не прибегает к какой-то иной концепции, позволяющей расположить эти факты в определенном порядке. Только тогда, когда допускается свободная игра фактов при выработке новых точек зрения, становится возможным сколько-нибудь значительный пересмотр представлений о смысле этих фактов. Отнимите у физики ее лабораторную аппаратуру и математическое обеспечение — и человеческое воображение станет необузданно плодить теоретические интерпретации, даже если допустить, что сухие факты при этом остаются теми же самими.

Как бы то ни было, социальная философия демонстрирует огромный разрыв между фактами и теориями. Сравним, для примера, факты политической жизни и существующие ныне теории, трактующие природу государства. Если исследователи ограничиваются наблюдае-

---

¹ В качестве эквивалента, передающего различие в английском языке между терминами *public* и *social*, переводчик будет использовать терминологическую пару *общественный* — *социальный*. — Прим. перев.

мыми феноменами — поведением королей, президентов, законодателей, судей, шерифов, налоговых чиновников и прочих официальных лиц — то, разумеется, им будет не трудно достичь по их поводу разумного согласия. На фоне такого согласия разительным контрастом выглядят различия в понимании основ, природы, функций и оправданности государства — и, заметим себе, разногласия в этом отношении по видимому безнадежны. Если речь идет не о простом перечне фактов, а об определении государства, то мы сталкиваемся с противоречиями, с пестротой разноречивых мнений. Согласно одной традиции, восходящей к Аристотелю, государство представляет собой высшее проявление совместной и гармоничной жизни; государство — это одновременно и краеугольный камень социального здания, и само это здание в целом. Согласно другому взгляду, государство — лишь один из многих социальных институтов, выполняющий ограниченные, хотя и важные функции — функции арбитража в конфликтах между прочими социальными образованиями. Каждое из них возникает на основе позитивных человеческих интересов и служит их реализации: церковь — религиозных ценностей; гильдии, профсоюзы и корпорации — материальных экономических интересов и т.д. Однако государство не является самоцелью; его назначение и цель формальны, подобно назначению дирижера оркестра, который сам не исполняет музыку, но руководит музыкантами, играющими в унисон друг другу. Третья точка зрения рассматривает государство как орудие организованного угнетения, видя в нем одновременно и тирана, и паразитический нарост на теле общества. Согласно четвертому подходу, государство — это более или менее грубый инструмент, удерживающий людей от чересчур бурных междоусобиц.

Путаница начинается, когда мы переходим к сопоставлению указанных точек зрения и их обоснований. Одна философия государства видит в нем венец человеческого общежития, в котором находят свое высшее проявление все собственно человеческие способности. Эта точка зрения была вполне уместна в те времена, когда она была впервые сформулирована. Она появилась в недрах античного города-государства, где быть в полном смысле слова свободным человеком означало одновременно и быть гражданином, принимающим участие в театральных зрелищах, спортивных состязаниях, религиозных таинствах и управлении государством. Однако такой подход упорно стараются применить и к современному государству. Другая точка зрения устанавливает координацию государства и церкви (или,

в одном из ее вариантов, до некоторой степени подчиняет государство церкви), видя в государстве мирскую длань божества, поддерживающую внешний порядок и соблюдение приличий в отношениях между людьми. Современная политическая теория идеализирует государство и его деятельность, прибегая к понятиям разума и воли и преувеличивая их до такой степени, что государство предстает объективированной манифестацией воли и разума, далеко превосходящих стремления и цели простых смертных и их коллективов.

Однако мы не собираемся писать энциклопедию или историю политических учений. Поэтому ограничимся уже приведенными произвольными примерами, иллюстрирующими тезис о том, что между фактуальными феноменами политического поведения и интерпретациями смысла этих феноменов обнаруживается мало общего. Один из вариантов выхода из данного затруднения состоит в том, чтобы всю проблематику смысла и интерпретации закрепить за политической философией как дисциплиной, отличной от политологии как таковой. Отметим при этом, что праздные и поверхностные спекуляции — спутник всякой философии. Мораль заключается в том, чтобы освободиться от всяческих доктрин подобного рода и держаться твердо установленных и проверяемых фактов.

Рекомендация простая и привлекательная. Но воспользоваться ею невозможно. Политические факты не суть нечто внешнее по отношению к человеческим стремлениям и суждениям. Измените восприятие людьми ценности существующих политических сил и форм, и последние также более или менее изменятся. Различные теории современной политической философии создаются не по ту сторону фактов, которые подлежат истолкованию; эти теории — суть обработка, амплификация избранных фрагментов, извлеченных из общей суммы фактов. Политические феномены порождаются и существуют благодаря изменчивым складу и привычкам человеческого поведения. Эти привычки далеко не полностью обусловлены разумными целями и сознательным выбором людей, они более или менее остаются вне контроля последних. Одни группы людей постоянно критикуют и пытаются изменить политические обычаи, тогда как другие группы — активно поддерживают и оправдывают их. Поэтому предположение, что мы можем держаться положения дел *de facto* и нигде не прибегать к вопросам *de jure*, то есть вопросам «по какому праву», вопросам легитимности — не более чем претенциозный самообман. И такие вопросы назревают, пока не оформятся в вопрос о природе государства как такового.

Альтернатива, с которой мы сталкиваемся, это не альтернатива между ограниченной фактами наукой, с одной стороны, и безудержной теоретической спекуляцией — с другой. Выбирать следует между слепыми, непродуманными пробами и ошибками, с одной стороны, и строго избирательным критицизмом, опирающимся на рациональный метод и осмысленные критерии — с другой.

Престиж математики и физики ныне огромен, и по праву. Но никакая методология не может избавиться от различия между фактами, которые как таковые независимы от человеческих пристрастий и устремлений, и фактами, которые до некоторой степени зависят от человеческих интересов и целей и могут изменяться в соответствии с изменениями последних. Чем искреннее мы апеллируем к фактам, тем большее значение приобретает различие между фактами, которые обуславливают человеческую деятельность, и фактами, которые сами ею обусловлены. По мере игнорирования данного различия социальная наука становится псевдонаукой. Политические идеи Джефферсона и Гамильтона — это не просто чистые теории, порожденные человеческим разумом безотносительно к фактам американской политической жизни. Они — суть выражение избирательно выделенных аспектов и групп такого рода фактов, но при этом и нечто большее: а именно, они суть те смысловые начала, которые придают форму этим фактам и будут впредь оформлять их тем или иным образом. Различие между теорией государства, рассматривающей его как инструмент защиты уже завоеванных индивидом прав, и теорией, которая видит функции государства в более справедливом распределении прав между индивидами, — это нечто большее, чем спекулятивно-теоретическое различие. Дело в том, что подобными теориями руководствуются и проводят их в жизнь законодатели-конгрессмены и судебные власти, что приводит на практике к различным фактическим последствиям.

Для меня несомненно, что практическое влияние философии Аристотеля, стоиков, Фомы Аквинского, Локка, Руссо, Канта и Гегеля зачастую сильно преувеличивалось по сравнению с влиянием обстоятельств самой жизни. Но степень их влиятельности не может быть должным образом оспорена на тех основаниях, которые иногда предлагаются, например, на том основании, что идеи оказались неэффективными, бессильными. Дело в том, что идеи принадлежат людям, которые суть телесные существа, и телесные процессы и структуры, благодаря которым воспринимаются идеи, неотделимы от телесных процессов,

ответственных за выполнение действий. Мозг и мускулатура действуют совместно, и человеческий мозг — гораздо более важный объект социального познания, нежели мускульная система и органы чувств.

Мы не собираемся вмешиваться в спор политических философий. Понятие государства, как и большинство понятий, вводимых с помощью определенного артикля, одновременно и слишком жестко, и слишком противоречиво, чтобы им уверенно пользоваться. К понятию такого рода легче подойти окольным путем, чем лобовым наскоком. Стоит только произнести слово «государство», как поле нашего зрения застилает целый ряд интеллектуальных призраков. Без нашего ведома и намерения термин «государство» незаметно вытягивает нас в разбор логических взаимоотношений разнообразных идей, уводящий от фактов человеческой деятельности. Но там, где возможно, лучше все же начинать с этих последних и посмотреть, не приведут ли они нас к идее чего-то такого, что содержит в себе следы и признаки, относящиеся к политическому поведению.

В подобном подходе нет ничего нового. Но многое зависит от того, что мы выделим в качестве исходного пункта, а также от того, собираемся ли мы в итоге ответить на вопрос, чем государство *должно быть* или же на вопрос, что оно *есть*. Если мы слишком озабочены первым вопросом, то скорее всего невольно станем истолковывать избирательно выделенные факты с предвзятой точки зрения, ведущей к предзаданному выводу. С чего *не* следует начинать, так это с тех аспектов человеческой деятельности, которым приписывают непосредственный причинный характер. Мы не должны искать сил и факторов, ведущих к образованию государства. В противном случае мы наверняка скатимся в мифологию. Объяснять происхождение государства ссылкой на то, что человек — это политическое животное, значит возвращаться в порочном словесном круге. Это то же самое, что выводить религию из религиозного инстинкта, семью — из материнских и отцовских чувств, а язык — из природного дара речи. Подобные теории просто-напросто выставляют под именем так называемых причин те явления, которые как раз и требуют объяснения. Это напоминает пресловутую способность опиума погружать человека в сон в силу его (опиума) снотворных свойств.

Данное предостережение направлено отнюдь не против некой воображаемой опасности. Речь идет о попытках вывести государство или любые иные социальные институты исключительно из «психологичес-

ких» данных. Ссылка на стадные инстинкты при объяснении социальной организации представляет собой наиболее яркий пример логического порочного круга. Люди объединяются и собираются в большие сообщества отнюдь не так, как сливаются воедино капли ртути, иначе не было бы ни государства, ни каких-либо иных форм человеческого общежития. Инстинкты — назови их как угодно: стадностью, чувством симпатии или взаимозависимости, волей к власти или же наоборот, волей к подчинению и унижению — в лучшем случае объясняют все в общем и в целом, и ничего в частности. В худшем же случае ссылка на инстинкты и природные склонности как на причинные факторы — это ссылка на физиологические явления, которые сами предварительно сформировались в привычные способы представления и действия именно в социальных условиях, которые с их помощью надеются объяснить. Люди, привыкшие жить стадом, приспособляются к стадной жизни в орде; дети, по неволе вынужденные жить в зависимом положении, вырастают с привычками подчинения. Комплекс неполноценности — это социальное благоприобретение, а «инстинкты» успеха и господства — всего лишь его оборотная сторона. В телесной структуре существуют такие органы, которые физиологически проявляются вокализацией, как, например, органы пения у птиц. Однако собачий лай и птичье пение с достаточной ясностью доказывают, что эти естественные склонности не порождают язык. Для того, чтобы естественная вокализация превратилась в язык, требуются специфические внешние условия, как органические, так и внеорганические, условия самой среды: формирование, заметим себе, а не стимуляция. Детский плач, несомненно, можно описать в терминах чистой органики; но крик становится существительным или глаголом только благодаря своим последствиям, выражающимся в ответном поведении окружающих. Последнее принимает форму опеки и заботы, которые сами обусловлены традицией, обычаями и моделями социального поведения. Почему бы не постулировать «инстинкт» детоубийства и «инстинкт» воспитания и обучения? Или же «инстинкт» выбраковки девочек и заботы только о мальчиках?

Можно, однако, представить данный аргумент и не в столь мифологической форме, как ссылка на социальные инстинкты того или иного рода. Поведение животных, растений и минералов коррелятивно их структурной организации. Четвероногие бегают, пресмыкающиеся ползают, рыбы плавают, птицы летают. Они так устроены, такова «природа живой

твари». Мы ничего не выиграем, если поместим инстинкт бега, полета, ползания и т.п. между структурой и действием. Однако чисто органические факторы, которые побуждают людей объединяться и жить совместно в точности те же самые, что и факторы, сбивающие животных в стада, косяки и стаи. При описании того, что является общим у человеческих и животных совокупностей, нам не удастся выделить собственно человеческое качество людских сообществ. Упомянутые структурно-органические факторы и формы поведения могут быть условием *sine qua non* человеческого общества; но к ним относятся и явления притяжения и отталкивания в неорганической природе. Физика, химия и зоология сообщают нам о целом ряде условий, без которых человеческие существа не смогли бы образовать сообществ. Но они ничего не говорят о *достаточных* условиях человеческого общежития и о формах, которые оно принимает.

В любом случае мы должны начинать с проявлений человеческой деятельности, а не с ее гипотетических причин, и рассматривать ее последствия. Мы должны также ввести презумпцию нашей разумности, то есть наблюдение последствий *именно как* последствий, в их взаимосвязи с действиями, из которых они вытекают. А коль скоро мы должны ввести такую предпосылку, то лучше это сделать явно и осознанно, а не контрабандой, вводя в заблуждение не только таможенного чиновника — читателя — но и самих себя. Поэтому мы принимаем за отправную точку исследования тот объективный факт, что человеческие действия влекут за собой последствия для других людей, что часть этих последствий доступна восприятию, и что их восприятие вызывает стремление контролировать деятельность с тем, чтобы обеспечить одни последствия и избегать других. Следуя этому подходу, обратим внимание, что последствия деятельности бывают двух видов: одни воздействуют на людей, непосредственно вовлеченных во взаимодействие, а другие затрагивают людей и за пределами такого взаимодействия. В рамках данного различия мы и обнаруживаем зачаток различия между частным, приватным и общественным, публичным. Когда косвенные последствия деятельности осознаются и их пытаются регулировать, появляется нечто, обладающее характерными признаками государства. Если последствия затрагивают (или считается, что затрагивают) главным образом лишь тех людей, которые непосредственно взаимодействуют, то такая транзакция является приватной. Когда *A* и *B* ведут между собой беседу, такое действие является транс-акцией: они оба

участвуют в ней. Ее результаты, так сказать, переходят с одного разговаривающего на другого. В итоге один из них или оба вместе могут получить какую-то пользу или понести ущерб. Предполагается, что последствия всего этого остаются между *A* и *B*, не выходя за рамки их общения; действие происходит между этими лицами; оно носит частный характер. Однако, если оказывается, что последствия разговора выходят за рамки непосредственного общения и затрагивают интересы многих других людей, действие приобретает общественный характер — будь-то разговор короля со своим премьер-министром; Каталины с единомышленниками по заговору; или разговор финансистов, вынашивающих планы монополизации рынка. Различие между частным и общественным, приватным и публичным, таким образом, ни в коем случае не эквивалентно различию между индивидуальным и социальным, даже если мы полагаем, что это последнее различие имеет точный и ясный смысл. Многие частные действия носят социальный характер; их последствия способствуют росту благосостояния сообщества или влияют на его статусное положение и перспективы. В широком смысле слова любая транзакция, которую сознательно осуществляют двое или более лиц, социальна по своей сути. Это форма совместного поведения, и его последствия могут повлиять на дальнейшую совместную жизнь. Человек, занимаясь своими частными делами, может сослужить добрую службу другим людям и даже целому сообществу. В известном смысле прав Адам Смит, утверждавший, что для нашего обеденного стола лучше, чтобы он зависел от совокупного труда фермера, бакалейщика и мясника, ведущих свои дела сугубо ради извлечения собственной частной выгоды, чем если бы мы находились на попечении филантропов или органов социального обеспечения. Общество наслаждается произведениями искусства и пользуется результатами научных открытий только потому, что есть частные лица, которые получают удовольствие от занятий этими видами деятельности. Существуют частные благотворители, от усилий которых, от пожертвований на библиотеки, больницы и школы выигрывают как нуждающиеся, так и общество в целом. Короче говоря, частная деятельность может обладать социальной ценностью как по своим косвенным последствиям, так и по непосредственным намерениям.

Таким образом, не существует необходимой и обязательной связи между частным характером какой-нибудь деятельности и ее не— или антисоциальностью. Общественное, кроме того, нельзя отождествлять с социально-

полезным. Одним из наиболее регулярных проявлений деятельности политически организованных сообществ является ведение войны. Даже самые агрессивные милитаристы вряд ли станут утверждать, что все войны были социальным благом или отрицать, что некоторые из них нанесли такой ущерб социальным ценностям, что было бы несравненно лучше, если бы их не развязывали. Аргумент о неэквивалентности общественного и социального, при любом смысле слова «социальный», опирается не только на пример с войнами. Я думаю, не найдется никого, сколь бы страстно он ни увлекался политикой, кто стал бы утверждать, что политика никогда не бывает недальновидной, неумной и вредоносной. Кое-кто даже исходит из предпосылки, что обществу наносится ущерб всякий раз, когда чиновники берутся за то, что можно сделать усилиями частных лиц. Еще больше тех, кто уверен, что некоторые конкретные государственные акции, как-то: сухой закон, протекционизм, расширительное толкование доктрины Монро, — губельны для общества. И действительно, всякий серьезный политический спор вертится вокруг вопроса: что принесет данная политическая мера — социальную пользу или же вред?

Точно так же, как человеческое поведение не бывает не— или антисоциальным только лишь в силу своего частного характера, оно не обязательно бывает и социально-ценным оттого лишь, что официальные лица действуют от имени и во имя общества. Упомянутый аргумент дает нам не очень много, но он, по крайней мере, предостерегает против отождествления общества и его интересов с государством или политически организованным сообществом. А соблюдение такого различия поможет нам более сочувственно отнестись к выдвинутому тезису: водораздел между частным и общественным следует проводить по линии тех последствий человеческих поступков, значение которых требует контроля над ними, будь то поощрение или запрет. Мы различаем частные и общественные здания и школы, частные тропинки и общественные автострады, частные вклады и общественные фонды, частных и официальных лиц. Наш тезис состоит именно в том, что данное различие дает нам ключ к разгадке природы и функций государства. Весьма примечательно, что этимологически слово «приватный» противоположно слову «публичный»: частное лицо — это лицо, лишившееся официального положения. Общество состоит из всех тех, кто испытывает воздействие косвенных последствий [чужих] транзакций до такой степени, что возникает насущная необходимость держать

их под систематическим контролем. Официальные лица как раз и наблюдают за соблюдением интересов тех, кто подвергается такому воздействию. А поскольку последние непосредственно не участвуют в самих транзакциях, то и возникает необходимость в особых лицах, представляющих и защищающих их интересы. Здания, хозяйственное имущество, фонды и другие материальные ресурсы, с которыми связано исполнение этих обязанностей, составляют *res publica*, общественное достояние. Общество, в той мере, в какой оно организовано посредством должностных лиц и материальных факторов для надзора за далеко идущими и долговременными косвенными последствиями межличностных транзакций, составляет *Populus*.

Общеизвестно, что правовые механизмы защиты личности и собственности граждан, а также возмещения причиненного им ущерба существовали не всегда. Правовые институты возникли в те далекие времена, когда было признано право на самозащиту. Если человеку причинялось зло, то только он сам мог решить, что нужно делать, чтобы восстановить справедливость. Нанесение оскорбления и ответное наказание обидчика было частной транзакцией, делом, касавшимся только тех, кто в нем непосредственно участвовал, и больше ничьим. Но на помощь оскорбленной стороне сразу же спешили друзья и родственники, и то же самое происходило на стороне обидчика. Поэтому последствия ссоры не могли остаться только между непосредственными виновниками происшедшего. В результате вспыхивала смертельная вражда, и кровавая междоусобица могла охватить массы людей и продолжаться из поколения в поколение. Осознание опасности и вреда от расширения и продолжения распри для целых родов привело к возникновению публичного права. Транзакции перестали касаться только непосредственных участников. Те, кого это затрагивало косвенно, образовали общество, которое предприняло меры по охране своих интересов, создав согласительные структуры и другие органы умиротворения для локализации беспорядков.

Факты на этот счет просты и общеизвестны. Но в них, как представляется, в зачаточной форме представлены характерные черты, присущие государству, его структурам и функциям. Приведенный пример иллюстрирует то, что имеется в виду, когда говорят, что неверно определять природу государства в терминах непосредственных каузальных факторов. Существенное значение здесь имеет учет долговременных и обширных последствий человеческого поведения, которое как и всякое поведение в конеч-

ном счете осуществляется отдельно взятыми индивидами. Уразумение возможности губительных последствий порождает общие интересы, соблюдение которых требует определенных мер и правил, а также выделения особых лиц, которые бы их защищали, истолковывали и, когда надо, приводили в исполнение.

Если наш подход хотя бы в общих чертах правилен, он позволяет объяснить упомянутый разрыв между фактами политической жизни и теориями государства. Авторы последних вели поиск в неверном направлении. Они думали найти ключ к пониманию природы государства в сфере действующих лиц, носителей поступков или в каких-то воле и намерениях, стоящих за поступками. Они надеялись объяснить государство в терминах авторства. В конечном счете всякий сознательный выбор совершается отдельным конкретным человеком. Поступки планируются и совершаются тоже кем-то конкретным — в самом что ни на есть буквальном и конкретном смысле слова «кто-то». В каждой транзакции обязательно фигурируют какие-нибудь Джон Доу и Ричард Роу. Мы не обнаружим общество, если не будем искать его среди носителей сознательного действия. Какой-нибудь Джон Смит и подобные ему функционеры решают, выращивать хлеб или нет, и в каких количествах, куда и как вкладывать деньги, какие дороги строить и по каким ездить, объявлять войну или нет, и если объявлять, то по каким законам ее вести, а от каких законов отказаться. Подлинной альтернативой сознательным поступкам индивидов выступают не общественные акции, а шаблонные, импульсивные и другие нерелефлексивные действия, также совершаемые индивидами.

Индивидуальность отдельного человека стирается в толпе, на политическом митинге, в фондах акционерного общества или при голосовании на выборах. Но это вовсе не означает, что решения принимаются какими-то таинственными коллективными силами; это значит лишь, что немногие люди, знающие, чего они хотят, перехватывают инициативу по управлению толпой, руководству политикой и корпоративным бизнесом. Когда общественность или государство заняты социально-организационными мерами — законодательством, заключением договоров, обеспечением избирательного права — они осуществляют свою деятельность через конкретных лиц. Эти люди теперь — служащие, должностные лица, представляющие общественность и общие интересы. Это важное различие, но это не различие между отдельным человеком и коллективной безличной волей. Это различие между частными лицами и лицами должностными, вы-

полняющими представительские функции. Сущность последних — не авторство, а авторитет, власть контролировать общезначимые последствия поведения, несущие благо или зло. Должностные лица действительно суть общественные силы в том смысле, что они действуют в интересах других людей, защищая их и отводя грозящие им опасности.

Когда мы ведем поиск в неверном направлении, то естественно, не находим, того, что ищем. Худшим итогом неверных поисков — в данном случае поисков причин вместо следствий — является произвольный, случайный характер результата. Такой произвол ничем не ограничен. «Интерпретации» получаются какие угодно. В итоге — множество противоречивых теорий и отсутствие единой точки зрения. Заведомо ясно, что постоянный конфликт теорий государства сам по себе доказывает, что проблема поставлена неправильно. Дело в том, как мы уже отмечали, что основные факты политической деятельности, как бы сложны они ни были, как бы сильно они ни варьировались в зависимости от места и времени, — лежат на поверхности. Это факты человеческого поведения, доступные наблюдению. Наличие множества противоречащих друг другу теорий — обстоятельство обескураживающее с точки зрения самих этих теорий — становится легко объяснимым, как только мы поймем, что все эти теории, несмотря на их взаимные разногласия, коренятся в одной общей ошибке. Суть проблемы они видят в поиске причинных факторов, а не следствий из них.

Руководствуясь подобным подходом и постулатом, некоторые теоретики приходят к выводу, что каузальность относится к метафизическому *nîsis* природы; и тогда государство объясняют в терминах «сущности» человека, реализующей себя в качестве цели совершенного Общества. Другие, движимые иными предубеждениями и пристрастиями, находят искомое авторство государства в божественной воле, воспроизводящей посредством падшего человечества образ божественного порядка и справедливости, насколько позволяет этот испорченный материал. Третьи находят искомый источник во встрече индивидуальных воле, носители которых объединяются и создают государство на основе договора и принятия на себя обязательств во взаимной лояльности. Четвертые находят его в автономной и трансцендентной воле, воплощенной во всех людях как универсальное начало их единичного существования, — воле, чья внутренняя сущность диктует создание внешних условий, в которых воля может обнаружить свою свободу. Есть и та-

кие, кто обнаруживает этот источник в том факте, что сознание и разум суть или атрибут реальности, или сама реальность, и рассматривают различие и многообразие сознаний, индивидуальностей как иллюзию, присущую чувственности, как простую видимость в отличие от монистической реальности разума. Поскольку столь различные точки зрения проистекает из общей для них всех ошибки, то все они стоят друг друга, и ни одна из них не лучше другой; какая из них будет принята — это зависит от случайных привходящих обстоятельств, связанных с образованием, темпераментом, классовыми интересами, главнейшими событиями века. Разум при этом вступает в игру только для обоснования принятой точки зрения, а не для анализа последствий человеческого поведения и выработки соответствующих политических представлений. Давно известно, что прогресс натурфилософии всегда следовал за интеллектуальной революцией. Это выражалось в отказе от поисков первопричин и особых сил, в переходе к анализу того, что и как реально происходит. Политической философии еще предстоит со всей серьезностью и глубиной усвоить это урок.

Неспособность понять, что суть проблемы в тщательном и всестороннем учете и изучении последствий человеческой деятельности (включая небрежность и бездеятельность), а также в выработке мер и средств контроля за этими последствиями, — не сводится лишь к выдвиганию соперничающих и несовместимых теорий. Эта неспособность приводит также к извращению взглядов тех, кому до некоторой степени удалось приблизиться к истине. Мы утверждали, что всякий сознательный выбор и план в конечном счете есть дело конкретных людей. Из этого наблюдения делались совершенно ложные выводы. Те, кто все еще мыслит в терминах каузальных сил, делают на основании указанного факта тот вывод, что государство и общество — суть фикции, под маской которых скрываются частные стремления к власти и высокому положению. Не только государство, но и само общество тем самым рассыпается в бессвязную совокупность разрозненных желаний и волей. Согласно такой логике государство понимается исключительно как орудие угнетения, порождаемой произволом власти. Оно держится на обмане и объединяет силы отдельных людей в одну массовую силу, которой индивид не способен сопротивляться; такое объединение есть вынужденная, отчаянная мера, поскольку единственной альтернативой ей может быть лишь война всех против всех, делающая жизнь безнадежной и беспощадно-жесточкой. Таким образом, государ-

ство предстает либо монстром, которого нужно уничтожить, либо Левиафаном, которого нужно заботливо лелеять. Короче говоря, под влиянием исходной ошибки, будто проблема государства связана с поиском каузальных факторов, возникает индивидуализм в качестве одного из философских «измов».

Но притом, что данная доктрина ложна, она все-таки строится на некоторой фактической основе. Желания, выборы и цели коренятся в конкретных единичных индивидах. Поведение, в котором проявляются пристрастия, стремления и принятые решения — это поведение все тех же индивидов. Но только ленью мысли можно объяснить наш вывод о том, что коль скоро мышление и решение индивидуальны по своей форме, то и по своему предметному содержанию они тоже суть нечто сугубо личностное. Даже если «сознание» является всецело частным явлением, как то полагает индивидуалистическая традиция в философии и психологии, все же верно и то, что сознание — это всегда сознание *объекта*, а не самого сознания. Ассоциация — в смысле соединяющей связи и сочетания — является «законом» всего сущего, насколько оно нам известно. Действуют отдельные сущности, но они действуют совместно. Нам неизвестно ничего такого, что пребывало бы в полной изоляции. Все в единстве с чем-то другим. Это «в единстве» такого рода, что поведение действующего изменяется благодаря взаимосвязи с другими действующими. Есть такие деревья, которые могут расти только в лесу. Воспроизведение вида зависит от жизнедеятельности насекомых, благодаря которым происходит оплодотворение. История жизни каждой отдельной клетки обуславливается ее связями с тем, как ведут себя все остальные клетки. Поведение электронов, атомов и молекул — все это примеры, демонстрирующие вседушность принципа взаимосвязанности всего и вся.

В самом факте подобного единения, заключающегося в согласованном функционировании отдельных элементов, нет ничего загадочного. Нет смысла задаваться вопросом о том, каким путем пришли к единению отдельно взятые предметы. Единение — это способ бытия всех и каждого. Если в этом факте и есть что-либо, нуждающееся в дальнейшем уяснении, то это вопрос о том, почему наша вселенная именно такова, какова она есть. Данной загадки нам не разгадать, не выходя за пределы самой этой вселенной. Но стоит обратиться за разгадкой к внешнему источнику, как тут же найдется какой-нибудь не блещущий оригинальностью логик, который заметит, что объяснить что-либо происходящее в рамках данного универсума способен

лишь тот, кто так или иначе с этим универсумом связан. Таким образом, мы вновь вернемся к исходному пункту нашего рассуждения: к факту взаимосвязанности всего и вся как некой изначальной данности.

Вместе с тем, что касается взаимосвязанности людей, то здесь существует и разумная постановка вопроса — таковой является не проблема возникновения взаимосвязей между отдельными людьми или отдельными существами, а вопрос о том, в чем заключается специфика человеческих взаимоотношений, столь рознящая человеческое общество от скопления электронов, группы деревьев в лесу, роя насекомых, отары овец или созвездия небесных тел. Стоит задуматься над этим различием, как перед нами во всей очевидности возникает тот факт, что последствия совместной деятельности обретают новое значение, коль скоро они становятся объектом наблюдения. Ибо внимание к результатам взаимосвязанных усилий заставляет людей размышлять над самой этой взаимосвязанностью, привлекает к ней их интерес. И каждый из людей начинает действовать, сообразуясь с существующими связями — с тем, что он о них знает. При этом индивид, так же как и прежде, остается субъектом мышления, желаний и целеполагания, но *содержание* его мышления [желаний и целеполагания] является следствием того, как реагируют он на мышление [желания и целеполагание] других, и того, как другие реагируют на его мышление [желания и целеполагание].

Всякое человеческое существо появляется на свет младенцем, последнему же присуща незрелость, беспомощность, зависимость от других. И то, что многие из этих несамостоятельных существ достигают зрелости, является свидетельством той или иной степени заботы о каждом из них, присмотра за ними со стороны окружающих. Зрелые, более приспособленные существа сознают, как влияет их деятельность на поступки молодых людей. Они не то чтобы сотрудничают с этими молодыми людьми — скорее, между ними и молодым поколением имеет место то особое единение, которое свидетельствует о заинтересованности старших в оказании определенного воздействия на жизнь и развитие молодых людей.

Обеспечение физического выживания молодого поколения представляет собой лишь одну из сторон тех интересов, которые определяют собой последствия совместной жизнедеятельности людей. Столь же сильно старшее поколение заинтересовано и в том, чтобы обучить еще не повзрослевших индивидов определенному, привычному образу мышления, чувство-

вания и поведения. Не последним в этом смысле является стремление научить молодежь самостоятельно сообразовывать собственные суждения, целеполагание и выбор с тем, что подсказывает им совместная деятельность членов сообщества и последствия таковой деятельности. На деле заинтересованность в этом слишком часто выливается в попытки заставить молодежь полностью копировать убеждения и устремления взрослых. Уже одно это показывает, что хотя способность думать, желать и решать дана единичным существам, то, *о чем* эти существа думают и *чего* желают — то есть само содержание их убеждений и намерений — подсказывается жизнью в сообществе. Таким образом, человек существует в обществе не только *de facto*: самым складом собственных идей, чувств и всего своего сознательно-го поведения он *формируется* как социальное животное. *Все то*, во что он верит, на что надеется, к чему стремится, есть результат единения и взаимодействия с другими. Единственное, что способно привнести неясность и загадочность в факт воздействия сообщества на желания и действия индивида — это усилия отыскать некие особые, исконные силы, ответственные за возникновение общества, будь то инстинкты, волеизъявления, практический разум (личный, либо имманентный, универсальный) или же какая-то внутренняя, метафизическая, социальная сущность или природа. Все эти понятия не способны ничего прояснить, так как сами они обладают еще большей загадочностью, чем те факты, которые они призваны интерпретировать. Созвездие планет составило бы сообщество в случае, если бы каждая из планет сознавала свою связь с поведением других членов созвездия и могла пользоваться этим знанием для управления собственным поведением.

Мы сделали отступление, переключившись с рассмотрения государства на более обширный предмет, каковым является общество. Вместе с тем, предпринятый экскурс позволил нам провести различие между государством и другими формами общественной жизни. Существует старая традиция считать, что государство — это то же самое, что и полностью организованное общество. Утверждается, что государство представляет собой окончательную, всестороннюю реализацию всех институтов общества. Какие бы ни существовали социальные установления, все они объединяются в едином представлении и объявляются делом рук государства. В качестве противоповеса данному методу выступает некая разновидность философского анархизма, подмечающая все то зло, которое проистекает от всевозможных форм человеческого объединения, и приписывающая его *en masse*² государству;

---

² Целиком, в подавляющем большинстве (фр.) — Прим. перев.

следовательно, уничтожение государства должно ознаменовать наступление золотого века добровольной братской организации людей. Тот факт, что для одних государство является божеством, а для других — дьяволом, еще раз свидетельствует об ущербности исходных посылок самой дискуссии. Обе названные теории отличаются одинаковой неупорядоченностью.

Между тем, существует определенный критерий, позволяющий отличать организованное общество от всех прочих разновидностей жизни в сообществе. Так, например, дружба воплощает собой неполитическую форму ассоциации. Она характеризуется интимным и тонким восприятием плодов общения. Она помогает осознать некоторые из его высших ценностей. Только теоретическая предвзятость способна привести к смешению государства с сетью дружб и привязанностей, составляющей основу любого сообщества; только она способна утверждать, что своим существованием первое обязано второму. Люди объединяются также и для проведения научного исследования, и для отправления религиозного культа, и для художественного творчества, и для спорта, и для раздачи и получения наставлений, и для производственно-коммерческих начинаний. В каждом из случаев некая объединенная или совместная деятельность, сложившаяся на основе «естественных», то есть биологических условий и пространственной близости, приводит к конкретным последствиям — то есть, последствиям, принадлежащим к иному типу, чем те, к которым приводит поведение изолированных индивидов.

Когда эти последствия получают интеллектуальную и эмоциональную оценку, возникает общность интересов, благодаря чему преобразуется природа совместной деятельности. Каждая форма ассоциации обладает собственным конкретным качеством, собственной ценностью, и ни один находящийся в здравом уме человек не спутает одной формы с другой. Характерной чертой общества как государства является то, что его наличие обеспечивает всем разновидностям совместной деятельности возможность производить такие последствия, масштабы и длительность которых выходит далеко за рамки круга лиц, непосредственно связанных с данной деятельностью. Когда же подобные последствия достигают мыслей и чувств, осознание их приводит к обратной реакции, преобразующей те условия, которые их породили. И тогда о последствиях начинают заботиться, сознательно достигать их. Первичные объединения как таковые не способны к такой заботе о последствиях, к регулированию их. Ведь суть того типа последствий, который способен породить общество, заключается в факте, что эти последствия простираются за пре-

дела того круга, который непосредственно их производит. Следовательно, вместе с необходимостью заботиться о последствиях возникает потребность в образовании специальных учреждений и принятии специальных мер; в противном случае, какой-то из существующих групп придется взять на себя новые функции. Таким образом, явным внешним признаком наличия общества или государства является существование чиновников. Правительство же не есть государство, ибо последнее включает в себя не только правителей, наделенных особыми обязанностями и полномочиями, но и общество. Однако, общество организуется при помощи чиновников, действующих в его интересах.

Таким образом, государство является представителем важных, хотя и ограниченных, специфических социальных интересов. С этой точки зрения, нет ничего необычного в том, что требования организованного общества преобладают над иными привходящими интересами, ни в том, что в большинстве ситуаций эти требования демонстрируют полное безразличие, невосприимчивость к дружбе, научному сотрудничеству, искусству и религии. Если последствия дружбы несут угрозу обществу, такая дружба рассматривается как заговор; обычно же дружба не является предметом озабоченности государства. Нормальной практикой является образование индивидами партнерств с целью получения наибольших прибылей в той или иной работе, либо с целью обеспечения совместной обороны. Но стоит подобному партнерству выйти за определенные рамки, стоит окружающим почувствовать, что оно являет угрозу их безопасности и благосостоянию, как сразу же включаются механизмы государства. Таким образом, оказывается, что в некоторых обстоятельствах государство является отнюдь не всепроникающим и всепоглощающим, а наоборот, самым праздным и пустым из человеческих установлений. Несмотря на это, попытки делать на данном основании обобщения и заключать, будто государство по природе своей является чем-то незначительным, опровергаются тем фактом, что всякий раз когда поведение семейных союзов, церквей, профессиональных объединений, производственных корпораций или образовательных институтов начинает затрагивать большое число не принадлежащих к ним людей, последние образуют общество, пытающееся осуществлять свою деятельность через соответствующие структуры, то есть приспособить собственную организацию к целям надзора и регулирования.

По моему мнению, нет лучше способа убедиться в абсурдности притязаний, высказываемых порой от лица политического общества, чем вспом-

нить о том влиянии, которое довелось оказать на жизнь общества таким личностям, как Сократ, Будда Иисус, Аристотель, Конфуций, Гомер, Вергилий, Данте, Фома Аквинский, Шекспир, Коперник, Галилей, Ньютон, Бойль, Локк, Руссо и многие другие, а затем спросить себя, считаем ли мы всех этих людей государственными деятелями (*officers of the state*). Каким бы ни был наш подход к государству, но если он позволяет положительно ответить на данный вопрос, то тем самым он превращает государство в совокупность всех и всяческих ассоциаций. А коль скоро мы допускаем столь расширительное толкование государства, перед нами вновь возникает необходимость выделить внутри данного понятия область государства в узком — политико-правовом — смысле. С другой стороны, попытки устранить или проигнорировать государство заставляют нас вспомнить о Перикле, Александре Македонском, Юлии и Августе Цезарях, Елизавете, Кромвеле, Ришелье, Наполеоне, Бисмарке и тысяче других подобных деятелей. Нельзя не допустить, что у каждого из них была и своя частная жизнь, но как незаметна она на фоне их деятельности в качестве представителей государства!

Данное понимание государственности не предполагает каких-либо конкретных убеждений относительно уместности или целесообразности того или иного политического действия, мероприятия, той или иной политической системы. Результаты наблюдения последствий могут быть столь же ошибочными и иллюзорными, сколь и восприятие объектов природы. Суждения о том, что и как следует делать для того чтобы внести в данные последствия определенные коррективы, так же подвержены ошибке, как и все прочие планы. Ошибки накапливаются, упрочивая свое положение в виде законов и методов управления, и в этом виде они приносят больше вреда, чем те последствия, ради контроля над которыми и были изначально задуманы эти законы и методы. И, как показывает вся политическая теория, полномочия и престиж, сопутствующие нахождению чиновника у власти, способствуют превращению любого правила в нечто самодовлеющее. Властными полномочиями личность наделяется либо случайно — путем наследования их — либо в силу обладания определенными качествами — качествами, позволяющими ей занять ту или иную должность, но при этом совершенно не соответствующими задаче выполнения данной личностью связанных с этой должностью представительных функций. Но все это не уничтожает самой потребности в организации общества посредством правителей и правительственных учреждений, и в определенной степени данная потребность находит свое воплощение в на-

личной политике. Прогресс, наблюдаемый в политической истории, имеет место благодаря тому, что время от времени отдельным блестящим идеям удается-таки пробиться сквозь массу невнятных и косных представлений. И тогда становится возможной определенная реконструкция прежних понятий, позволяющая оснастить политику средствами, более адекватными той задаче, которой они призваны служить. Подобный прогресс не носит постоянного и неуклонного характера. Откаты назад происходят с не меньшей периодичностью, чем продвижения вперед. Например, развитие промышленности и появление новых технических изобретений приводят к смене видов совместной деятельности и радикально преобразуют качество, характер и место проявления вторичных последствий этой деятельности.

Данные изменения являются неотъемлемой частью политических форм, которые, однажды утвердившись, обретают определенную инерцию. Вновь созданное общество долго остается бесформенным, неорганизованным, ибо не может воспользоваться передаваемыми по наследству политическими учреждениями. В случае же, когда эти последние достигают зрелости и истинной институционализации, они являют собой препятствие на пути становления нового общества. Они не позволяют установиться новым государственным формам, способным с легкостью возникать везде, где социальная жизнь более подвижна и не слишком скована застывшими политико-правовыми шаблонами. Новое общество может сформироваться, только порвав с наличными политическими формами. А сделать это нелегко, поскольку сами эти формы являются общепринятыми средствами институционализации изменений. Общество, породившее определенные политические формы, уходит в прошлое, но установленные умирающим обществом институты и должности все еще хранят присущую им власть и жажду господства. Поэтому смена государственных форм зачастую достигается только в результате революции. До сих пор создание достаточно гибкого и восприимчивого к изменениям политико-правового механизма оказывалось непосильным для человека делом. Эпоха противоборства нового, возникающего общества и установленных государственных форм характеризуется усиливающимся пренебрежением и равнодушием к государству. Всеобщая апатия, невнимание и презрение к нему находят выражение в стремлении прибегать ко всевозможным упрощениям установленных процедур, к замене их не опосредованной [государством] деятельностью. К подобной «прямой» деятельности прибегают зачастую не только те, для кого она является политическим лозунгом: наиболее энергично ею пользуются представители существующих классовых интересов,

громче других призывающих к необходимости соблюдения установленно-го действующим государством «правопорядка». По самой своей природе государство является чем-то таким, что надлежит изучать, исследовать, отыскивать. Стоит только наличному государству обрести стабильную форму, как снова возникает нужда в ее преобразовании.

Таким образом, проблема отыскания государства является проблемой не только для теоретиков, занятых исключительно рассмотрением существующих институтов. Данная проблема практически встает перед живущими совместно людьми, перед человечеством как видом. Это сложная проблема. Разрешение ее предполагает наличие способности видеть, узнавать те последствия, к которым приводит деятельность индивидов, объединенных в группы; оно предполагает умение находить первоисточки этих последствий. Требуется уметь отбирать людей, годных на роль представителей тех интересов, которые порождаются названными последствиями; требуется определить, какими функциями будут наделены данные люди. Требуется установить такое правительство, при котором лица, обладающие вышеупомянутыми функциями, будут пользоваться приданными им полномочиями во благо общества, а не во благо себя самих. В свете сказанного не приходится удивляться тому, что множественность существовавших в истории государств являлась множеством не только количественным, но и качественным, так как государства рознились между собой по типу и по виду. Ибо существовали бесчисленные формы совместной деятельности, коим соответствовало большое разнообразие последствий. Способность опознать эти последствия была разной в разные эпохи; особенно сильно она зависела от имевшихся в наличии инструментов познания. Отбор правителей осуществлялся по самым различным критериям. Разные правители обладали различными функциями, столь же рознились они между собой и в том, какова была воля и желание каждого из них представлять общие интересы. Так что только излишняя приверженность какой-либо жесткой философской системе может заставить нас думать, будто существует одна-единственная концепция государства, относительно которой все ранее существовавшие в истории государства суть лишь различные степени приближения к совершенству. Тут возможно довольствоваться лишь чисто формальным определением: государство — это такая организация общества, которая осуществляется через посредство чиновников и имеет своей целью защиту общих для всех своих членов интересов. Но то, каким может быть это общество или его чиновники, то, насколько правильно выполняют они свои функции — все это вопросы, ответы на кото-

рые следует искать в истории.

Вместе с тем, достигнутое нами понимание может служить критерием того, насколько хорошим или плохим является каждое конкретное государство, то есть, оно позволяет нам установить, в какой степени чиновники данного государства способны выполнять функцию защиты интересов общества. Однако, не существует никакого априорного правила, следуя которому можно создать хорошее государство. Невозможно найти двух таких эпох или мест, в которых бы существовали совершенно одинаковые общества. Разность условий обуславливает различия последствий, приносимых совместной деятельностью, и различия в знании этих последствий. Кроме того, различными бывают и средства, при помощи которых общество определяет, служит ли правительство его интересам. И выявление лучшего из государств возможно только по формальным критериям. На практике же, рассматривая конкретные организации и структуры, невозможно сказать, какая из реально существующих форм государства является лучшей: по крайней мере, подобный вывод нельзя будет сделать до тех пор, пока не настанет конец истории, после чего можно будет сопоставить все когда-либо существовавшие формы. Формирование государств должно являть собой некое экспериментирование. Метод проб и ошибок в той или иной степени будет слепым и случайным, потребуется непредсказуемый процесс подгонки, где-то придется продвигаться вслепую, на ощупь, не понимая истинных намерений людей и не имея четкого представления о том, каким должно быть хорошее государство в данном конкретном случае — даже если таковое уже сформировано. Не исключено также, что данный процесс будет осуществляться с большей степенью осознанности, с пониманием того, какие условия должны быть соблюдены. Но и в этом случае речь идет всего лишь об экспериментировании. А так как условия и самой деятельности, и ее исследования, познания находятся в постоянном изменении, любой эксперимент придется проделывать сызнова; поиски государства надо будет периодически возобновлять. Повторим, что если не считать некоторых формальных условий, кои необходимо будет соблюдать, мы не имеем никакого представления о том, что уготовило нам будущее. Не дело политической философии и политической науки — решать, каким должно быть государство вообще. Однако, эти дисциплины способны оказать помощь при создании методов, благодаря которым экспериментирование будет осуществляться не столь слепо, в меньшей мере будет делом случая и в большей — делом

разума, так что люди смогут учиться на собственных ошибках и извлекать наибольшую пользу из своих успехов. Одним из камней преткновения, препятствующих упорядоченным и планомерным изменениям, является вера в политическую неизменность, проверенность временем некоторых форм государства, созданных нашими отцами и освященных традицией; наличие подобных препятствий способно спровоцировать мятеж и революцию.

Подытоживая ход нашего рассуждения, попробуем внести ясность в сказанное, суммируя предыдущие доводы. Универсальной чертой поведения всех вещей является то, что их действия осуществляются во взаимосвязи с действиями других вещей. Подобные действия приводят к тем или иным результатам. Некоторые из результатов совместной деятельности людей попадают в поле нашего восприятия, то есть делаются объектами осмысления. Это создает возможность целенаправленной деятельности, планирования, разработки определенных мер и средств, призванных обеспечить получение желательных и устранение нежелательных последствий. Таким образом, восприятие последствий порождает общность интересов; то есть все, кого затрагивают данные последствия, волей-неволей оказываются вовлечены в деятельность всех тех людей, кто так же, как и они сами, причастен к данным результатам. Иногда подобные последствия распространяются только на тех, кто непосредственно участвует в порождающих их действиях. В иных случаях они выходят далеко за пределы круга лиц, непосредственно вызвавших их. Так возникает два типа интересов и два типа регулирования, имеющего целью скорректировать последствия данной контролируемой деятельности. В первом случае, заинтересованность в последствиях и контроль над ними является уделом тех, кто непосредственно вовлечен в них; во втором случае, они распространяются и на тех людей, кто не принимает непосредственного участия в данных действиях. В таком случае, если интерес, обусловленный влиянием на них данной деятельности, и может возыметь какое-то практическое значение, то только как такой контроль над порождающими данные последствия действиями, осуществление которого достигается косвенными средствами.

Вышесказанное, как утверждалось, имеет отношение к реальным, проверяемым фактам. Теперь же мы перейдем к сфере гипотез. Все люди, которых определенные последствия так или иначе затрагивают всерьез, образуют некую группу, достаточно определенную для того чтобы обозначить ее неким термином. Таким подходящим термином явится «общество». Организованности и эффективности функционирования общество достигает при помощи своих представителей, которые, будучи

Глава II.

Открытие государства

Если мы будем искать общество не там, где надо, мы никогда не найдем подходящего места для государства. Если мы не поставим перед собой вопрос о том, каковы условия, способствующие и препятствующие организации общества в социальную группу с определенными функциями, мы никогда не поймем, какие проблемы возникают в ходе развития и трансформации государств. Если мы не уясним себе, что смысл данной организации — в обеспечении общества официальными представителями, отстаивающими общественные интересы, у нас не окажется ключа к пониманию природы правительства. Таковы выводы, к которым мы пришли на основании наших предшествующих рассуждений. Как уже было показано нами выше, неправильно искать государство в сфере причинно-следственных связей, нельзя отыскать некий источник, некую силу, порождающую государство на манер *vis genetrix*³ Возникновение государства не есть ни прямой результат органических контактов (так происходит зачатие плода в утробе), ни непосредственное осуществление сознательного намерения (так изобретают машины), ни деяние некоего размышляющего духа, будь то персонифицированное божество или метафизическая абсолютная воля. Если мы будем искать истоки государства в подобных областях, реалистический взгляд на вещи заставит нас в конце концов прийти к выводу, что нам не удастся найти ничего, кроме конкретных личностей — тебя, их, меня. Тогда (если только мы не впадем в мистицизм), мы будем вынуждены решить, что общество рождается в мифе и его существование поддерживается суевериями.

На вопрос «что такое общество?» существует множество ответов.

³ Порождающая сила, сила-прародительница (лат.) — Прим. перев..

К сожалению, изрядное число их представляют собой не что иное как измененные формулировки того же самого вопроса. Так, нам говорят, что общество представляет собой сообщество как единое целое, при этом предполагается, что «сообщество как целое» есть нечто самоочевидное и не нуждающееся в объяснении. Но сообщество как *целое* предполагает не просто существование множества связей, разными способами соединяющих людей между собой, но и организацию всех элементов на основе того или иного объединяющего принципа. Между тем, именно такой принцип мы и пытаемся отыскать. Но почему должно существовать какое бы то ни было всеобъемлющее единство, способное выступать в роли всеобщего регулятивного начала? Если мы постулируем существование чего-то подобного, то, конечно, единственным институтом, подходящим под данное определение, является человечество, а отнюдь не те исторические деяния, которые принято называть государствами. Представление о том, что предполагаемой объединяющей силе присуща всеобщность, тотчас же рушится, стоит только принять во внимание очевидное разнообразие государств, каждое из которых характеризуется определенным местоположением, пространственными и прочими границами и ограничениями, равнодушием или даже враждебностью к другим государствам. Самое лучшее, что могут сделать с этим фактом метафизические монистические разновидности философии политики — это проигнорировать его. Либо же, как это делал Гегель и его последователи, создаются некие мифические историко-философские построения, призванные восполнить недостатки мифического учения о государстве. В качестве объективированных выражений разума и воли универсальный дух выбирает то одну, то другую из ограниченных в пространстве и времени наций.

Подобные соображения подтверждают наше положение о том, что источником общества является осознание важных последствий деятельности определенных людей и ассоциаций для всех остальных людей, и что превращение общества в государство происходит через учреждение специальных ведомств, чья задача — обеспечивать и регулировать эти последствия. Но этим предполагается также, что некоторые свойства существующих государств предназначены для выполнения заранее определенной функции, и именно они являются характеристиками любого государства. Обсуждение этих свойств позволит определить природу общества и проблему его политической организации, а также послужит средством проверки нашей теории.

Вряд ли можно найти другую черту, способную лучше отражать природу государства, чем только что упомянутая временная и географическая локализация. Некоторые из ассоциаций оказываются слишком малочисленными и ограниченными в своих возможностях для того, чтобы образовать общество, иные же оказываются слишком изолированными друг от друга, чтобы представлять собой части одного и того же общества. Проблема выяснения того, какое общество способно превратиться в государство, частично сводится к проблеме исключения всего слишком близкого и интимного, как и всего слишком удаленного и не связанного с предметом. Непосредственные контакты, взаимоотношения «лицом к лицу» приводят к возникновению общности интересов и появлению общих ценностей, являющихся, однако, слишком непосредственными и жизненно важными, чтобы вызвать необходимость в политической организации. Типичный пример этого рода — внутрисемейные связи, предполагающие непосредственное общение и непосредственную заинтересованность. Так называемая кровная связь, которая сыграла такую роль в демаркации социальных групп, в значительной степени основана на непосредственной обоюдной пользе результатов совместной деятельности. То, что делает каждый из членов домашнего хозяйства, непосредственно затрагивает всех остальных членов, последствия каждого действия оцениваются тотчас же и на уровне близкого общения. Здесь, как говорится, все «попадает по назначению». Создавать специальные организации в этом случае — излишество. Только когда связи начинают простирается за пределы семьи, на клан как объединение семей, на племя как объединение кланов — тогда последствия действительно становятся настолько косвенными, что требуются специальные меры. Во многом на том же самом принципе ассоциации, что и семья, строится соседство. Для регулирования соседских отношений бывает достаточно принятых обычаев, а когда возникают особые обстоятельства, меры принимаются в порядке импровизации.

Возьмем для примера деревню в Уилтшире, так замечательно описанную у Хадсона: «Каждый дом имеет свой центр средоточения человеческой жизни, жизни птицы и скота, и эти центры связаны друг с другом, подобно хороводу детей, взявшихся за руки. Все вместе они составляют один организм, живущий одной жизнью, управляемый одним сознанием, как длинная пестрая змея, отдыхающая на земле, растянувшись во всю длину. Мне вспомнилось, как на краю деревни крестьянин колот дрова или пень,

и внезапно выпустил из рук свой тяжелый острый топор, который врезался ему в ногу и сильно поранил ее. Известие о происшествии перелетало из уст в уста и достигло другого конца деревни, в миле от того места. Каждый из жителей не только быстро оказался в курсе дела, но и тут же живо представил себе то, что произошло с его товарищем — каждому виделся падающий на его ногу сверкающий топор, виделось, как хлынула из раны алая кровь. В тот же момент его собственную ногу и все его существо как бы пронзала острая боль. Точно так же сообщались от одного к другому и все прочие мысли и чувства — и для этого необязательно были нужны слова — все становилось участниками происходящего благодаря сочувствию и солидарности, объединяющей членов маленького изолированного сообщества. Никто не был способен на мысль или на чувство, которые были бы чужды для остальных. Характер, настроение, точка зрения человека и деревни совпадали⁴. При таком уровне близости государство совершенно неуместно.

В течение долгих периодов истории человечества, в особенности на Востоке, государство практически становится чем-то вроде тени, которую отбрасывают на семью и соседей весьма отдаленные действующие лица и которую раздувают до гигантских масштабов религиозные верования. Оно правит, но ничего не регулирует, поскольку управление его ограничивается взиманием дани и церемониями почтения. Всё, что человек должен делать, заключено в рамках его семьи; семья же владеет и собственностью. Место политического подчинения занимает здесь личная преданность старшим. Узы, из которых проистекает власть — это отношения мужа и жены, родителей и детей, младших и старших братьев, друзей между собой. Политика не является ветвью морали; она сама погружена в мораль. Венцом всех добродетелей является сыновнее почтение. Грех вменяется в вину постольку, поскольку он бесчестит предков и родственников. Функционеров власти знают, но только для того, чтобы их избегать. Вступать с ними в пререкания — бесчестно. Степень ценности подобного отдаленного теократического государства заключается не в том, что оно делает, а в том, чего оно *не* делает. Его совершенство лежит в уподоблении его природным процессам, благодаря которым не переставая сменяют друг друга времена года, так что поля под благословенным царством солнца приносят урожай, и в мире процветает добрососедство. Близкородственная группа — это не социальная единица, включенная в некое

⁴ *Hudson W.H. A Traveller in Little Things, p. 110—112.*

общественное целое высшего порядка. Почти во всех отношениях это — сам социум.

Другую крайность представляют собой социальные группы, которые так сильно разделены реками, морями и горами, разными языками и поклонениям разным богам, что то, что делает одна из них, не имеет никакого отношения к тому, что делает другая, за исключением ситуации войны. Следовательно, у них нет общих интересов, нет общества, и нет ни необходимости, ни возможности образования единого государства. Пресловутая множественность существующих государств — такой универсальный феномен, что она считается само собой разумеющейся. Кажется, что она не требует объяснения. Но в то же время, как мы убедились, для некоторых теорий этот феномен представляется трудно объяснимым. Единственный способ преодолеть эту трудность — наложить странные ограничения на общую волю и разум, якобы являющиеся основаниями государства. По меньшей мере странно, что универсальный разум не может преодолеть препятствие из горной цепи, а объективной воле ставит преграду текущая река. Для многих других теорий эта трудность не столь велика. Но факт существования многих государств подкрепляет только ту теорию, в которой признание последствий является определяющим фактором. Все то, что является барьером для последствий совместной деятельности самим этим фактом устанавливает политические границы. Подобное объяснение является таким же банальным, как и то, что требуется объяснить.

Итак, область государства лежит где-то посередине — между теми ассоциациями, которые являются узкими, закрытыми и интимными, и теми, которые отстоят друг от друга так далеко, что между ними возможны только редкие и случайные контакты. Не следует ожидать, что линии водораздела между тремя названными областями будут четкими и неизменными, и они действительно не таковы. Деревни и соседские общины незаметно переходят в политическое общество. Различные государства способны составить федерацию, и от нее перейти к большему целому, которое по некоторым признакам будет государством. Данную ситуацию, предвидеть которую позволяет названная теория, подтверждают и исторические свидетельства. Непостоянство и подвижность различий между государством и другими формами социального союза является еще одним камнем преткновения для тех теорий государства, которые в качестве своего конкретного воплощения подразумевают нечто столь же четкое, как и понятие. В плане эмпирических последствий

именно этого и следует ожидать. Бывают империи, образовавшиеся в результате завоевания, где политическое право существует только в виде насильственного сбора налогов и рекрутирования солдат; и хотя применительно к ним и можно использовать слово государство, в этом случае бросается в глаза отсутствие характерных признаков какого бы то ни было общества. Бывают политические сообщества, такие как города-государства древней Греции, в которых жизненно важным фактором является вымышленное представление об общем происхождении всех жителей, при этом домашние боги и обряды заменены боже-ствами, святынями и культами сообщества; в таких государствах во многом сохраняется интимность и личная вовлеченность, характерные для семьи, но к этому добавляется вдохновляющий и преобразующий импульс более разнообразной, более свободной, более полной жизни, преимущества которой так важны, что по сравнению с ней существование, замкнутое рамками соседства, кажется ограниченным, а существование в рамках семьи — унылым.

Предложенная гипотеза так же легко объясняет множественность и постоянные трансформации тех форм, которые принимает государство, как и бесконечное разнообразие независимых государств. Тип и масштаб последствий совместного поведения изменяется по мере того как меняется «материальная культура», — особенно в том, что касается обмена сырьем, готовой продукцией, технологиями, инструментами, оружием и посудой. На все перечисленное, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние изобретения в области средств перемещения, транспортировки, коммуникаций. Народ, живущий разведением овец и рогатого скота, привык к совсем иным условиям, чем народ, кочующий верхом на лошадях. Первый вид кочевников обычно стремится к миру, второй — как правило, воинственен. Грубо говоря, орудия и инструменты определяют занятия, а занятия определяют последствия совместной деятельности. Определяя последствия, они создают общества с различными интересами; обеспечивающее выполнение этих интересов политическое поведение этих обществ также оказывается весьма различным.

Несмотря на тот факт, что правилом является множественность, а не единообразие политических форм, в политической философии и науке сохраняется вера в государство как таковое как в некую архетипическую сущность. Много диалектической изобретательности было затрачено на выдумывание некоей сущности или внутренней природы, на основа-

нии которой к каждой отдельной ассоциации правомерно было бы приложить понятие государственности. Подобная же изобретательность затрачивалась на то, чтобы объяснить и устранить всё, что отклоняется от данного морфологического типа, а также (любимый прием) чтобы расположить государства в иерархической последовательности, по мере восхождения, приближения их к этой идеальной сущности. И на практику, и на теорию оказала влияние идея о существовании некоего образца, соответствие которому делает государство *благом*, истинным государством. Именно это, более всего прочего, послужило причиной попыток импровизировать в деле создания конституции и налагать на людей результаты подобных импровизаций. К сожалению, когда было понято, что этот подход ложен, вместо него появилась идея, согласно которой государства не создаются искусственным образом, а «становятся» или развиваются. Это «становление» означало не просто то, что государства меняются. Становление означало эволюцию, восхождение через последовательные стадии к некоторой предуготовленной вершине, осуществляющееся в силу какого-то внутреннего стремления или принципа. Эта теория не позволяла прибегнуть к тому единственному методу, руководствуясь которым можно было бы изменять политические формы, а именно, к разумному вынесению суждений о последствиях. Точно так же, как и та теория, которую она заменила, эта идея подразумевала существование единственной стандартной формы, являющейся сущностным, подлинным признаком определения государства как такового. Исходя из ложной аналогии с физикой, считалось, что «научное» исследование общества возможно только если принять предположение о *таком* единообразии процесса. Волей случая данная теория польстила тщеславию тех наций, которые, будучи политически «более развитыми», предполагали, что они уже находятся так близко к высшей точке эволюции, что могут носить корону государственности.

Представленная гипотеза делает возможным последовательно эмпирическое или *историческое* исследование изменений политических форм, свободное от безоглядного господства тех или иных концепций, неизбежно возникающего везде, где постулируется некое «истинное» государство, независимо от того, предполагается ли оно созданным преднамеренно или эволюционировавшим по собственному внутреннему закону. Влияние внутренних факторов неполитического характера — индустриальных и технологических, а также внешних событий (заимствований, путешествий, перемещений, открытий, войн) — изменяет последствия существовавших ранее ассоциаций до такой степени, что становятся необходимы новые орга-

ны и функции. Политические формы подвержены также и менее непосредственному изменению. Развитие лучших методов мышления делает возможным наблюдение за такими последствиями, которые были ранее недоступны мышлению, пользовавшемуся более грубыми интеллектуальными инструментами. Новые политические средства изобретаются также с развитием разумной способности понимания. В действительности же наука до сих пор не играла большой роли. Но иногда интуиция государственных деятелей и специалистов в сфере политической теории позволяла им настолько проникнуть в действие общественных сил, что становился возможным новый поворот в законодательстве и управлении. У такого «организма», как государство (как и у живого организма), существует запас терпения. Меры, никоим образом не неизбежные, после того, как они однажды были приняты, становятся обычаем, что ведет к дальнейшему увеличению разнообразия политических методов.

Короче говоря, гипотеза, допускающая, что общества создают признание определенных — масштабных, долговременных, опосредованных — последствий тех или иных действий, позволяет объяснить относительность государств, в то время как теории, определяющие государство в терминах специфической причинной зависимости, подразумевают абсолютность понятия государства, а это не соответствует фактам. Попытка отыскать с помощью «компаративистских методов» нечто общее между античными и современными, западными и восточными государствами, привела лишь к пустой трате сил. Единственная постоянная функция — регулирование и обеспечение интересов, формирующихся вследствие сложного, опосредованного расширения и распространения совместной деятельности.

Следовательно, мы заключаем, что разнообразие времени и места есть первый признак политических организаций, и анализ этого разнообразия способен служить подтверждением нашей теории. Второй признак и второе подтверждение заключается в том, что иначе, как при помощи данной теории, невозможно дать объяснение тому факту, что именно масштабность совместной деятельности порождает общество, нуждающееся в организации. Как мы уже замечали, то, что сейчас рассматривается как преступления, подлежащие общественному расследованию и суду, считалось когда-то частными проявлениями бурной страсти, то есть имело статус, который ныне имеет оскорбление, нанесенное одним лицом другому. Интересной фазой перехода от относительно частного к общественному или, по крайней мере, от ограниченно-обще-

ственного к более полному, был период становления в Англии общественного порядка, средоточием которого была королевская власть. До XII века правосудие осуществлялось в основном судами феодалов, графств, судами графских округов и т.п. Каждый лорд, у которого было достаточно вассалов и арендаторов, обладал правом разбирать тяжбы и налагать штрафы. Высокий королевский суд был всего лишь одной из многих судебных инстанций, занимавшейся преимущественно тяжбами королевских вассалов, слуг, делами о защите королевской собственности и достоинства. Однако монархи желали увеличить свои доходы, власть и престиж. Благодаря изобретению различных приемов и ухищрений область юрисдикции королевских судов расширилась. Подобного результата удалось достичь через доказательство того, что многие нарушения закона, которые ранее подлежали ведению местных судов, нарушают королевский порядок. Централизация продолжалась до тех пор, пока королевское правосудие не получило монополию. Это — весьма важный пример. Мера, продиктованная стремлением усилить власть и увеличить выгоды королевской династии, путем простого расширения обрела значение безличной общественной функции. То же самое весьма часто случалось, когда личные прерогативы становились политическими обычаями. Нечто подобное происходит и в современной жизни, когда области частного бизнеса в силу собственного количественного расширения становятся «зонами общественного интереса».

Обратный процесс представляет собой случай перехода из сферы общественного в частную сферу религиозных обычаев и верований. До тех пор пока превалирующее общественное мнение позволяло индивидуальной набожности или, наоборот, нерелигиозности влиять на все общество, религия по необходимости была общественным делом. Строгая приверженность господствующему культу была делом высочайшей государственной важности. Боги были предками племени или основателями сообщества. Когда их подобающим образом почитали, они даровали племени процветание, а когда им служили недостаточно ревностно, они насылали голод, мор или поражение в войне. Естественно, когда последствия религиозного культа были столь широки, храмы являлись общественными сооружениями, как, например, агора и форум; исполнение обрядов причислялось к гражданским функциям, а жрецы — к государственным должностным лицам. Еще долгое время спустя после исчезновения теократических государств теургия оставалась политическим институтом. Даже когда распространилось неверие, лишь немногие отваживались пренебречь публичными церковными церемониалами.

Революцию, благодаря которой благочестие и религиозность превратились в удел частной сферы, часто рассматривают как следствие усиления персональной совести и утверждения прав этой последней. Но ведь и сам факт возросшего значения совести также нуждается в объяснении. Предположение, что совесть всегда играла некую подспудную роль и, наконец, отважилась выйти на свет, меняет местами порядок событий. Произошли некие социальные изменения — изменения, затронувшие склад ума людей, а также внутренние черты характеров и внешние стороны их взаимоотношений, — вследствие чего люди перестали усматривать связь между почитанием богов (или неуважением к ним) и благополучием (или неблагополучием) всего общества. По-прежнему вера и неверие имели серьезные последствия, но теперь предполагалось, что эти последние ограничиваются временным, либо вневременным счастьем конкретных людей. Нетерпимость к иной вере и преследование ее считались теперь столь же справедливыми, как организованное сопротивление любому преступлению; для общественного мира и процветания безбожие представляет самую опасную угрозу. Но постепенно социальные перемены сделали одной из новых функций жизни сообщества права на индивидуальную свободу совести и вероисповедания.

Вообще говоря, сама интеллектуальная жизнедеятельность переместилось из общественной сферы в частную. Конечно, данное радикальное преобразование было вызвано становлением понимания частного права как права священного и неотъемлемого; это понимание и служило его обоснованием. Но если принять такие рассуждения, то тот факт, что человечество просуществовало так долго, совершенно не подозревая о наличии этого права, покажется столь же странным, как и в случае с религиозной верой. На самом же деле представление о сознании как о сугубо частной области, в которой все, что происходит, не имеет внешних последствий, вначале родилось как результат изменений — политических и церковных — в общественном устройстве; хотя, однажды утвердившись, это представление, как и прочие убеждения, сказалось и на политике. До тех пор, пока социальная мобильность и разнородность общества не породили открытий и инноваций в области технологии и индустрии, до тех пор, пока светские задачи не стали грозными противниками церкви и государства, едва ли можно было прийти к наблюдению, согласно которому интересы общества соблюдаются лучше, если персональное суждение и свобода выбора в интеллектуальных умозаключениях получают наибольший простор. Впрочем, даже тогда терпимость в области суждений и верований оставалась в боль-

шей степени негативной. Мы согласны оставить другого в покое (в определенных границах) скорее из-за понимания того, что противоположная линия поведения принесет нам вред, а отнюдь не из-за того, что верим в социальную благотворность подобного отношения к другому. Однако, до тех пор пока понимание социальной благотворности подобного поведения не получит широкого распространения, так называемое естественное право на частное суждение останется довольно сомнительным обоснованием факта появления некоторой скромной доли терпимости. Такие феномены, как Ку-Клус-Клан и попытки через законодательство управлять развитием науки показывают, что вера в свободу мыслей до сих пор остается поверхностной.

Если я прихожу на прием к врачу, то это действие затрагивает, в первую очередь, меня и его. Оно способно повлиять на мое здоровье и на его кошелек, [профессиональный] навык и репутацию. Но такого рода профессиональная деятельность чревата столь далеко идущими последствиями, что в какой-то момент экзаменование и лицензирование людей, которые ими занимаются, становится заботой общества. Джон Смит занимается куплей-продажей недвижимости. Сделка имеет место между ним и еще каким-то человеком. Однако земля имеет для общества первостепенную важность, и частная сделка обставляется регулируемыми законами; передача собственности и права на нее должны быть засвидетельствованы государственным должностным лицом в установленной законом форме. Выбор супруга и заключение брачного союза являются интимно-личным делом. Но вступление в брак есть условие появления потомков, а в них гарантия самосохранения общества. Интерес общества состоит в соблюдении формальностей, обеспечивающих законность как заключения, так и расторжения подобного союза. Одним словом, последствия любой транзакции затрагивают гораздо большее количество людей, помимо тех, кто непосредственно в ней участвует. Часто думают, что в социалистическом государстве при создании и расторжении брачного союза люди будут обходиться без участия общества. Возможно. Но возможно также, что такое государство будет проявлять больше чуткости, чем нынешнее сообщество, к последствиям союза между мужчиной и женщиной не только в том, что касается детей, но в том что касается благополучия и стабильности самого этого союза. В этом случае можно будет снять какие-то из сегодняшних ограничений, одновременно установив самые строгие правила относительно здоровья, экономического положения и психологической совместимости как предварительных условий для заключения брака.

Никто не в силах рассчитать все последствия собственных действий. Как правило, индивиду приходится ограничить свою задачу рассмотрением только, как говорится, своего собственного дела. Если бы не существовало неких общих, единых для всего сущего правил, то каждый, кто стал бы заглядывать слишком далеко в будущее, раздумывая, что может выйти из предполагаемых им действий, скоро безнадежно потерялся бы в сложнейшей путанице соображений. Даже наделенный самым широким кругозором человек имеет свою ограниченность, и если он вынужден очертить пределы своих познаний, то он очертит их кругом забот тесно связанных с ним людей. В отсутствие какого-то объективного регулирования только в воздействии на этих последних может он быть до какой-то степени уверен. То, что принято называть эгоизмом, по большей части представляет собой не более чем следствие недостатка наблюдательности и воображения. Таким образом, когда последствия деятельности касаются множества людей, и при этом оказываемое на них влияние является столь косвенным, что человек никак не может заранее предсказать, как именно это их затронет, в глазах субъекта деятельности это множество людей превращается в общество, способное вмешиваться в его дела. Дело не только в том, что в совокупности люди способны к более широкому спектру наблюдений, чем любой отдельно взятый человек. Скорее дело в том, что само общество ограничивает поток индивидуальной деятельности, направляя его определенными предписаниями, играющими роль каналов и плотин, и благодаря ему последствия деятельности становятся до известной степени предсказуемыми.

Таким образом, неправильно понимать регулирование и законы государства как «приказы» (commands). «Командная» теория общего и статусного права на самом деле представляет собой диалектическое последствие критически рассмотренных ранее теорий, которые определяют государство в терминах изначальной причинности, особенно теории, которая считает порождающей причиной государства «волю». Если государство происходит из воли, тогда воздействие государства выражается в предписаниях и запретах, которые оно накладывает на волю подданных. Впрочем, рано или поздно встает вопрос об обосновании воли, издающей приказы. Почему воля правителей должна иметь больше власти, чем воля всех остальных? Почему последние должны подчиняться? Логически напрашивается вывод, что основанием подчинения является силовое превосходство. Но этот вывод вызывает понятное желание померяться силами, чтобы выяснить, чья сила является превосходящей. На самом деле, идея силы здесь

замещает идею власти. Следующий диалектический вывод состоит в том, что рассматриваемая воля есть нечто большее, чем любая частная воля или совокупность частных волей: это некая верховная «общая воля». Это заключение сделал Руссо, и под влиянием немецкой метафизики оно превратилось в догму о некоей мистической трансцендентной абсолютной воле, которая, в свою очередь, не являлась синонимом одной лишь воли, ибо идентифицировалась с абсолютным разумом. Альтернативой любому из этих двух выводов может быть отказ от каузальной теории власти и признание того повсеместно присутствующего пласта действительности, осознание которого порождает у людей общность интересов и заставляет их ощутить потребность в специальных учреждениях, которые бы обслуживали эти общие интересы.

Фактически, те или иные положения закона обеспечивают условия, согласно которым люди заключают соглашения, правила, диктуемые законами. Это — те структуры, по каналам которых следует действие. Действующими силами их можно признать только в той мере, в какой являются действующей силой берега реки, заключающие бегущий поток; приказы, отдаваемые ими, также являются не более чем «приказами» берегов, направляющими поток реки. Они представляют собой действующие силы в той мере, в какой берега ограничивают течение реки, и являются приказами только в той степени, в какой берега приказывают реке, как течь. Если бы у индивидуумов не было определенных постоянных условий, при которых они приходят к соглашениям друг с другом, любое соглашение или заканчивалось бы в сумеречной зоне неопределенности или должно было бы предусматривать такое огромное количество деталей, что стало бы неуклюжим и негодным для употребления. Более того, все соглашения, настолько бы отличались друг от друга, что из одного соглашения нельзя было бы вывести ничего, что бы имело отношение к другому. Юридические правила устанавливают определенные условия, в случае выполнения которых соглашение становится контрактом. Таким образом, условия соглашения заключаются в определенные изменяемые рамки, тогда их можно обобщать и, зная о содержании одного положения конкретного договора, догадываться о содержании всех остальных его положений. Представления, согласно которым существуют определенные предписания, заставляющие заключать договора на тех или иных условиях, являются издержками теории⁵. В действительности же речь идет

⁵ Судьи создают юридические правила. Согласно «волевой» теории создания государства, это — вторжение в сферу полномочий законодателей. Но это не так, если принять во внимание, что судьи уточняют условия действий.

об установлении таких условий, только благодаря выполнению которых человек может рассчитывать на определенные последствия. При этом он действует наудачу, так как есть риск, что всю сделку сведут на нет убытки. Даже «запреты» уголовного права нет оснований рассматривать иначе. Условия устанавливаются в соответствии с последствиями, которые может вызвать их нарушение. Похожим образом мы можем установить нежелательные результаты, которые наступят, если река выйдет из берегов; так что если бы река могла предвидеть эти последствия и благодаря этому управлять своим поведением, мы могли бы метафорически отождествить берега с запретом.

Это толкование позволяет понять, почему в законах так много произвольных и случайных элементов и почему, при всей непохожести двух представленных рассуждений, они так легко отождествляют закон с разумом. Бывают много сделок, в которых главное — это то, что их последствия определяются как *нечто большее*, чем то, что можно вывести из того или иного внутреннего принципа. Другими словами, в определенных пределах неважно, какие результаты возникают из установленных условий, важно только чтобы последствия были достаточно определенными, чтобы их можно было предсказать. Типичным примером огромного числа правил являются правила дорожного движения. Таковы же правила, фиксирующие время захода солнца или точный час, начиная с которого злонамеренное проникновение в чужое помещение рассматривается как серьезное правонарушение. С другой стороны, юридические правила разумны, так что некоторые считают разум породившим их источником, ссылаясь на доводы Юма⁶. Люди по природе своей близоруки, и их близорукость возрастает и извращается влиянием влечений и страстей. «Закон» формулирует будущие и отдаленные последствия. Кроме того, он действует как всегда находящееся под рукой компактное средство контроля над непосредственными желаниями и интересами, которые по природе своей склонны превосходить своей силой способность разумного решения. Для человека это средство достичь того, чего иначе он мог бы достичь только с помощью своего собственного предвидения, если бы последнее было полностью разумным. Ибо юридическое правило, несмотря на то, что оно может быть установлено на основе одного-единственного акта, формулируется, применительно к неопределенному множеству других подобных актов. Оно по необходимости обобщает; оно является родовым для предсказания последствий не-

⁶ «Трактат о человеческом разумении», Часть II, отдел vii.

которого *класса* актов. Если специфические признаки какого-то конкретного действия слишком сильно сказываются в формулировке правила, оно скоро будет заменено или предано забвению. Согласно этой теории, закон как «воплощенный разум» есть результат обобщения средств и способов поведения, нацеленных на то, чтобы гарантированно получать желаемое. Разум выражает функцию, а не причину. Закон разумен подобно тому, как благоразумен человек, который выбирает и устраивает условия для достижения тех целей, которые он считает желательными. Недавно один писатель, рассматривая «разум» как нечто такое, что порождает законы, писал: «С точки зрения, разума долг не перестает быть долгом оттого, что прошло время, но закон устанавливает некоторую временную границу. С точки зрения разума, нарушение не перестает быть нарушением оттого, что оно постоянно повторяется, но закон имеет тенденцию с течением времени превращать не получающие отпора нарушения в права. Время, расстояние, случай безразличны для чистого разума, но в законном порядке они играют свою роль»⁷. Но если разумность является способностью приспособления средств к последствиям, таким вещам, как время и место, следует придавать большое значение, ибо они оказывают влияние как на последствия, так и на способность их предвидеть и действовать в соответствии с ними. Ведь прекрасными примерами того типа рациональности, которую заключает в себе право, является закон о сроках давности. Только когда разум рассматривается как «чистый», как это происходит в формальной логике, приведенные случаи говорят об ограничении разума.

Третий признак организации общества в государство, признак, который также представляет критерий правильности нашей гипотезы — это то, что государство имеет дело со старыми, и потому давно устоявшимися, застывшими способами поведения. Изобретение — акт, по самому своему существу чисто индивидуальный, даже если для того, чтобы сделать нечто новое, объединяются несколько человек. Новая идея — это то, что может прийти в голову кому-то одному. Новый проект — это нечто, что зарождается в уме одного человека и осуществляется в рамках частной инициативы. Чем новее какая-то идея или план, тем более они отклоняются от того, что уже признано и нашло свое место в практике. По своей природе нововведение — это отход от обычая. Отсюда то сопротивление, которое оно обычно встречает. Мы, вне сомнения, живем в эпоху изобретений и открытий. Вообще говоря, сами нововведения стали обычаем. Нововведениям

---

⁷ *Hocking, Man and State*, p.51.

внутренне присуще воображение; его ждут. Когда нововведения предстают в виде технических приспособлений, мы склонны их приветствовать. Но зачастую они имеют и другой вид. До сих пор существует правило смотреть с подозрением и встречать враждебностью все новое, даже инструмент или предмет кухонной утвари. Потому что нововведение — это аномалия, вслед за ним всегда появляются неисчислимы отклонения от того поведения, к которому мы привыкли и которое считаем «естественным». Недавно один автор ясно показал, что изобретения прокладывали себе путь коварством или приносимой ими непосредственной пользой. Если бы можно было предвидеть их эффект, их отдаленные последствия, мы могли бы смело утверждать, что в большинстве своем они были бы уничтожены как пагубные, подобно тому, как принятие многих из них откладывалось из-за смутного ощущения, что в них есть что-то кощунственное⁸. Как бы там ни было, считать их изобретением государства невозможно⁹.

Организованное сообщество до сих пор колеблется относительно принятия новых идей, не обладающих технической или технологической природой. Кажется, что они нарушат социальное поведение, и это действительно так, если говорить о поведении старом и привычном. Большинство людей сопротивляются тому, чтобы нарушались их привычки, и это касается привычных верований не меньше чем привычных действий. Ведь новая идея действительно нарушает принятые верования, в противном случае это не была бы новая идея. Это то же самое, что утверждать, будто генерирование новых идей является сугубо частным делом. Практически, все, чего мы хотим от государства, выносящего свои суждения с позиций уже сложившегося положения дел, — это чтобы оно смирилось с той мыслью, что новое производится частными лицами, и обошлось бы без излишнего вмешательства в это новое. Возможно, когда-нибудь появится государство, которое возьмется производить и распространять новые идеи и новые способы мышления, но сейчас о таком государстве можно только мечтать. Когда оно появится, оно будет существовать за счет того, что новые идеи станут вопросом общей веры и гордости. Конечно, можно сказать, что и сейчас государство обеспечивает необходимые гарантии для того, чтобы частные лица могли эффективно заниматься открытиями и изобретениями. Но создание этих условий является побочным продук-

⁸ *Ayers. Science: The False Messiah, Ch. IV, The Lure of Machinery.*

⁹ Одно очевидное исключение составляют средства ведения войны. В отношении них государство часто показывало себя столь же жадным, сколь оно было сдержанным и косным в отношении других изобретений.

том, посторонним по отношению к тем основаниям, на которых общество поддерживает эти условия. Такую идею легко опровергнуть, заметив, что общественное мнение менее всего склоняется к принятию того образа мысли, который склонен отражать состояние дел, не прибегая при этом к помощи технических теорий. В любом случае, абсурдно ожидать, что общество в целом — пусть даже название «государство» будет чересчур большой похвалой для него — превысит средний интеллектуальный уровень тех, из кого оно состоит.

Однако, когда какой-то способ поведения становится старым и знакомым, когда обычным делом становится использование определенного инструментария (если оно является предпосылкой осуществления других обычных целей), данный способ поведения обычно попадает в компетенцию государства. В лесу человек может протоптать свою собственную тропинку, но о больших дорогах, как правило, заботится общество. Без дорог, которыми каждый человек волен пользоваться (или не пользоваться) по своему усмотрению, люди были бы подобны странникам, потерпевшим кораблекрушение и заброшенным на необитаемый остров. Средства транспорта и связи затрагивают интересы не только тех, кто ими пользуется, но и всех тех, кто любым образом зависит от того, что именно перевозится, то есть производителей и потребителей. Возрастание возможностей легкой и быстрой связи означает, что производство начинает ориентироваться на все более отдаленные рынки и способствует преимущественному производству товаров широкого потребления. Таким образом, начинает обсуждаться вопрос, не следует ли железные дороги, как и обычные дороги, передать в управление общественных властей; в любом случае, по мере того как они приобретают важное место в ряду устоев общественной жизни, за ними устанавливается какая-то степень общественного контроля.

Тенденция относить в компетенцию государства все старое и установившееся имеет, помимо прочего, и психологическое обоснование. Привычки способствуют экономии как физической, так и интеллектуальной энергии. Они освобождают ум от необходимости каждый раз заново изыскивать средства для выполнения привычных задач, освобождая его, таким образом, для работы с новыми условиями и целями. Более того, вмешательство в хорошо установившуюся привычку вызывает чувство неловкости и антипатии. Освобождению от необходимости занимать внимание тем, что повторяется регулярно, еще более способствует эмоциональная тенденция избавляться от всего, что вызывает беспокойство. Отсюда общая

расположенность отдавать высоко стандартизованные и однородные виды деятельности официальным представителям общества. Возможно, придет время, когда станет рутиной не только управление и обслуживание железных дорог, но и существующие способы производства машин, так что люди бизнеса, вместо того чтобы протестовать против передачи их в собственность общества, станут, наоборот, настаивать на ней, что позволит им посвятить свою собственную энергию таким делам, в которых требуется большая новизна, разнообразие, в которых есть большие возможности для риска и удачи. Даже при сохранении общего режима частной собственности, они, возможно, захотели бы занимать свое время рутинными вещами не больше, чем захотели бы взять на себя заботу об общественных дорогах. Даже сейчас идея, согласно которой общество должно взять на себя машинное обеспечение производства товаров, является не столько предметом спора между чистым «индивидуализмом» и «социализмом», сколько вопросом о том, каково должно быть соотношение экспериментального и привычного, нового и постоянного; каково должно быть соотношение между тем, что имеет ценность в качестве условия других вещей, и тем, что значимо само по себе.

Четвертая черта общества отражена в идее, согласно которой дети и другие иждивенцы (такие как люди психически больные, инвалиды) должны находиться под его опекой. В любой сделке, когда стороны не равны по статусу, отношения скорее всего будут односторонними, и интересы одной из сторон пострадают. Если последствия представляются серьезными, особенно если они непоправимы, общество оказывает определенное давление с целью выровнять условия. Законодатели более охотно регулируют норму рабочего дня для детей, чем для взрослых, для женщин — чем для мужчин. В общем и целом, законодательное регулирование труда не может быть обвинено в том, что оно нарушает свободу заключения контракта; ибо когда экономические ресурсы сторон соглашения настолько не равны, что условия подлинного контракта отсутствуют; государство совершает действие по выравниванию уровней, на которых заключается сделка. Впрочем, профсоюзы часто возражают против такого «патерналистского» законодательства на том основании, что добровольное объединение рабочих, которое обеспечивает коллективное заключение соглашения, для участвующих в нем предпочтительнее, чем те действия, которые предпринимаются государством без активного участия рабочих. На том же основании покоится общее возражение против патернализма, согласно которому он относится к объектам помощи, как к детям, лишая их стимула помогать

самим себе. Тем не менее, данная разница касается не принципа, согласно которому неравенство в статусе служит основанием для вмешательства общества, а только средств, при помощи которых лучше всего достичь равенства.

Что касается образования детей, то до сих пор наблюдалась постоянная тенденция считать его государственным делом, несмотря на то, что прежде всего о детях заботится семья. Но эффективное образование возможно лишь в одном периоде жизни, в детстве; и если это время упустить, последствия будут непоправимыми. Позже небрежность уже практически нельзя исправить. Поскольку же считается, что определенное воспитание и образование детей способны возыметь существенное влияние на социум, устанавливаются правила, влияющие на действия родителей в отношении своих детей, а те, кто не являются родителями, облагаются налогом на поддержание школ (вопреки Герберту Спенсеру). То же самое имеет место и с последствиями небрежного отношения к мерам предосторожности в промышленности — условия работы в этом случае вредны для здоровья и настолько серьезны, что современное общество вмешалось с целью поддерживать условия, способствующие безопасности и здоровью. Тот же принцип иллюстрирует движение за введение государственного страхования по болезни и старости. Хотя установление государством минимального размера оплаты труда до сих пор представляет собой спорный предмет, аргументы в пользу этого шага опираются на тот же самый критерий. Смысл данного довода сводится к тому, что прожиточный минимум — это вещь, имеющая настолько серьезные непрямые последствия для общества, что ее нельзя просто оставить на усмотрение сторон, непосредственно участвующих в сделке, поскольку состояние нужды может сделать одну из сторон неспособной к эффективным равноправным переговорам.

В том, что сказано выше, нет попытки установить критерии, которые следует заранее установленным образом применять для того, чтобы достичь таких-то и таких-то результатов. Мы не пытаемся предсказать, какие особые формы примет государство в будущем. Здесь мы занимались только тем, что выделяли некоторые черты, которые характеризуют действие общества в отличие от действий частных лиц. Сделки между отдельными лицами и группами приводят к появлению общества тогда, когда становятся важными их непрямые последствия — то есть такие, которые не имеют непосредственного отношения к целям сделки как таковой. При этом остается некая неясность относительно того, какой смысл вкладывается в оп-

ределение «важный». Но по крайней мере мы указали на некоторые факторы, которые определяют важность последствий: к таковым относятся: далеко идущий характер последствий, как в пространстве, так и во времени; их определенный, одинаковый и постоянный характер; их непоправимость. В каждом из перечисленных случаев можно задать вопрос о степени важности, но нельзя без колебаний провести никакой четкой ясной линии, (подобно той, которую проводит на берегу откатывающий прилив), за которой возникает общество, характеризующееся столь значительными интересами, что для обслуживания их должны существовать специальные заведения или должностные лица. Таким образом пространство для дискуссии всегда остается. Границу между действиями, являющиеся уделом частной инициативы и частного управления, и теми, которые регулируются государством, каждый раз надо устанавливать экспериментально.

Как мы увидим позже, есть веские причины для того, чтобы очень по-разному проводить эту границу в разные эпохи и в разных местах. Самый факт того, что общество зависит от последствий каких-то действий и от того, как эти последствия воспринимаются, в то время как возможность превращения его в государство зависит от способности изобрести и задействовать соответствующий инструментарий, показывает, как и почему общества и политические институты сильно разнятся от эпохи к эпохе и от места к месту. Абсурдно предполагать, что какая-то априорная концепция, — с одной стороны, внутренней природы и пределов индивидуума, а с другой, государства — раз и навсегда даст искомое решение. Если же государство обладает определенной природой, как это было бы, явись оно результатом действия устойчивого внешнего фактора, или если бы у всех индивидуумов была одна и та же природа, не зависящая от того, в какие ассоциации они входят, из этого вполне логично можно было бы заключить, что сферы личной деятельности и деятельности государства разделены полностью и бесповоротно. Неспособность данной теории приносить практические результаты, является еще одним подтверждением другой теории, основной упор в которой делается на последствия деятельности.

В заключение разясним, что именно имеется в виду под взаимоотношениями общества, правительства и государства ¹⁰. До сих пор существо-

---

¹⁰ Здесь уместно разяснить одну вещь, которую нужно хорошо понять, хотя она не вошла в основной текст. Слова «правительство» и «чиновники» (officers) употребляются для обозначения функций, а не для указания на конкретные структуры, которые нам так знакомы, что сразу приходят на ум, когда встречаются эти слова. В своем функциональном значении эти слова применимы гораздо шире,

вали две крайние точки зрения на эту проблему. С точки зрения одной из них государство отождествляется с правительством. С точки зрения другой говорится, что государство, само по себе обладающее необходимым существованием, формирует и использует определенные ведомства, составляющие правительство, подобно тому как человек нанимает слуг и распределяет между ними обязанности. Вторая точка зрения соответствует теории каузальных действий. Государство вызывает к существованию какая-то сила, будь то общая воля или отдельные воли индивидуумов, объединенных в сообщество. Вторая операция заключается в том, что государство избирает определенных лиц, через которых оно затем будет действовать. Эта теория помогает тем, кто придерживается представлений о том, что государству присуща сакральность. Конкретные случаи политического зла, примерами которых изобилует история, можно списать на неудачливые и коррумпированные правительства, честь же государства при этом остается незатронутой. У отождествления государства и правительства есть одно преимущество: оно позволяет замечать конкретные и наблюдаемые факты, недостатком же его является странное различие между правителями и народом. Если правительство существует само по себе и для себя, то зачем оно нужно? Откуда такая устойчивость обычаев верности и повиновения, благодаря которым оно правит?

Предложенная выше гипотеза освобождает нас от проблем, свойственных обоим этим понятиям. Общество вызывают к жизни долговременные, обширные и серьезные последствия совместной деятельности. Само по себе общество неорганизовано и бесформенно. Благодаря чиновникам и их

чем когда они обозначают, допустим, правительство и администрацию Великобритании или Соединенных Штатов. Например, обычно существовало право и «глава» семейного хозяйства; родители — в большинстве случаев отец — выступали как «чиновники», защищающие интересы семьи. «Патриархальная семья» по причине изолированности своего хозяйства от других социальных форм является ярким выражением того, что в меньшей форме существует почти во всех семьях. То же замечание касается употребления термина «государство» в отношении к обществу. В тексте идет речь о современных условиях, однако имеется в виду, что обсуждаемая гипотеза справедлива и в общем случае. Поэтому на очевидное возражение, что государство — это очень новый институт / социальная форма/, ответ состоит в том, что если в настоящее время имеются *структуры*, известные под именем государства, то в течение всей или почти всей истории известны лишь аналогичные *функции*. Речь идет об этих функциях и об их действии, при этом неважно, какое используется слово, хотя ради краткости часто используются слова «государство», а также «правительство» и «чиновники».

особой власти оно становится государством. Общество, объединенное и действующее через представляющих его чиновников — это государство; не бывает государства без правительства, но не бывает государства и без общества. Чиновники сами по себе единичны, но они являются исполнителями новой, особой власти. Пользование этой властью может рассматриваться ими как их частное дело. В этом случае правление коррумпируется и становится деспотическим. Обладание властью, помимо намеренного взяточничества, использования в личных целях (для собственной выгоды или самовозвеличения) предоставляемых властью особых возможностей, чревато такими опасностями, как притупление ума и привычка к высокомерному поведению, а также приверженность классовому интересу и групповым предрассудкам. «Власть — это яд,» — замечает один из лучших — самых проницательных и опытных — политических обозревателей Вашингтона. С другой стороны, возможно и такое, что с занятием высокого поста расширяются взгляды человека, увеличивается его интерес к заботам и нуждам общества, так что в качестве должностного лица он начинает проявлять черты, не свойственные ему в частной жизни.

Но поскольку общество формирует государство только с помощью чиновников и через их действия, и поскольку занятие официального поста не способно повлечь за собой чудесных превращений его природы, спектакль глупостей и ошибок политического поведения ничуть не должен ни удивлять, ни обескураживать нас. Однако знание фактов, порождающих весь этот спектакль, должно защитить нас от иллюзии ожидания необыкновенных результатов вследствие простого изменения политических учреждений и методов. Иногда такие изменения случаются, но их причина всегда коренится в социальных условиях, в порождении нового общества, в открытии пути к нему; государство санкционирует уже существующие силы, предоставляя им определенный канал для действия. Теории «государства как такового» как чего-то самодостаточного, воплощающего суть общей воли и разума, вызвали к жизни определенные иллюзии. Они проводят настолько четкое различие между *государством как таковым* и любым правительством, что с точки зрения этих теорий, даже при коррумпированном и несправедливом правительстве государство как таковое сохранит свое достоинство и благородство. Чиновники могут быть жадными, упрямыми, заносчивыми и глупыми, но все же это не затрагивает природы государства, которому они служат. Поскольку же на самом деле, общество организуется в государство при помощи правительства, государство таково, каковы его чиновники. И только в условиях по-

стоянной бдительности и критики общественных чиновников со стороны граждан государство может сохраняться в целости и не терять своей полезности.

В свете достигнутого понимания наша дискуссия с еще большим воодушевлением возвращается к проблеме отношений между государством и социумом. Проблема отношений между индивидами и объединениями (иногда ее формулируют как отношение индивида как такового к социуму) бессмысленна. С таким же успехом можно поставить вопрос об отношении букв алфавита к алфавиту. Алфавит — это и есть буквы, а «социум» суть индивиды в их отношениях друг с другом. Вопрос о том, каким образом буквы соединяются друг с другом, конечно, важен: соединяясь, буквы образуют слова, а слова — предложения, но сами по себе, вне комбинаций, буквы не имеют ни смысла, ни значения. Я бы не сказал, что последнее утверждение буквально приложимо к индивидам, но невозможно отрицать, что единичные индивиды всегда существуют и действуют, постоянно являясь членами различных объединений. Эти виды совместного действия и их последствия оказывают существенное воздействие не только на внешние привычки единичных личностей, но и на сферу их эмоций, желаний, на процесс планирования и вынесения оценок.

Впрочем, «социум» как имя существительное относится к разряду либо абстрактных, либо собирательных понятий понятие. В конкретной жизни существуют социумы, сообщества, бесчисленное множество разнообразных видов групп, обладающих различными связями и интересами. Это могут быть банды, шайки преступников; клубы для занятий спортом, коллективы, собравшиеся для того, чтобы пообщаться или поесть вместе; научные и профессиональные организации, политические партии и образующиеся в их рамках организации; семьи; религиозные деноминации, партнерские группы и корпорации в бизнесе — и так далее, список бесконечен. Организации могут быть локальными, национальными и транснациональными. Поскольку же не существует никакой отдельной *вещи*, которую можно было бы назвать социумом, а есть лишь множество хаотично пересекающихся вещей, не существует и однозначно одобрительного смысла, в котором бы употребляли термин «социум». Некоторые виды социума в основном заслуживают одобрения, другие — осуждения, в зависимости от того, какими последствиями чревато участие в данном социуме для характера и поведения его членов, а также от тех более отдаленных последствий, которые может иметь тот или иной социум для его

окружения. Социумы, как и все, что имеет отношение к человеку, обладают смешанным качеством и требуют конкретного и критичного подхода к себе. Та или иная степень «социализации» — то есть, обусловленного участием в совместной с другими деятельности изменения желаний, верований и вида трудовой деятельности — неизбежна. Но социализация — это процесс, одинаково затрагивающий как легкомысленных, распутных, фанатичных, узколобых и преступных личностей, так и компетентных исследователей, эрудированных ученых, вдохновенных художников и хороших соседей.

Если вести речь только о достижении желаемых результатов, то нет оснований приписывать государству все те ценности, что создаются и подтверждаются совместной деятельностью людей. Однако, та же безудержная тяга разума к генерализации и концептуализации, что привела к появлению монистической концепции социума, выразилась и в том, что разум не удовлетворился подобным гипостазированием «социума» и произвел на свет превеличенно идеализированное «государство как таковое». Одна философская школа имеет обыкновение приписывать государству практически все ценности, которые только способны произвести на свет любые типы человеческих объединений. Естественным результатом такого отношения к государству является превращение его в нечто, не подлежащее критике. В этом случае бунт против государства оказывается непростительным социальным грехом. Иногда обожествление государства диктуется особой потребностью эпохи, как, например, в случае Спинозы и Гегеля. Иногда источником его является изначальная вера в универсальную волю и разум с вытекающей из этого потребностью найти какие-то эмпирические феномены, которые можно было бы отождествить с воплощениями данного абсолютного духа. Затем, в результате замыкания логической цепи, сами эти воплощения начинают рассматриваться как доказательство существования абсолютного духа. Окончательный вывод нашего анализа таков: государство — это особая, вторичная форма ассоциации, обладающая определенными задачами и определенными органами, предназначенными для выполнения этих задач.

Верно, что большинство государств, появившись на свет, начинают оказывать воздействие на первоначальные социальные группы. В случае, если государство являет собой благо, если чиновники оказываются истинными слугами общества, его интересов, названное обратное воздействие имеет большое значение. Благодаря ему ассоциации, существование которых желательно для общества, становятся сильнее и слаженнее; косвенным образом это приводит к прояснению их целей и образа действий. Подобное

обратное воздействие накладывает ограничения на те объединения людей, которые являются несправедливыми, что ухудшает перспективы их выживания в будущем. Указанными действиями государство создает наиболее свободные и безопасные условия для деятельности отдельно взятых членов наиболее желательных ассоциаций; осуществление этой деятельности предоставляет индивидам — членам тех объединений, которые являются желательными, большую свободу и защищенность; таким образом, эти последние освобождаются от необходимости индивидуального противодействия помехам, которое — будь они вынуждены бороться с ними один на одни, — поглотило бы все их силы. Это позволяет каждому члену социума с разумной долей вероятности прогнозировать будущие действия других, что облегчит им задачу налаживания взаимовыгодной кооперации. Благодаря этому, возникает атмосфера уважения к другим, и к их индивидуальности. Государство является благом в той мере, в какой оно освобождает индивидов от бесполезной траты сил на борьбу со злом и ненужные конфликты, дает индивидам позитивную уверенность и поддерживает их начинания. Это — неоценимая услуга индивидам, поэтому не следует недооценивать историческую роль государства в преобразованиях групповой и персональной деятельности.

Но признание возможностей государства не дает законных оснований для однозначного отнесения всех и всяческих ассоциаций в компетенцию государства, как не дает оно оснований и для того, чтобы причислить все социальные ценности к разряду ценностей политических. Под универсальностью государства понимается только то, что официальные представители общества (включая, разумеется, и законодателей), могут формулировать условия функционирования *любой* формы ассоциации; всеобъемлющим государством является только по характеру его воздействия на деятельность ассоциаций. Война, подобно землетрясению, может «охватить» своими последствиями все, что находится на территории военных действий, но речь здесь идет о том, что всеохватной война явилась только по своим последствиями, а это не имеет отношения к внутренней сущности войны и к правовым отношениям. Полезный закон, подобно условиям общего экономического процветания, может благоприятно повлиять на все интересы в каком-то определенном регионе, но его нельзя рассматривать в качестве некоего целого, а объекты воздействия данного закона — в качестве элементов данного целого. Аналогичным образом, положительные результаты деятельности общества, повышающего степень свободы этого общества, не могут служить основанием для безоглядной идеализации государств, в результате которых они ставятся выше любого другого вида ассоциации.

Ибо деятельность государства часто наносит вред этим последним. Одним из основных занятий государства всегда было ведение войны и подавление инакомыслящих меньшинств. Кроме того, даже когда деятельность государств никому не наносит ущерба, она исходит из ценностей, принадлежащих к числу неполитических форм совместной жизни, и эти-то формы распространяются и навязываются обществом через своих агентов.

Развиваемая нами гипотеза имеет очевидные точки соприкосновения с тем, что принято называть плюралистической концепцией государства. Однако имеется одно заметное отличие. Наша доктрина плюрализма форм являет собой констатацию того факта, что социальные группы бывают самыми разными — хорошими, плохими и нейтральными. Эта доктрина не приписывает деятельности государства какие-либо внутренние ограничения. Она не утверждает, будто функция государства сводится к улаживанию конфликтов между другими группами, как если бы каждая из групп имела четко очерченный круг характерных только для нее действий. Если бы это было так, государство было бы только посредником, предотвращающим и устраняющим тот вред, который одна группа причиняет другой. Что же касается любых обобщающих выводов и предположений о том, как далеко может простираться деятельность государства, то по отношению к ним наша гипотеза нейтральна. В ней не имеется указаний на какое бы то ни было конкретное государственное устройство как форму общественного действия. Иногда последствия совместного поведения некоторых людей способны обусловить зарождение нового общественного интереса, реализовать который можно только путем создания условий, предполагающих изрядную перестройку самой группы. Непогрешимость присуща государству ничуть не меньше, чем церкви, профсоюзу, бизнес-корпорации или институту семьи. Их ценность также следует определять по их последствиям. Последствия же меняются в зависимости от конкретных условий; так что в один период отмечается большая активность государства, а в другой — бездействие его и расцвет *laissez-faire*. Подобно тому, как в зависимости от конкретных обстоятельств изменяются общества и государство, изменяются и те конкретные функции, которые надлежит выполнять государству. Невозможно сформулировать никаких основополагающих универсальных положений, способных служить основанием для ограничения, либо расширения функций государства. Масштаб этих действий следует критически определять опытным путем в каждом конкретном случае.

Глава III

Демократическое государство

Отдельные личности являются субъектами деятельности — как умственной, моральной, так и всякой вообще. Личности подвержены всевозможным социальным воздействиям, оказывающим определяющее влияние на то, *о чем* они могут думать, что планировать, что выбирать. Только в сознании личности и в ее поступках конфликт разнонаправленных социальных влияний приобретает свой заверченный вид, являясь ей как некая единая проблема. С рождением общества данный закон не утрачивает силы. Ибо только через посредство личностей общество приходит к тем или иным решениям, формулирует условия их выполнения и воплощает их в жизнь. Личности — это агенты общества, они его представляют, общество же действует только через них. В странах, подобных нашей, принято утверждать, что законодательная и исполнительная власть избирается обществом. Это можно понять в том смысле, будто именно общество и является действующим агентом. На деле же речь идет об отдельных мужчинах и женщинах, пользующихся принадлежащим им избирательным правом; в данном случае общество есть понятие собирательное, обозначающее совокупность личностей, каждая из которых голосует как некая анонимная единица. Между тем, в качестве гражданина, обладающего избирательным правом, каждая из этих личностей является агентом общества. В своих волеизъявлениях он — такой же представитель интересов общества, как сенатор или шериф. То, как он голосует, может быть отражением его своекорыстной надежды обогатиться путем избрания определенного человека или путем принятия какого-то из предложенных законов. Иными словами, он может и не оправдать представлений о нем как выразителе определенных интересов. Но и в этом отношении он не отличается от тех из официально избранных представителей общества, которые, как выяснилось, также предали доверенные им интересы, не став честными выразителями таковых.

Иными словами, любой агент общества — независимо от того, представляет ли он его в качестве избирателя или в качестве государственного чиновника — выступает в двойственной роли. Это обстоятельство являет собой самую серьезную проблему правления. Обычно, говоря о типах правления, мы противопоставляем представительные формы всем иным, которые таковыми не являются. Согласно же нашей гипотезе, представительными являются все типы правления — в той мере, в какой они готовы выражать интересы общества, простирающиеся на деятельность индивидов и групп. Однако, здесь нет никакого противоречия. Ибо правлением занимаются такие же люди, и ничто человеческое им не чуждо. У них тоже есть частные интересы и интересы конкретных групп, интересы той семьи, той группировки или того класса, к которому принадлежат они сами. Редко когда личность достигает полного отождествления с выполняемой ею политической функцией. Лучшее, на что способно большинство людей — это сделать заботу об общем благе доминирующей надо всеми остальными своими устремлениями. «Представительным» обычно называют такой тип правления, при котором подобное доминирование сознательно обеспечивается соответствующей организацией общества. Присущая каждому официальному лицу двойственность [интересов] ведет к возникновению внутриличностного конфликта между, с одной стороны, истинно политическими целями и действиями, а с другой — теми, что заложены в его неполитических ролях. Когда общество принимает специальные меры с целью минимизации этого конфликта и обеспечения такого положения, при котором представительные функции преобладают над частными, возникающие в результате политические учреждения получают название представительных институтов.

Можно сказать, что до недавнего времени общества не сознавали, что являются обществами, так что говорить о том, что они «самоорганизовались» с целью достижения своих интересов и их защиты, нелепо. Следовательно, государства возникли недавно. Ведь факты однозначно свидетельствуют против того предположения, что государства суть исторически древние образования — правда, это при условии, если мы будем придерживаться строгого и четкого концептуального определения государства. Но наше определение исходит из выполняемой государством функции, а не из его неизменной сущности или структурной природы. Говорить в этой связи о том, какие из стран и народов являются государствами, а какие нет, значит, в той или иной степени, играть словами. Действительное значение имеет здесь признание наличия фактов, обуславливающих существенные отличия одной формы государства от другой. Данное возражение имеет целью

подчеркнуть один в высшей степени значительный факт (независимо от того, произносится ли при этом само слово «государство» или нет): дело в том, что в на протяжении длительных временных отрезков роль слуг общества оставалась для правителей чем-то несущественным по сравнению с прочими целями, для реализации коих те использовали принадлежащую им власть. Существовал механизм правления, но использовался он в целях, строго говоря, неполитических — для сознательного утверждения династических интересов. Это подводит нас к первостепенной проблеме общества — проблеме достижения им такого признания, которое позволило бы ему осуществлять отбор своих официальных представителей и определять их права и обязанности. Рассмотрение данной проблемы подводит нас, как мы увидим ниже, к обсуждению темы демократического государства.

В общеисторической перспективе отбор правителей и наделение их определенными полномочиями выступает как политически случайное дело. Те или иные личности выдвигались на роль судей, исполнителей и администраторов по причинам, не зависящим от их способности служить интересам общества. Выдающееся значение некоторых греческих античных государств, а также существовавшей в Китае системы экзаменовки [государственных чиновников] связано именно с тем, что они явились исключением из данного правила. История свидетельствует о том, что, как правило, личности становились правителями благодаря привилегиям или занимаемому положению, и ни то, ни другое не было связано с общественной значимостью выполняемых ими ролей. Если мы намерены и далее пользоваться понятием общества, то обязаны признать как нечто само собой разумеющееся тот факт, что обоснованием пригодности некоторых личностей к роли правителей являлось что угодно только не политические соображения. Так, во многих обществах старейшины-мужчины получали бразды правления исключительно благодаря своему преклонному возрасту. Геронтократия — факт столь же известный, сколь и широко распространенный. Несомненно, подобная практика основывалась на предположении, что солидный возраст гарантирует знание традиций группы и зрелость опыта, но едва ли можно утверждать, что, предоставляя старейшинам монополию на власть, данным предположением руководствовались сознательно. Скорее, данная практика сохранялась *ipso facto*, как нечто издревле заведенное. Действовал принцип инерции, принцип наименьшего сопротивления и наименьшего действия. Для того чтобы обладать политическими полномочиями достаточно было просто чем-то выделяться среди окружающих — пусть даже длинной седой бородой.

Одним из не относящихся к делу факторов, служившим критерием наделения властью определенных личностей, являлись их ратные подвиги. Неизвестно, действительно ли «истинными матерями городов были военные лагеря», неизвестно, прав ли был Герберт Спенсер, утверждавший, что предшественником всякого правления было командование, осуществляемое военачальниками на войне — ясно лишь то, что именно способность одерживать военные победы позволяла считать, что данный человек предназначен для управления также и гражданскими делами своего сообщества. Нет нужды доказывать, что данные посты требуют от личности совершенно разных талантов и что преуспевание в одном качестве вовсе не гарантирует успеха в другом. Но факт остается фактом. Для того чтобы убедиться в повсеместности такого положения вещей, не обязательно даже обращаться к истории античных государств. Государства, называемые демократическими, демонстрируют ту же тенденцию, полагая, что победоносный генерал чуть ли не самими небесами предназначен для занятий политикой. Разум должен был бы учить нас тому, что даже в среде самих политиков те, кому лучше других удается настроить гражданское население на участие в войне, именно в силу подобных склонностей оказываются непригодными для должностей, цель которых — обеспечение справедливого и прочного мира. Вместе с тем, Версальский договор показывает, как трудно происходит смена находящихся у власти личностей — даже при радикальном изменении ситуации, порождающем потребность в личностях с иным кругозором и иными интересами. Обычно же власть доверяют тем, у кого она уже есть. Природе человеческой свойственно идти по линии наименьшего сопротивления, поэтому, когда возникает нужда в выдвижении выдающейся личности на роль лидера в гражданской сфере, люди останавливают свой выбор на тех, кто уже и так выдвинулся — не важно по какой причине.

Помимо старейшин и воинов, готовых правителей — людей, самой судьбой предопределенных к тому, чтобы управлять другими — обычно искали среди целителей и священников. В условиях, когда благосостоянию сообщества что-то угрожает, когда его благосостояние зависит от благосклонности сверхъестественных сил, наиболее пригодными для управления государствами считаются люди, обученные отвращать от общества гнев и зависть богов и заручаться их благорасположением. Однако, способность дожить до старости, умение одерживать военные победы, владение оккультными науками — все это имело первостепенное значение лишь на этапе становления политических режимов. В

конечном же счете, главную роль играл династический фактор. *Beati possidentes*¹¹. Семья, выходящая из которой является тот или иной правитель, благодаря этому приобретает особое положение, становясь носителем высшей власти. А превосходство в статусе легко принимается за личное превосходство. Семья, правившая на протяжении достаточно многих поколений (благодаря чему ее прежние занятия стерлись из памяти людей или превратились в легенду), *ex officio*¹² вправе рассчитывать на Божье благоволение. Сопутствующие правлению пышность, богатство и власть не нуждаются в оправдании. Они не только украшают правление, придают ему более достойный облик, но и являются символами особой значимости власть имущих. То, что появилось волей случая, закрепляется затем при помощи обычаев; установившаяся власть умеет достичь легитимности. Заключение союзов с другими обладающими властью семействами как внутри страны, так и за ее пределами, обладание крупными земельными владениями, окружение себя придворными, получение доступа к государственным закромам и множество других вещей, не имеющих ничего общего с отстаиванием общественных интересов — все это упрочивает положение династии и, в то же время, делает политические должности средством достижения ее собственных частных целей.

Дополнительную сложность составляет тот факт, что присущие правителям слава, богатство и власть становятся предметом вожделения многих, порождая стремление отвоевать для себя кресло правителя и воспользоваться этим завоеванием в личных корыстных целях. Причины, побуждающие людей к занятию блестящего положения в любой области, с особой силой действуют там, где речь идет о власти правителя. Иными словами, централизация и богатство функций, привлекаемых для обслуживания интересов общества, подвергает государственных чиновников соблазну воспользоваться данными ресурсами в собственных целях. Вся история человечества свидетельствует о том, как трудно бывает человеческому существу постоянно помнить о том, во имя чего был он облечен властью и великолепием; об этом говорит та легкость, с какой правители обращают весь этот антураж на пользу своему классу и себе лично. Но если бы все дело сводилось к нечестности как таковой или главным образом к нечестности, проблема была бы гораздо проще. Между тем, основную роль здесь играют такие факторы, как склонность облегчать задачу

¹¹ Счастливы владеющие (лат.). — Прим. перев.

¹² По должности (лат.). — Прим. перев.

управления следованием шаблону, сложность определения истинных потребностей общества, блеск, окружающий облеченную властью личность, стремление к достижению быстрых и осязаемых результатов. От социалистов, справедливо возмущенных существующим экономическим режимом, часто приходится слышать, что «промышленность следует изъять и частных рук». Намерения их понятны: они хотят, чтобы стремление к получению частной прибыли перестало господствовать над промышленностью, коей следует функционировать в интересах производителей и потребителей, данные интересы не должны превращаться в нечто второстепенное по сравнению с выгодой, извлекаемой из производства финансистами и держателями акций. Но хочется спросить: задавались ли те, кто так рьяно выступает с подобными заявлениями, вопросом о том, в чьи же руки должна в таком случае перейти промышленность? В руки общества? Но, увы, у общества нет никаких других рук, кроме рук конкретных людей. Суть проблемы заключается в том, как бы преобразовать поведение владельцев промышленности таким образом, чтобы они переориентировали промышленность на социальные цели. Никакое колдовство не поможет нам достичь подобного результата. Те же причины, что заставляют людей ставить концентрированную политическую власть на службу частным интересам, будут и впредь заставлять их использовать концентрированную экономическую власть в чуждых обществу целях. Но это не означает, что данная проблема неразрешима. Это лишь позволяет указать на существо проблемы, не зависящее от ее замаскированных обликов. Учитывая, что агенты общества характеризуются двойственностью интересов и способностей, какие условия и какие технические приемы необходимы для того, чтобы превратить выполняемые ими общественные и политические роли в точку приложения всей присущей им интуиции, лояльности и энергии?

Эти тривиальные рассуждения призваны служить здесь фоном для рассмотрения проблем и перспектив демократического правления. Социальное и моральное значение некоторых из этих проблем настолько велико, что они просто несоразмерны затронутой здесь частной теме. Но есть у них и отчетливо политический аспект, предполагающий рассмотрение способа правления, конкретной практики отбора чиновников и регулирования поведения их как официальных лиц. Из многих имеющихся смыслов демократии данный ее смысл не способен вызвать особого энтузиазма; это сравнительно частная ее сторона. Но она содержит в себе почти все из того, что имеет отношение к *политической* демократии. Итак, теория и практика отбора чиновников, составляющие ос-

новное содержание политической демократии, сложились на фоне вышеупомянутых рассуждений. Они представляют собой, в первую очередь, попытку противодействия силам, в значительной мере определяющим то положение, при котором правление находится во власти случайных, посторонних факторов; а во вторую очередь — попытку противодействия тенденции ставить политическую власть на службу частным, а не общественным целям. Рассматривать демократическое движение в целом отдельно от этого исторического фона значит упустить из виду главное в нем и оказаться без каких бы то ни было средств осуществления его разумной критики. Занимая подчеркнуто историческую точку зрения, мы не преуменьшаем тем самым важные и даже первостепенные для демократии притязания на роль этического и социального идеала. Мы лишь сужаем тему обсуждения, дабы избежать «наибольшего из зол» — смещения того, что смещению не подлежит.

Демократия — если рассматривать ее как некую тенденцию, обнаружимую в целой череде движений и за последние полтора столетия оставившую свой отпечаток на формах правления почти во всех частях земного шара — в этом понимании демократия представляет собой сложное явление. Ныне имеет хождение легенда, будто данное движение выросло из какой-то одной отчетливой идеи и далее на едином дыхании развивалось в направлении некоего предуготованного ей конца — будь то триумф победы или фатальность катастрофы. В столь простом и незамутненном виде данный миф, пожалуй, встретишь нечасто. Но нечто похожее на это можно обнаружить везде, где люди либо восхваляют, либо проклинаят демократическое правление абсолютно, то есть вне сравнения его с альтернативными государственными устройствами. Даже наименее спонтанные и наиболее тщательно спланированные политические формы не являются воплощением абсолютного и безусловного добра. Они являют собой результат выбора из комплекса соперничающих между собой сил некой конкретной возможности, которая, как кажется, способна реализовать максимум добра ценой минимального зла.

Помимо всего прочего, названное утверждение является огромным упрощением. Политические формы не возникают каким-то одним способом. В своем законченном виде величайшие изменения представляют собой не что иное как результат длинной череды адаптаций и приспособительных действий, предпринимаемых в ответ на каждое частное изменение ситуации. Оглядываясь назад, можно выделить некую тенденцию, составленную из более или менее устойчивых, единых в

своей направленности изменений. Но повторим, приписывание этого единообразия результатов (которое всегда можно преувеличить) действию какой-то единой силы или единого принципа является чистой воды мифологией. Политическая демократия возникла в виде некоего совокупного результата огромного множества ответных приспособлений к бесчисленным ситуациям, ни одна из которых не была похожа на другую — и, тем не менее, все они привели к единому результату. Кроме того, подобное демократическое слияние не являлось результатом действия чисто политических сил или организаций. В еще меньшей степени можно считать демократию продуктом самой демократии как некоего прирожденного стремления, некой имманентной идеи. Умеренное обобщение, благодаря которому единство демократического движения видится как результат объединяющих всех нас попыток избавления от зол, полученных в наследство от прежних политических институтов, позволяет представить демократию как постепенное продвижение вперед, каждый шаг которого, характеризующийся непредсказуемостью конечного результата, чаще всего предпринимается под непосредственным влиянием целого ряда разнообразных импульсов и лозунгов.

Еще важнее осознать, что условия, породившие данные попытки избавления от зол, а значит и возможность преодоления этих зол, изначально носили неполитический характер. Ибо речь идет о весьма давнем зле, так что при любом рассмотрении демократического движения должны возникнуть два вопроса: почему попытки улучшения не предпринимались раньше и почему, будучи предприняты, они оказались облечены именно в эту конкретную форму? Ответы на оба эти вопроса следует искать в особенностях религиозных, научных и экономических изменений, в конечном счете оказавших воздействие и на сферу политики, хотя сами они изначально были неполитическими, лишенными какого бы то ни было демократического смысла. По мере развития демократического движения возникали глобальные вопросы и всеохватывающие идеи и идеалы. Но само это движение было порождено не теориями, рассматривающими природу индивида и его права, свободу и авторитет, прогресс и порядок, свободу и закон, общее благо и общую волю, а также демократию как таковую. Теории явились отображением этого движения в мышлении; появившись же на свет, они также вступили в игру и дали практический результат.

Мы уже подчеркнули, что процесс развития политической демократии представляет собой слияние огромного числа социальных движений, ни одно из которых не обязано своим появлением, либо своей мотивацией ни

демократическим идеалам, ни ориентацией на некий запланированный исход. Данный факт показывает всю неуместность как восхвалений демократии, так и посылаемых в ее адрес проклятий, коль скоро в основе тех и других лежат концептуальные интерпретации демократии — ведь как истинные, так и ложные, как хорошие, так и плохие из этих интерпретаций суть не причины фактов, а лишь их отражения в мысли. Как бы там ни было, сложность включенных в этот процесс исторических событий составляет — даже если бы я был достаточно компетентен в данном вопросе — отвести всякую мысль о воспроизведении их в настоящем исследовании. Однако, следует сделать два общих и очевидных замечания. Порожденные мятежом против устоявшихся форм правления и государства, события, вылившиеся в конечном счете в появление демократических политических форм, несли на себе глубокий отпечаток страха перед правительством и подогревались желанием уменьшить этот страх до минимума и ограничить тем самым причиняемое им зло.

Так как устоявшиеся политические формы были связаны с другими [наличными] институтами, особенно церковными, а также со всем объемом традиций и унаследованных от предков верований, они также подверглись атаке. Это порождало ситуацию, при которой любые, даже позитивные, на первый взгляд, утверждения, служившие средствами интеллектуального самовыражения данного движения, приобретали негативный смысл. Свобода становилась некоей самоцелью, хотя на деле она означала освобождение от угнетения и от традиций. Поскольку же существовала настоятельная потребность в выработке интеллектуального обоснования данного бунтарского движения, а источником авторитета являлись в ту пору наличные общественные институты, естественной реакцией на это явились апелляции к некоему неотчуждаемому священному авторитету, которым, как утверждалось, обладал каждый из протестующих индивидов. Так был рожден индивидуализм — теория, наделившая отдельных личностей, рассматриваемых изолированно ото всех ассоциаций (кроме тех, которые добровольно создали они сами для осуществления собственных целей) некими прирожденными или естественными правами. Бунт против старых, обременительных для индивида ассоциаций получил свое интеллектуальное отражение в учении о независимости его ото всех и всяческих ассоциаций.

Таким образом, практическое движение за ограничение полномочий правительства стало ассоциироваться — например, в философии Джона Локка, обладавшей в ту пору большим влиянием — с доктриной, согласно которой основанием и оправданием данного ограничения полномочий яв-

ляются существовавшие еще до всяческих правительств некие неотъемлемые, неполитические по своей сути права индивида. Отсюда оставался всего лишь один шаг до вывода о том, что единственной целью любого правления является защита тех прав, которыми от рождения наделены индивиды. Американская революция, представлявшая собой бунт против наличного правительства, естественно, восприняла и развила эти идеи, идеологически приспособив их к осуществляемой в процессе данной революции попытке завоевания независимости колоний. Все это позволяет с легкостью представить себе те условия, при которых бунт против наличных форм правления получил теоретическое оформление в положении о правах групп, в утверждении права на существование неполитических ассоциаций. В апелляции же к индивиду как независимому и самостоятельному существу не было никакой логической необходимости. С точки зрения абстрактной логики, достаточно было бы ограничиться утверждением о неправомерности покушения государства на некие неотъемлемые права групп. В этом случае, знаменитой антитезы современности «индивидуальное — социальное» просто не существовало бы, как не существовало бы и порожденной ею проблемы примирения первого со вторым. Вся проблема свелась бы тогда к определению характера взаимоотношений между неполитическими группами и союзом политических сил. Но как мы уже отметили, данное неприемлемое государство традиционно было тесно связано с другими ассоциациями — церковными (а через них и с семейными) и экономическими, такими как гильдии и корпорации, а благодаря своему клерикальному характеру — даже с научно-исследовательскими объединениями и образовательными институтами. Простейшим способом освободиться ото всего этого был возврат к «голому» индивиду, объявление любых ассоциаций чуждыми его природе и враждебными его правам — за исключением тех случаев, когда они являлись порождением его собственного добровольного выбора и способствовали осуществлению его личных целей.

Лучшим свидетельством масштабности данного движения явился тот факт, что философские теории познания так же апеллировали к личности, к я (отождествляя индивидуальное сознание с разумом в целом), как апеллировала к естественному индивиду политическая теория, видящая в нем последнюю инстанцию любых своих суждений. В этом были едины (при всех их расхождениях по ряду других вопросов) школы Локка и Декарта, спорящие лишь о том, что следует считать основой основ — чувственность индивида или его рациональную природу. Из философии данная идея перешла в психологию, превратив ее в интроспективное и интровертирован-

ное рассмотрение изолированного и конечного индивидуального сознания. С этой поры индивидуализм в морали и в политике получает возможность говорить о «научном» обосновании собственных положений и пользоваться при этом современной ему психологической терминологией — хотя на деле психология, на которую ссылался индивидуализм, была не чем иным, как его же собственным порождением.

Свое классическое выражение данное «индивидуалистическое» движение обретает в великих свершениях французской революции, одним ударом разделившей со всеми видами ассоциаций, благодаря чему в теории индивид оказался оставленный «голым» один на один с государством. Однако, вряд ли бы ей удалось совершить нечто подобное, если бы не присутствие еще одного фактора, о котором следует сказать особо. Благодаря изобретению и применению новых механических приспособлений — например, линзы — стало возможным зарождение нового научного движения, поставившего в центр внимания инструменты, подобные рычагу и маятнику, — приспособления, применявшиеся человечеством уже давно, но никем до той поры не рассматривавшиеся в качестве отправных точек научной теории. Как предсказывал Бэкон, данное новое направление исследований дало жизнь великим экономическим преобразованиям. Оно сполна воздало должное инструментам, подведя человечество к изобретению машин. Механизация производства и коммерции обновила и социальные условия жизни, породив у индивида новые потребности и открыв перед ним новые возможности. Но существовавшие политико-правовые реалии мешали этим новым тенденциям заявить о себе в полную силу. Во всех областях жизни сказывалось влияние правовых ограничений на повсеместное стремление индивидов воспользоваться с пользой для себя новыми экономическими возможностями: тогдашнее законодательство служило тормозом свободному развитию производства и обмена. Устоявшаяся система взаимоотношений государств, интеллектуальным выражением которой являлась теория меркантилизма (опровержению этой последней было посвящено исследование Адама Смита «[Истинное] богатство наций»), препятствовала развитию международной торговли, а эти ограничения, в свою очередь, замедляли развитие промышленности внутри страны. Здесь действовала целая сеть унаследованных от феодализма запретов. Цены на труд и основные товары устанавливались не путем рыночного торга, а назначалась решением мировых судей. Развитие промышленности тормозилось наличием законов, регулирующих право выбора индивидами той или иной профессии, право поступления в подмастерья, а также миграции рабочих с одного места на другое и т.п.

Таким образом, страх перед правительством и — вызванное осознанием его враждебности развитию новых возможностей производства и распределения товаров и услуг — стремление ограничить сферу его деятельности получили новое мощное подтверждение. Возможно, влияние нового экономического движения только возрастало от того, что оно действовало не от лица индивида и его неотъемлемых прав, а выступало от имени самой природы. Экономические «законы» (устанавливающие, что труд обуславливается естественными потребностями и является средством создания богатства; предписывающие воздержание в настоящем ради будущих удовольствий — воздержание, ведущее к накоплению капитала, который, в свою очередь, служит дальнейшему увеличению богатства), свободная конкуренция и обмен, известные как законы предложения и спроса — все это «естественные» законы. Их противопоставляли законам политики как чему-то искусственному, как творению человека. Из традиционных понятий наименьшие сомнения вызывало представление о природе, благодаря чему природа и стала чем-то таким, к чему было принято постоянно звать. Между тем, прежнее метафизическое понятие естественного закона было преобразовано в экономическую концепцию; законы природы, преломившись сквозь призму человеческого естества, регулировали производство и обмен товарами и услугами; причем наибольшее социальное процветание и прогресс обеспечивался ими именно тогда, когда удавалось оградить их от вмешательства всех искусственных, то есть политических факторов. Мнение большинства не особо шепетильно в том, что касается соблюдения логической непротиворечивости. Экономическая теория *laissez-faire*, основанная на вере в благотворность действия естественных законов, ответственных за поддержание гармонии между личной прибылью и благом общества, с легкостью была превращена в составную часть учения о естественных правах. Практический смысл их был одним и тем же, наличие же логического соответствия между тем и другим никого не интересовало. Поэтому протест, исходящий от школы утилитаризма, поддерживавшей экономическую теорию естественного закона в экономике, но выступавшей против теорий естественного права, не помешал широкой общественности считать первое и второе двумя сторонами единого целого.

Экономическая концепция утилитаризма явилась столь важным фактором развития теории демократического движения (но не его практики), что есть смысл изложить здесь ее основное содержание. Каждая личность

естественным образом стремится к улучшению собственного положения. А достичь такого улучшения возможно только благодаря промышленности. Естественно, каждая личность лучше, чем кто бы то ни было, способна судить о том, в чем состоят ее интересы, так что если освободить человека от влияния искусственных ограничений, то наилучшим выражением его интересов явится тот выбор, который он сделает в сфере труда и обмена товарами и услугами. Так, не допуская случайностей, он будет тем больше содействовать собственному счастью, чем больше энергии вложит в работу, чем больше смекалки проявит при обмене и чем самоотверженнее будет экономить. Богатство и безопасность являют собой естественное вознаграждение за добродетельность в экономической сфере. В то же время, проявляемые индивидами трудолюбие, истовость в коммерции и разнообразные способности содействуют и социальному благу. Невидимое участие благодетельного провидения, давшего нам естественные законы, заставляет труд, капитал и торговлю действовать в гармонии, на благо людей — всех вместе и каждого в отдельности. При этом опасностью, которой следует страшиться, является вмешательство со стороны правительства. В политическом же регулировании нужда имеется лишь постольку, поскольку индивиду случается нечаянно, либо намеренно — ведь собственность, находящаяся во владении людей трудолюбивых и способных, может представлять собой соблазн для праздных и бестолковых — посягать на деятельность и собственность другого. Такого рода посягательства и составляют суть всякой несправедливости, функция же правительства состоит в обеспечении справедливости — имея в виду, главным образом, защиту собственности и заключаемых в процессе коммерческого обмена договоров. Не будь государства, люди могли бы присваивать себе собственность других. А такое присвоение не только означает несправедливость в отношении труженика, но и порождает в собственниках чувство неуверенности, отвращая их от упорного труда, и тем самым замедляет или вовсе приостанавливает социальный прогресс. С другой стороны, подобное понимание функций государства играет роль автоматического ограничителя деятельности правительства. Государство само является справедливым только тогда, когда оно действует в обеспечение справедливости, понимаемой в изложенном выше смысле.

Согласно данной трактовке, главная проблема политики есть в сущности проблема обнаружения и обеспечения определенных приемов, максимально ограничивающих деятельность правительства предписываемой ему законом защитой экономических интересов, частью которых является за-

бота отдельно взятого человека о благосостоянии собственной жизни и собственного тела. Все правители вождеуют к тому, чтобы затрачивать минимум личных усилий на обретение собственности. Будучи предоставлены самим себе, они употребляют всю власть, которой наделены в силу занимаемого ими официального положения, на то, чтобы произвольно облагать налогами богатства других. И если они защищают промышленность и труд частных граждан от посягательств других частных граждан, то это потому только, что тем самым они достигают увеличения общего объема ресурсов, часть которых используется ими в собственных целях. Таким образом, суть главной проблемы правления сводится к следующему: что может помешать правителям осуществлять свои интересы за счет тех, кем они управляют? Или, выражаясь позитивно, при помощи каких политических средств можно добиться отождествления правителями собственных интересов с интересами подвластных им людей?

Ответ на этот вопрос дал не кто иной, как Джеймс Милль, предложивший классическую формулировку природы политической демократии. Ее существенными чертами являются всеобщие выборы чиновников, кратковременность пребывания их у власти и частое проведение выборов. Если бы от самих граждан зависело, будет ли пребывать у власти тот или иной государственный чиновник и какое вознаграждение получит он за свою службу, то личные интересы чиновников совпадали бы с интересами всего народа — по крайней мере, с той его частью, которая отличается трудолюбием и обладает собственностью. Чиновники, избираемые всеобщим голосованием, будут сознавать, что избрание их на должность зависит от того, насколько истово и умело будут защищать они интересы населения. Кратковременность пребывания на посту и частые выборы обеспечат регулярную отчетность чиновников; день открытия избирательных участков явится для них судным днем. Страх перед этим днем будет вынуждать их к постоянному самоконтролю.

Конечно, изложив экономическую концепцию утилитаризма подобным образом, я допустил излишнее упрощение и без того упрощенных представлений. Диссертация Джеймса Милля была написана им до принятия билля о реформе 1832 года. С прагматической точки зрения, он представлял собой аргумент в пользу расширения избирательного права, которое в тот период в основном принадлежало наследственным землевладельцам, фабрикантам и купцам. У Джеймса Милля чистые демократии вызывали только ужас. Он противостоял предоставлению избирательного права жен-

щинам.¹³ Он был заинтересован в том, чтобы в результате введения в промышленности и в торговле паровых двигателей сформировался новый «средний класс». Его позиция ясно выразилась в присущем ему убеждении, что даже если бы избирательное право было предоставлено и низшим сословиям, средний класс, «наделяющий науку, искусство и самое законодательство наиболее выдающимися достижениями и являющийся основным источником всего, что только есть в природе человека утонченного и возвышенного, представляет собой ту часть сообщества, влияние которого и должно быть решающим.» Однако, эта доктрина, несмотря на всю ее упрощенность и исторически обусловленную тенденциозность, заявляла, что ее психологические основания обладают универсальной истинностью; она дает верное изложение тех принципов, которые, как полагали, служили обоснованием демократизации правления. Нет нужды впадать в излишний критицизм. Различия между тем, что утверждается в данной теории, и тем, что в действительности имело место в ходе становления демократического правления, говорят сами за себя. Это несовпадение служит достаточной критикой. Вместе с тем, сам факт несовпадения показывает, что имевшие место события проистекали не из теории, а принадлежали к тому аспекту реальности, который не имеет никакого отношения не только к теориям, но и к политике: речь идет о таком событии, как начала использования в различных механизмах паровых двигателей.

Однако, было бы огромной ошибкой рассматривать представление об изолированном индивиде, «от природы» обладающем неотъемлемыми правами, отдельно от ассоциации; а представления об экономических законах как естественных — в отличие от законов политики, считающихся противоестественными и потому вредными (за исключением тех случаев, когда они находятся в определенном контексте) — пустыми и бессмысленными. Данные представления есть нечто большее, чем мухи, сидящие на спине пашущего вола. Не они породили демократизацию правления, но они оказали серьезное влияние на то, какие формы принял этот процесс. Или, пожалуй, будет правильней сказать, что сохраняющиеся прежние условия (которым эти теории соответствовали в большей степени, чем то состояние дел, которое они якобы отображали), благодаря этой мнимой философии демократического государства настолько упрочили свои позиции, что стали весьма влиятельной силой. В результате имел место переко-

---

¹³ Данная позиция тут же вызвала протест со стороны лидера утилитаристов Иеремии Бентама.

жение и извращение демократических форм. В самом огрубленном виде затронутую нами «индивидуалистическую» тему можно подытожить одной фразой (в которую ниже необходимо будет внести необходимые уточнения): тот самый «индивид», которого новая философия сделала своим центральным понятием, в сфере реальной жизни претерпевал полное порабощение — и это фактически тогда, когда теория превозносила его до небес. Что же до утверждений о том, что политика находится во власти сил и законов природы, на это мы можем возразить, что тогдашние экономические условия являлись насковзь противоестественными (*artificial*) — и именно в том смысле, в каком противоестественность трактовалась и порицалась данной теорией. Ибо они служили источником тех создаваемых людьми средств, при помощи которых происходил захват новых правительственных учреждений формирующимся классом деловых людей, готовых использовать эти последние в собственных корыстных целях.

Оба эти утверждения следует признать формальными и огульными. Для придания им внятности необходимо развить их тем или иным образом. Первую главу своей книги, озаглавленной «Великое общество», Грэм Уоллис предварил следующими словами Вудро Вильсона из *Новой свободы*: «И вчера, и с самого начала истории люди вступали в отношения друг с другом в качестве отдельных индивидов... В настоящее же время партнерами людей в их повседневных контактах в значительной мере являются некие грандиозные безликие объединения, организации, а отнюдь не такие же индивиды, как они сами. Теперь уже можно говорить о наступлении новой социальной эпохи, нового этапа человеческих взаимоотношений, о том, что драма жизни разворачивается на фоне новых декораций.» Если признать в этих словах наличие хотя бы крупицы истины, даже тогда они полностью изобличают неспособность индивидуалистической философии удовлетворять потребностям новой эпохи и служить ее ориентиром. Эти слова несут в себе тот же смысл, что и утверждение о том, что теория, изображающая индивида существом, наполненным желаниями и способным к выдвиганию собственных требований, существом, наделенным даром предвидения, благочестием и любовью к самосовершенствованию, возникла как раз тогда, когда в решении социальных вопросов индивид стал значить все меньше и меньше, когда решающей силой, формирующей облик реальности, сделались механические силы и огромные обезличенные организации.

Утверждение о том, что «и вчера, и с самого начала истории люди вступали в отношения друг с другом в качестве отдельных индивидов»,

неверно. Люди всегда жили сообща, и жизнь в сообществе друг с другом определенным образом сказывалось на взаимоотношениях их как индивидов. Достаточно вспомнить о том, как сильно — прямо или косвенно — влияли на отношения людей модели внутрисемейного поведения; даже само государство облекалось в форму династии. И тем не менее, подмеченные мром Вильсоном различия являются констатацией факта. Ранние ассоциации в основном относились к типу, метко прозванному Кули¹⁴ ассоциациями «лицом к лицу». Наиболее существенными, способными оказывать воздействие на формирование эмоционального и интеллектуального климата, являлись местные, близкие и следовательно находящиеся «на виду» ассоциации. Отдельные люди, коль скоро они участвовали в таких ассоциациях, участвовали в них непосредственно, отдавая роли участника со всей страстностью и убежденностью. Государство же, даже когда оно осуществляло деспотичное вмешательство в дела ассоциации, оставалось где-то вдалеке, в роли института, чуждого заботам повседневной жизни. В иных случаях оно присутствовало в жизни индивидов в облике обычая или общего права. При этом значение имело не то, какое они имели распространение, не то, какой широтой и всеохватностью обладал обычай или право, а то, сколь непосредственным было их присутствие на местном уровне. Ведь, к примеру, церковь одновременно являлась и чем-то всеобщим, и сугубо личным делом каждого. Но в жизни большинства людей — если говорить об образе мыслей и привычках каждого человека — она участвовала не в виде некой всеобщности, а в виде непосредственного отправления ритуалов и таинств. Введение в производство и коммерцию новых технологий породило социальную революцию. Местные сообщества неожиданно для самих себя стали обнаруживать, что на ход их собственных дел оказывают определяющее влияние некие отдаленные и недоступные для непосредственного восприятия организации. Масштаб деятельности этих последних был огромен, а воздействие их на организации «лицом к лицу» оказалось столь всепроникающим и неослабным, что это позволило безо всяких преувеличений говорить о наступлении «новой эпохи человеческих взаимоотношений». «Великое общество», произведенное на свет в результате изобретения парового двигателя и электричества, еще можно было именовать обществом — но уж никак не сообществом. Выдающимся фактом современности является вторжение в сообщество новых, относительно обезличенных и механических типов согласованного поведения людей. В отношении к данному типу коллективной деятель-

---

¹⁴ *Cooley C. H. Social Organization, Ch. iii. Primary Groups.*

ности сообщество (в истинном понимании этого слова) не является сознательным участником, прямым контролем над этим типом деятельности оно не обладает. Однако, именно этот тип коллективной деятельности явился главным фактором, вызвавшим к жизни национальные и территориальные государства. Потребность в осуществлении какого-либо контроля над этой деятельностью была основным мотивом, обусловившим процесс превращения правительств этих государств в правительства демократические или народные в современном понимании этих слов.

Почему же, в таком случае, философской реакцией на это движение, породившее столь радикальное растворение деятельности отдельно взятой личности в захлестнувшем ее потоке некой отдаленной и недоступной для восприятия коллективной деятельности, явился именно индивидуализм? Здесь не может быть и речи о том, чтобы дать полный ответ на данный вопрос. Однако, напрашивается пара очевидных и существенных соображений на этот счет. Новые условия обеспечили высвобождение доселе дремлющих человеческих возможностей. Произошедшее, возымев разрушительное воздействие на сообщество, вместе с тем, принесло свободу личности — ведь до поры до времени фаза подавления личности оставалась уделом туманного и непредсказуемого будущего. Говоря точнее, фаза подавления в первую очередь затронула те элементы сообщества, которые оставались угнетенными и в прежних, полуфеодальных условиях. Поскольку же с такими людьми (в число которых традиционно попадали водовозы, лесорубы — люди, лишь формально освобожденные от крепостной зависимости) в любом случае не слишком считались, результаты воздействия новых экономических условий на трудящиеся массы остались в основном незамеченными. Как видно из классической философии, сохранение поденщины все еще составляло основу жизни сообщества, а не его членов. Результаты преобразований становились заметны для этих последних лишь постепенно; к этому времени индивидуальные члены сообщества достигли изрядной силы — стали достаточно полноправными участниками нового экономического режима — для обретения политической эмансипации, позволившей им сыграть свою роль в формировании демократического государства. Вместе с тем на представителях «среднего класса», фабрикантах и торговцах, данное освободительное воздействие сказалось весьма заметно. Было бы недальновидно полагать, что эффект указанного высвобождения сил ограничился обогащением отдельных индивидов и появлением у них возможности наслаждаться своим богатством, хотя и сам по себе факт появления [новых] материальных потребностей и возможностей их удов-

летворения не следует недооценивать. Произошедшее послужило стимулом также и к развитию инициативности, изобретательности, дальновидности и умению планировать, обеспечив общественное признание всех этих качеств. Перечисленные признаки появления в обществе новых сил оказались достаточно массовыми для того чтобы поразить наблюдателей, поглотить все их внимание. Результатом же столь всепоглощающего внимания и явилось открытие индивида. То, что привычно, принимается за само собой разумеющееся и действует, не пробуждая активности сознания. Всякий отход от привычного, устоявшегося становится объектом повышенного внимания, порождая «сознание». Те виды ассоциации, которые отличались необходимостью и постоянством, остались незамеченными. Все внимание поглотили собой новые, добровольно образуемые ассоциации. Они монополизировали мыслительное пространство наблюдателей. «Индивидуализм» явился доктриной, отразившей то, что являлось в данную эпоху основным предметом мышления и целеполагания.

Второе соображение сродни первому. В процессе высвобождения новых сил отдельные личности избавились от массы прежних обычаев, установлений и институтов. Мы уже отмечали, что вызванное к жизни новыми технологиями развитие методов производства и обмена тормозилось правилами и обычаями прежнего режима. Вследствие этого возникло отношение к этим правилам и обычаям как к чему-то невыносимо ограничительному, гнетущему. Мешая свободе инициативы и коммерческой деятельности, они превратились в противоестественные, поработавшие людей силы. Борьбу за освобождение от их влияния стали отождествлять со свободой индивида как таковой; в пылу борьбы все вообще ассоциации и институты, не являвшиеся плодом межличностных соглашений и добровольного выбора, были объявлены врагами свободы. При этом осталось незамеченным, что многие формы ассоциации — потому именно, что они воспринимались как сами собой разумеющиеся — остались практически не затронутыми данным процессом. Ведь любые попытки посягнуть на них (например, на существующие формы семьи или правовой институт собственности) расценивались как подрывные, их отождествляли не со свободой, а, мягко говоря, с распушенностью. Гораздо проще отождествлять с индивидуализмом демократические формы правления. Предоставление массам избирательного права олицетворяло собой высвобождение их дотоле дремлющих способностей и наделяло массы, по крайней мере, по видимости, возможностью преобразовывать социальные отношения на основе индивидуального волеизъявления.

Всеобщее избирательное право и власть большинства рождали в воображении представление о том, как будут создавать государство наделенные неограниченным суверенитетом индивиды. И сторонники, и оппоненты демократизации правления рисовали себе картину приведения наличных ассоциаций в соответствие с желаниями и стремлениями всей совокупности разрозненных индивидов. При этом вне поля зрения оставались силы координации и институциональной организации, подспудно осуществляющие контроль над действиями, формально приписываемыми индивидам. Суть заурядного мышления заключается в том, что оно фиксирует лишь внешние проявления и принимает их за действительность как таковую. Иллюстрацией этой тенденции принимать доступную для восприятия сторону ситуации за ситуацию в целом могут служить и привычные восторги по поводу того, что «свободные люди» идут на выборы, дабы своими личными волеизъявлениями определить, в условиях каких политических форм предстоит им жить. Естествознанию уже удалось развенчать эту тенденцию в сфере физических явлений.

Оппоненты демократического правления обладали не большей дальновидностью, чем его сторонники, хотя и продемонстрировали большую последовательность, доводя исходные посылки индивидуализма до их логического конца, то есть до распада общества. Широко известно, сколь безудержно критиковал Карлейль представления, согласно которым общество должно строиться исключительно на принципе чистогана: неизбежным результатом следования подобному принципу явится, по его мнению, «анархия плюс констебль». Он не понимал, что новое промышленное общество создает столь же сильные и притом гораздо более обширные социальные связи, чем те, которым они пришли на смену. Другой вопрос, насколько желательными окажутся эти связи. Маколей, интеллектуальный лидер вигов, утверждал, что наделение масс избирательными правами непременно развяжет их хищнические инстинкты обездоленных, и они воспользуются данной им политической властью для того, чтобы разграбить средний и высший классы. Кроме того, добавлял Маколей, хотя и не следует опасаться, что цивилизованная часть человечества будет низвергнута дикой и варварской его частью, в лоне цивилизации может зародиться болезнь, которая станет для нее губительной.

Надо сказать, нам встретилась и другая доктрина, содержащая представление о том, что действию экономических сил присуща некая «естественность», являющаяся проявлением «естественного закона» — и в этом состо-

ит отличие экономики от политики, характеризующейся искусственностью изобретенных людьми политических институтов. Представление о некоем естественном индивиде, способном в условиях изолированного существования обладать истинно человеческими желаниями, возможностью действовать в соответствии с собственной волей — представление об индивиде, изначально наделенном даром предвидения и способностью делать точные расчеты, является такой же психологической фикцией, что и политическое учение, приписывающее индивиду некие изначальные политические права. Либеральная школа придавала большое значение желаниям, но этой школой желание трактовалось как нечто сознательно направленное на конкретную цель, коей является получение удовольствия — а это последнее как бы не составляет для них никакой загадки. И желание, и удовольствие представлялись им некой не подлежащей дальнейшему анализу, «раскрытию» данностью. Разум неизменно ассоциировался ими с ярким солнечным светом, он представлялся им лишенным каких-либо потаенных уголков, непознаваемых закоулков, «второго дна». Их представления о функционировании разума можно описать как игру в шахматы — когда в нее играют честно, не жульничая: игра идет в открытую, никто ничего не прячет в рукаве; логика каждого хода понятна и общедоступна, состязание проходит по заранее известным всем правилам. Исход поединка зависит от того, кто из игроков окажется более расчетливым и умелым, а кто — более тупым и нерасторопным. Для либералов разум есть «сознание», а оно, в свою очередь, представляется сферой ясности, прозрачности, самоочевидности — сферой, являющей нам без искажений любые усилия, желания и цели.

Ныне является общепризнанным, что поведение определяется условиями, в основном не попадающими в поле нашего зрения; открыть, выявить эти условия можно только предприняв еще более скрупулезные исследования, чем те, которые помогают нам постичь скрытые от нашего восприятия отношения, таящиеся в простых, на первый взгляд, физических явлениях. Менее общепринятым является понимание того, что основополагающие условия, порождающие то или иное конкретное поведение, являются по своему характеру не только органическими, но и социальными, коль скоро речь идет о проявлении *различий* в желаниях, целях и методах действия. Для тех же, кто отдает должное этому факту, очевидно, что желания, цели и критерии удовлетворения — все эти явления, охватываемые догмой о «естественности» экономических критериев и законов — суть социально обусловленные явления. В каждом отдельном человеке они являются отпечатками определенных обычаев и институтов, а не какими-то естествен-

ными, то есть «врожденными» качествами. Пытаясь выразить данную мысль точнее, скажем, что сама форма выполнения работы, форма функционирования промышленности есть результат накопления культуры, а отнюдь не изначальное качество людей самих по себе. Трудно говорить о производстве в период, когда еще не были изобретены орудия труда, еще труднее говорить о наличии в этот период какого бы то ни было богатства; появление того и другого было результатом длительного процесса накопления опыта от поколения к поколению. Характерное для эпохи индустриализации превращение орудий труда в машины стало возможным только благодаря тому, что происходило накопление обществом и передача потомкам достижений науки. Да и сама техника использования орудий и управления машинами нуждается в изучении; она — не некий естественный дар, а нечто, чему можно научиться путем наблюдения за другими, путем обучения, общения.

Сказанное дает весьма неполноценное представление об описываемом здесь важном факте. Ибо, конечно, у человека есть и органические потребности, такие как потребность в пище, обеспечении собственной безопасности и продолжении рода. Но единственный вид производства, который данные потребности способны породить — это деятельность, направленная на добычу скудных средств к существованию, собирательство попадающих на пути съедобных растений, охота на диких животных: такова первая стадия варварства на заре выхода человека из дикого состояния. Но, строго говоря, даже этот скромный результат не всегда был достижимым. Ибо вследствие своей младенческой беспомощности даже столь примитивный строй испытывает нужду в объединении усилий составляющих его людей, включая и самый ценный вид взаимодействия — возможность учиться у других. Но и на стадии варварства производство не было бы возможно без использования огня, оружия, различных плетеных изделий — а все это предполагает осуществление коммуникации и следование традициям. Индустриальный строй, являющийся предметом рассмотрения теоретиков «естественной» экономики, предполагает наличие потребностей, орудий труда, материалов, целей, навыков и способностей, определяемых самими разнообразными формами взаимодействия в коллективе. Таким образом, если вести речь об искусственности (в том смысле, в каком использовали это слово авторы данного учения), то следует признать все перечисленные вещи сугубо искусственными — кумулятивно искусственными. В действительности же речь здесь должна идти об изменении направления развития обычаев и институтов. Ибо следствием деятельности людей, занятых развитием новой промышленности и торговли, было обновление системы обы-

чаев и институтов. Возникшие в результате новые обычаи и институты отличались такой же распространенностью и долговечностью, что и их предшественники, и даже превосходили этих последних по силе и размаху.

Значение этого факта для политической теории и практики очевидно. Потребности и намерения не только определяли функции совместной жизни людей, но и способны были изменять формы и характер этой жизни. Так, афиняне не имели обыкновения покупать воскресные газеты, делать вложения в акции и облигации, не стремились купить автомобиль. Мы же по большей части не заботимся о красоте своего тела и окружающих нас архитектурных сооружений. Большинство их нас довольствуется тем эффектом, который достигается при помощи косметики, для жизни нам достаточно уродливых трущоб и — зачастую — столь же уродливых дворцов. Во всем этом у нас нет никакой «естественной» или органической потребности, и тем не менее все это нам *нужно*. Потребность во всем этом, даже если мы не высказываем ее напрямую, тем не менее, обнаруживает себя со всей определенностью. Ибо она есть неизбежное следствие тех вещей, к которым мы вождедем. Иными словами, сообщество нуждается (в единственно понятном смысле — в смысле действенного требования) либо в образовании, либо в невежестве; в привлекательной, либо в уродливой среде обитания; в поездках, либо в запряженных волами повозках; в акциях и облигациях, в денежном доходе, в строительных искусствах — во всем, что обычно является людям в процессе совместной деятельности, во всем, что оказывается ценным благодаря той самой совместной деятельности, которая и дает средства к достижению всего этого. Но это еще не вся истина.

В процессе совместной деятельности, направленной на производство предметов, служащих удовлетворению потребностей, создаются не только сами эти предметы, но и обычаи и институты. При этом наибольшее значение имеют, как правило, не непосредственные, а непреднамеренные последствия этого процесса. Заблуждение, в которое впадают люди, полагающие, что новый промышленный строй породит именно те поддающиеся сознательному предвидению последствия, которые запланированы нашим сознанием — и в основном только эти последствия — это заблуждение аналогично тому, согласно которому характерные для данного строя потребности и действия являются функциями «естественного» человеческого бытия. Несответствие результатам промышленной революции сознательным намерениям тех, чьими руками она была осуществлена — это прекрасный пример того, как сильно косвенные последствия совместной деятельности способ-

ны влиять на непосредственно планируемые результаты, до неузнаваемости видоизменяя эти последние. Следствием такого положения явилось возникновение тех обширных, подспудных связей, тех «огромных обезличенных концернов, организаций», влияние которых проникло ныне в образ мысли, действий и устремления всех и каждого, открыв тем самым «новую эру человеческих взаимоотношений».

Столь же непредсказуемым было то воздействие, которое возымели на государство массовые организации и наличие сложной системы взаимоотношений. Теперь вместо предполагаемых теорией независимых и самостоятельных индивидов мы имеем некие стандартизированные и взаимозаменяемые объединения. Люди объединяются друг с другом не потому, что таков их добровольный выбор, а потому, что к этому вынуждают их наличные массовые тенденции. Определяющие политические границы зеленые и красные линии образуют четкую разметку, которой следуют законодательства и судопроизводство, но железные дороги, почта и телеграф работают без оглядки на них. Последствия функционирования этих последних оказывают более серьезное воздействие на жизнь, чем названные разделительные линии. Характерные для современного экономического строя формы совместной деятельности столь масштабны и обладают столь широким распространением, что оказывают определяющее влияние на наиболее важные составляющие общества и на то, в чьих руках оказывается власть. С неизбежностью их влияние достигает и правительственных учреждений; им принадлежит фактический контроль над законодательством и управлением. И это не потому, что они обладают сознательной, планомерно реализуемой заинтересованностью в данных институтах (хотя наличие таковой заинтересованности несомненно), а главным образом потому, что они представляют собой самую мощную и высоко организованную из сил общества. Одним словом, в силу специфики современного экономического строя новые формы объединенного действия осуществляют во многом такой же контроль над политикой, какой осуществляли в пару столетий назад династические интересы. При этом они имеют большую власть над умами и сердцами, чем те интересы, которые ранее двигали государством.

Сказанное нами может создать впечатление, будто замена прежних политико-правовых институтов уже завершилась. Но подобное было бы грубым преувеличением. Некоторые из фундаментальных традиций и обычаев остались почти что незатронутыми. Достаточно упомянуть об институте собственности. В ту наивность, с которой философия «естественной» экономики игнорировала воздействие на промышленность и торговлю пра-

вового статуса собственности, в то, что она отождествила богатство с собственностью тогдашней его правовой форме, теперь трудно поверить. Однако, простой факт состоит в том, что в технологическом плане производство никогда не обладало сколь-нибудь существенной степенью свободы. На каждом своем шагу оно сталкивалось с ограничениями и отклонялось от намеченного курса; оно никогда не шло своим собственным путем. Инженер всегда находился в подчинении и управляющего, главным интересом которого было не богатство, а интересы собственника, понимаемые в феодальном и полуфеодальном смысле. Таким образом, одним из справедливо предсказанных философами «индивидуализма» моментов был тот, который являлся вовсе и не предсказанием, а всего лишь прояснением и упрощением установленных обычаев и образов действия; а так было тогда, когда они заявили, что основным делом правления является обеспечение нерушимости интересов собственника.

Значительная часть претензий, предъявляемых ныне технологической промышленности, связана с неизменностью институционально-правовой базы, унаследованной от доиндустриальной эпохи. Однако, было бы неправильным полностью отождествлять эту проблему с вопросом частной собственности. Можно представить себе и то, что частная собственность будет функционировать в интересах общества в целом. Даже и теперь она в значительной степени обслуживает интересы общества. Именно то, что ее функционирование уже приносит нам много пользы, позволяет нам закрывать глаза или, по крайней мере, примириться, с тем, что нынешнее ее существование сопряжено с многочисленными и серьезными примерами, когда она не приносит обществу пользы. Действительный или, по меньшей мере, первостепенный вопрос касается того, каковы должны быть политико-правовые условия функционирования институтов частной собственности.

Итак, мы пришли к заключительному выводу. Те же самые силы, что произвели на свет демократические формы правления, всеобщее избирательное право, практику выбора большинством голосов как исполнительные, так и законодательные органы, породили и условия, мешающие осуществлению общественно-гуманитарных идеалов, нуждающемуся в превращении правления в истинный инструмент дружески организованного общества в целом. «Новому веку человеческих отношений» не достает соответствующего институционального обеспечения. Демократическое общество во многом еще находится в зачаточном, неорганизованном состоянии.

Глава IV

Закат общества

В наше время оптимизм по поводу демократии оказался омраченным. Мы знакомы с обращенными адрес демократии разоблачениями и критикой, огульность которых и раздражение, с коим они высказываются, свидетельствует, однако, о чисто эмоциональном их происхождении. Немалая часть этой критики страдает теми же ошибками, что и бывшие восхваления демократии. Они считают ее порождением некоей идеи, единого последовательного намерения. Карлейль не был почитателем демократии, но и он в моменты озарения говорил: «Для того чтобы сделать демократию неотвратимой, достаточно изобрести печатный станок». Добавим к этому: Изобретите железную дорогу, телеграф, массовое мануфактурное производство, концентрацию населения в городах и вокруг них — и тогда в гуманитарном плане станет неотвратимой та или иная форма демократического правления. В том виде, в каком политическая демократия существует сегодня, она навлекает на себя целый поток враждебной критики. Но критика, если она осуществляется без учета тех условий, в которых сформировалось демократическое правление — это всего лишь выражение сварливости и раздражительности, присущим комплексу превосходства над окружающими. Любая разумная критика политики является компаративной. Она исходит не из лозунга «все или ничего», а из имеющихся практических альтернатив; позиция ни с чем не считающегося максимализма — независимо от того, занимают ли ее с позитивными или с критическими целями — свидетельствует скорее об угаре страстей, нежели о свете разума.

Демократическое государственное устройство Америки сформировалось в условиях истинного сообщества, то есть оно строилось из ассоциаций, существовавших в масштабе местных центров и организаций низового уровня; на этом уровне производство являлось главным образом аграрным и осуществлялось оно в основном с применением ручного труда. Данный облик оно приняло в результате наложения английских политических

процедур и английских правовых институтов на условия первоначального освоения материка. Данные ассоциации характеризовались устойчивостью форм — и это несмотря на свою мобильность, на то, что это были мигрирующие образования. Роль первых поселенцев предьявляла к личным качествам членов ассоциации такие требования, как трудолюбие, владение самыми разнообразными навыками, изобретательность, инициативность, высокая приспособляемость и общительность в отношениях с соседями. При этом роль основной политической единицы принадлежала небольшим городкам или чуть более крупным территориальным объединениям, общие собрания горожан являлись средством политического взаимодействия, а целями такового являлось строительство дорог и школ, а также поддержание мира внутри сообщества. Государство же представляло собой совокупность подобных политических единиц — национальную государственную федерацию штатов (в отдельных случаях функционирующую как конфедерация). Воображение отцов-основателей данного государства в основном ограничивалось представлениями о совместных действиях данных единиц в качестве самоуправляющихся сообществ. В этом смысле показательным является разработанный ими механизм избрания главных представителей исполнительных органов федеративной власти. Введение такого института, как коллегия выборщиков, строилось на ожидании, что граждане будут выбирать для этой роли высокопоставленных лиц своего сообщества и что избранные ими представители будут собираться вместе на совещание, результатом коего станет выдвижение некоего лица, всем им известного своей надежностью, преданностью интересам общества, а также обширными знаниями в сфере управления общественными делами. То, как быстро пришлось отказаться от данной практики, свидетельствует о переходном характере тогдашней ситуации в обществе. Однако, изначально никто и представить себе не мог, что настанет время, когда даже имена выборщиков президента будут неизвестны широким массам избирателей, отдающим голоса за список кандидатов, составленный более или менее частным собранием членов партии, тогда как коллегии выборщиков достанется роль обезличенной машины для регистрации — обезличенной до такой степени, что высказывание кем-то из ее членов собственного суждения (в чем по замыслу и должна была заключаться суть данной процедуры) будет рассматриваться как нечто равносильное предательству.

О том, что наши институты формировались в масштабах местных сообществ, можно судить по облику нашей (столь очевидно бессистемной) системы народного образования. Попробуйте расспросить кого-нибудь из

американцев, каковы методы руководства данной сферой, как строится процесс обучения и какие из образовательных методик являются официально одобренными. Ваш собеседник ответит, что в данном штате (или, скорее всего, он скажет «в данном графстве», «в данном городе» или даже в какой-то его части, называемой районом) дела обстоят так-то и так-то, а в каком-то другом месте — по-иному. Спрашивающий, если он иностранец, получив подобный ответ, вероятно, решит, что подобным ответом его собеседник лишь пытается скрыть факт собственного невежества; на самом же деле, для полного ответа на данный вопрос собеседнику потребовалась бы поистине энциклопедическая просвещенность. Невозможность придать ответу хоть сколько-нибудь обобщенный вид заставляет нас искать объяснения вскрывшейся специфике в истории вопроса. Немноголюдная группа колонистов, практически все члены которой уже раньше были знакомы между собой, организует поселение в необитаемом или почти необитаемом месте. Они хотят, чтобы живущие с ними дети были обучены как минимум чтению, письму и счету — данное желание зиждется на убеждении относительно полезности подобных навыков и подкрепляется традицией — в основном, религиозной. Но обеспечивать детей учителем семьи могут лишь время от времени; в пределах некой территории (в Новой Англии она была даже меньше территории отдельного городка) соседи объединяются в «школьный округ». Им удается воздвигнуть (возможно даже, своими собственными руками) здание школы и посредством специально организованного комитета нанять учителя, жалование которому идет из налогов. Ограниченность круга преподаваемых предметов определяется обычаем, методика преподавания — традицией, на которую накладывается все то умение и глубина проникновения в преподаваемый предмет, которыми обладает сам учитель. Постепенно среда обитания становится все более цивилизованной; изолированные ранее сообщества начинают соединять дороги, в том числе и железные. Города разрастаются до больших размеров; учить начинают все большему числу предметов, все больше внимания уделяется методам преподавания. Более масштабное образование, такое как штат (но не федеративное государство) создает школы для подготовки учителей, квалификация которых становится объектом особого внимания и проверяется при помощи специальных тестов. Но в силу некоторых общих условий, предусмотренных законодательством штатов — но не национальным государством — образование остается на местном обеспечении и под контролем местных властей. Местное сообщество обретает более сложную структуру, но как таковое оно продолжает существовать. Пример с образо-

ванием в высшей степени поучителен в плане понимания того, в каком контексте происходило развитие, адаптация к местным условиям позаимствованных у Англии политических институтов.

Короче говоря, в наследство нам досталась политическая практика и политические идеи, соответствующие модели местного самоуправления в форме общегородских собраний. Но наша жизнедеятельность осуществляется в рамках континентального национального государства. Нас соединяют неполитические связи, что же до наличных политических форм и институтов права, то с ними нам приходится всячески импровизировать, так и этак приспособлявая их для решения возникающих задач. Политические структуры образуют те каналы, по которым идет неполитическое, индустриальное взаимодействие. Железнодорожное сообщение, путешествия и транспорт, торговля, почта, телеграф, телефон и газеты — все это позволяет сформировать среди нас достаточную для нормального течения дел общность мыслей и чувств; ведь благодаря всему этому между нами поддерживается взаимосвязь и взаимозависимость. При этом беспрецедентным является сам факт существования на столь обширной территории целого ряда [самоуправляемых] штатов, не являющихся воинствующими империями. Когда-то представление о возможности существования на столь необъятных просторах, какими обладают Соединенные Штаты, — просторах, занятых ныне многочисленным и расово разнородным населением — государства, построенного на принципах самоуправления (пусть даже номинального), казалось безумнейшей из фантазий. Считалось, что создание подобного государства возможно только в пределах территорий, едва ли превышающих территорию города-государства и характеризующихся к тому же однородностью населения. Платону, как впоследствии и Руссо, представлялось очевидным, что истинному государству едва ли следует превышать размеры, позволяющие всем его членам быть лично знакомыми между собой. Единством своих членов современное государство обязано изобретению технологий, делающих возможным быстрый и беспрепятственный обмен мнениями и информацией, благодаря которому имеется в наличии система постоянных и многосложных взаимодействий, далеко выходящих за рамки тех, что существуют в сообществах «лицом к лицу». К произошедшим индустриальным преобразованиям политико-правовые формы приспособились лишь отчасти, неполностью и с большим отставанием. Устранение пространственных барьеров, обусловленных физическими ограничениями, вызвало к жизни новые формы политических ассоциаций.

Все эти достижения тем более поразительны, что их реализация происходила в весьма неблагоприятных обстоятельствах. Поток хлынувших в страну иммигрантов был столь огромен и разнороден, что в случае сохранения изначально установленных условий он камня на камне не оставил бы от единства нарождающегося общества — подобно тому, как некогда нашествие кочевых вражеских орд опрокинуло социальное равновесие на европейском континенте. И то, что сложилось в результате подобных обстоятельств, не могло быть достигнуто с помощью каких бы то ни было сознательных мер. В дело вступили механические силы, так что неудивительно, что результатом их действия стало некое скорее механическое, нежели органическое (*vital*) образование. Способность принять в свое лоно столь многочисленных представителей совершенно разных (и часто враждующих друг с другом на своей исторической родине) народов и переплавить их в некое — пусть даже чисто внешнее — единство явилась чрезвычайным достижением. Во многих отношениях данная консолидация осуществлялась так быстро и беспощадно, что в ее «плавильном котле» погибли многие из тех ценностей, которые несли с собой различные народы. Политическое объединение способствовало также установлению социального и интеллектуального единообразия, насаждению стандартов, создающих столь благоприятные условия для утверждения посредственностей. Регламентации стал подвергаться и образ мысли, и образ поведения. Свойственные первопроходцам нравы, отличающий их образ жизни — от всего этого очень скоро не осталось и следа. Отголоски того времени сохранились лишь в романах и кинофильмах, повествующих о «диком Западе». С необычайной скоростью складывалось то, что Беджгот называл слоеным пирогом обычаев, при этом слишком часто пирог просто не успевал подниматься и оставался непропеченным. Ведь феномен массового производства касается не только фабричных продуктов.

Явившаяся результатом всего этого политическая интеграция опровергла предсказания ранних критиков демократического правления; с другой стороны, она повергла бы в изумление и первых сторонников демократии, доведись им наблюдать с небес все, что происходило на земле после них. Критики предсказывали дезинтеграцию и утрату стабильности. Они представляли себе распад нового общества, превращение его в горстку песка, рассыпающуюся из-за взаимного отталкивания враждующих песчинок. Они ведь тоже приняли всерьез теорию «индивидуализма» как основу демократического правления. Единственной гарантией стабильности представлялась им стратификация общества на некие вечные классы, при кото-

рой каждая личность, занимая в данной системе определенное неизменное положение, выполняет положенные ей обязанности. Они не верили в то, что будучи освобождены от оков подобной системы, человеческие существа смогут хоть в какой-то степени сохранить единство. Поэтому они предсказывали постоянную смену режимов правления по мере того, как индивиды объединялись то в одну, то в другую фракцию, завоевывали власть, затем теряли ее под напором другой, набирающей силу фракции. Если бы реальные факты соответствовали теории индивидуализма, эти предсказания несомненно сбылись бы. Но, подобно авторам данной теории, они не учли консолидирующего воздействия технического прогресса.

Несмотря на достигнутую интеграцию — или, вероятнее всего, из-за присущей этой последней специфики — общество казалось утраченным; оно определенно потеряло ориентиры¹⁵. Разумеется, правительство, чиновники и их деятельность никуда не делись. Законодательные органы не скупятся на разработку все новых; законов; подчиненные им официальные лица ведут безнадежную борьбу за претворение в жизнь хотя бы некоторых из них; действующие судьи из сил выбиваются, стараясь совладать с непрестанно возрастающим числом тяжб, представляемых им на рассмотрение. Но где же общество, представителем которого являются все эти чиновники? Стоит ли что-либо за географическими названиями и официальными должностями? Соединенные Штаты, штат Огайо или Нью-Йорк, такое-то графство и такой-то город... Является ли общество чем-то большим, чем просто географическим термином, как выразился один циничный дипломат, говоря об Италии? Подобно тому как философы однажды постулировали наличие некоей сущности за внешними качествами и чертами, и это позволило им отнести объект рассмотрения к определенной категории, придав ему тем самым понятийное наполнение и стройность, которых он был лишен на первый взгляд, — так и наша политическая философия «здравого смысла» примысливает общество для того лишь, чтобы как-то обосновать, сделать осмысленными действия чиновников. Если никакого общества нет, как могут существовать чиновники? — вопрошаем мы в отчаянии. Если же общество все-таки существует, оно испытывает такое же чув-

---

¹⁵ См. сочинение Уолтера Липмана «Общество-фантом» (*Lippmann W, The Phantom Public*). Данной работе, также как и работе того же автора, озаглавленной «Общественное мнение» (*Public Opinion*), я весьма обязан — и не только в порядке обсуждения данного частного вопроса, но и в плане моей общей концепции, несмотря на то, что порой мои выводы расходятся с теми, к которым пришел он.

ство неопределенности относительно себя самого, какое испытывают философы, начиная с Юма, относительно существования собственного я, а также относительно содержания этого понятия. Число избирателей, продолжающихся пользоваться принадлежащим им величественным правом участия в выборах, постоянно сокращается относительно численности потенциальных избирателей. В настоящее время число реально голосующих на выборах составляет половину от общего числа людей, обладающих избирательным правом. Несмотря на всю неистовость призывов принять участие в голосовании, организованные усилия, направленные на то, чтобы пробудить в людях сознание наличия у них ряда привилегий и определенных обязанностей, пока что не приносят успеха. Часть людей ссылается на бессилие любых политиков; многие же с безразличием отстраняются от всяческого участия, предаваясь нечестным способам воздействия на окружающих. Скептицизм по поводу неэффективности голосования выражается открыто — и не только в теориях интеллектуалов, но и в словах простого люда: «Какая разница, буду я голосовать или нет? Все равно ничего не изменится. Мой голос никогда ничего не значил». Люди, склонные к размышлениям, добавляют к этому: «Все эти выборы есть не более, чем борьба между теми, кто стоит у власти, и теми, кто стремится к ней. Выборы способны привести лишь к смене властей предержавших, благодаря чему кто-то другой станет получать высокий оклад и обеспечит себе доступ к законам».

Личности, склонные к еще большим обобщениям, утверждают, что как таковой механизм политической деятельности есть не более чем защитная окраска, маскирующая тот факт, что в любом случае правительством руководит большой бизнес. Бизнес является отражением требований времени, и попытки остановить его развитие или отклонить его от существующего курса столь же тщетны, сколь и усилия миссис Партингтон, пытавшейся при помощи швабры повернуть вспять волны прилива. У большинства из тех, кто придерживается данного мнения, аргументированное изложение доктрины экономического детерминизма вызвало бы возмущение; между тем, их собственное поведение говорит о том, что на деле они следуют этой доктрине. Эту доктрину приемлют не только социалисты-радикалы. В неявном виде она присутствует в позициях, занимаемых представителями большого бизнеса и финансов, обвиняющих радикальных социалистов в разрушительном «большевизме». Ибо они глубоко веруют в то, что «процветание» (данное слово приобрело уже религиозное звучание) является для страны насущной необходимостью и что они являются творцами процветания и его гарантами; следовательно, привилегия определять направ-

ление политики по праву принадлежит им. Неприятие ими исповедуемого социалистами «материализма» основано на том простом факте, что этот последний стремится к иному распределению материальных сил и благосостояния, чем то, которое удовлетворяет интересам властей предрержащих.

Несоответствие между наличным обществом и правительством, номинально являющимся органом управления этим обществом, проявляется в существовании сложившихся неправовых учреждений. Посреднические группы наиболее близки к политическому образу действия. Интересно сопоставить описание фракций в английской литературе XVIII века с нынешним статусом партий. Главным врагом политической стабильности все мыслители объявляли фракционализм. Определенное отражение этой позиции содержится в посвященных политике работах американских авторов начала XIX века. В наше время существование под именем партий обширных консолидированных фракций является не только чем-то обычным, но и служит в глазах общества единственным возможным способом отбора чиновников, единственным способом работы правительства. Тенденция к централизации достигла той стадии, когда даже третья партия оказывается обреченной на хаотичное и недолговременное существование. Ситуация, когда индивиды частным образом приходили к сознательному выбору, являвшемуся выражением его личной воли, сменилась положением, при котором граждане получили благословенную возможность голосовать за список, в основном состоящий из незнакомых ему людей и являющийся результатом действия некоего скрытого механизма, задействованного на собрании членов партии — механизма, обеспечивающего нечто вроде политической предопределенности. Есть и такие, кто видит в возможности выбрать один из двух списков высшее выражение индивидуальной свободы. Но едва ли это можно считать той свободой, которую имели в виду авторы доктрины индивидуализма. «Природа не терпит пустоты». Когда общество находится в столь неясном, туманном состоянии, как ныне, и потому отдалено от правительства, образовавшуюся между ними политическую пустоту заполняют политические заправки с имеющимися в их распоряжении рычагами власти. О том же, кто движет самими этими заправками и кто дает им в руки рычаги власти, можно лишь догадываться — ответ на данный вопрос способны дать лишь разгорающиеся время от времени скандалы.

Однако, оставляя в стороне утверждение, будто «большой бизнес» дергает за те ниточки, которые заставляют плясать политических заправил, приходится все же согласиться с тем, что в настоящее время партии уже не могут считаться главными творцами политики. Ведь все партии, независи-

мо от того, какие принципы они исповедуют, стремятся приспособиться к наличным общественным течениям, идя ради этого на всевозможные частичные уступки. В то время, как писались эти строки, на страницах одного еженедельника появилось следующее высказывание: «Со времени окончания гражданской войны практически все наиболее важные меры, получившие свое отражение в федеральном законодательстве, осуществлялись без посредства национальных выборов, на которых поднимался данный вопрос, приведший к противостоянию двух главных партий». В качестве иллюстрации к сказанному называются реформы, касающиеся государственной службы, управления железными дорогами, процедуры демократического избрания сенаторов, национального подоходного налога, избирательного права для женщин и сухого закона. Все это, как кажется, служит достаточным основанием для следующего утверждения: «Порой создается впечатление, что американская партийная политика служит средством предотвращения возникновения ситуаций, порождающих возбуждение масс и вызывающих ожесточенные споры в общенациональном масштабе.»

Фактом, опровергающим подобный вывод, служит судьба поправки о детском труде. Пункт о необходимости наделения Конгресса полномочиями в части регулирования детского труда (в коих ему было отказано Верховным судом) присутствовал в предвыборных платформах всех политических партий; данная идея разделялась также тремя последними президентами, принадлежавшими к правящей партии. И несмотря на все это предложение о соответствующей поправке к Конституции до сих пор не получило достаточной поддержки. Политические партии царят, но не правят. Разброд в обществе, его фактический распад достиг такой стадии, что общество оказалось не в состоянии воспользоваться даже имеющимися в его распоряжении рычагами влияния на деятельность политиков и государственное устройство.

О том же самом свидетельствует и крах теории, постулирующей ответственность избранных представителей перед своим электоратом, не говоря уж о теории, вменяющей избранным представителям в обязанность прислушиваться к суждениям отдельных избирателей. Нельзя не предположить, что содержание подобных теорий лучше всего согласуется с законодательством популистского типа. Такое законодательство способно как привлекать избранного представителя к ответу за отказ выполнять пожелания, высказываемые избирателями на местах, так и поощрять их за настойчивое и успешное следование этим пожеланиям. Но при решении важных вопросов данными теориями, как правило, не пользуются, хотя

случается, что и они оказываются эффективными. Вместе с тем, такие случаи настолько редки, что любой опытный политический наблюдатель может пересчитать их по пальцам. Причины, по которым избранные представители не несут личной ответственности перед электоратом, очевидны. Электорат состоит из довольно аморфных группировок, которые в период между выборами пребывают в бездействии. Даже в период политического подъема их взгляды, сформировавшиеся довольно искусственным путем, представляют собой разновидность коллективного мнения и следуют за группой, не будучи результатом независимого личного суждения. И, как правило, участь кандидата, решившего баллотироваться на выборах, зависит не от того, насколько хорош он или плох как политик. Общая тенденция работает либо на находящуюся у власти партию, либо против нее, и конкретный кандидат или возносится на гребень волны — если плывет по течению — или тонет, накрытый встречной волной. Порой в обществе воцаряется единодушие, порождающее выраженную тенденцию в пользу «прогрессивного законодательства», либо стремления возврата «к норме». Но и тогда успех кандидата лишь в исключительных случаях обуславливается принятой им тактикой личной ответственности перед электоратом. Одни из них исчезают, поглощенные «приливной волной», других победа на выборах возносит на ответственный пост. В иных случаях решающими факторами оказываются привычка, партийные фонды, умелое управление электоральным механизмом, имидж кандидата (мужественная нижняя челюсть, наличие милой жены и малюток-детей), а также множество других не имеющих отношения к делу деталей.

Эти разрозненные замечания не содержат никакого открытия. Все это хорошо известные вещи, относящиеся к числу неизменных элементов политического театра. Любой внимательный наблюдатель мог бы продолжить данный перечень. Примечательно, что общеизвестность таких вещей порождает если не презрение, то безразличие к ним. Безразличие свидетельствует об апатии, а апатия указывает на тот факт, что общество находится в таком замешательстве, что не может найти самого себя. Все эти замечания сделаны не с целью сделать какой-либо вывод, а для того чтобы сформулировать проблему: что есть общество? Если общество существует, то что мешает ему осознать и выразить себя? Является ли общество мифом? Или, может быть, оно появляется лишь в периоды отчетливых социальных трансформаций, когда особенно выпукло обнаруживают себя жизненно важные альтернативы как то: выступать ли за сохранение наличных институтов или же поддержать новые тенденции? Заявляет ли общество о себе реакцией на ди-

настическое правление, воспринимаемо как нечто деспотически гнетущее? Выражается ли сущность общества в переходе социальной власти из рук аграрных классов в руки производителей?

Разве не заключается проблема нашего времени в том, чтобы найти специалистов, способных решать проблемы управления, а не в том, чтобы выработать ту или иную политику? Следует подчеркнуть, что нынешние замешательство и апатия проистекают из того факта, что реальными силами общества во всех неполитических вопросах ведают теперь специально подготовленные управляющие, в политике же действуют идеи и механизмы, сформировавшиеся в прошлом и предназначенные для разрешения ситуаций совсем иного типа. Для того чтобы найти квалифицированных школьных учителей, компетентных врачей или управляющих бизнесом не требуется никакого вмешательства общества. Общество никоим образом не причастно к обучению врачей искусству врачевания или коммерсантов — искусству торговли. Образ действия представителей этих и других свойственных нашему времени профессий определяется соответствующей наукой или псевдонаукой. Можно утверждать, что и важные правительственные дела в настоящем представляют собой нечто технически сложное, так что надлежащее ведение их предполагает участие экспертов. Если же по сей день люди не доросли до понимания того, как важно поручать управление обществом специалистам в этой области, то главное препятствие к осознанию этого, очевидно, заключено в том суеверном убеждении, согласно которому формирование и проведение в жизнь общей социальной политики является прерогативой общества. Вероятно, апатия электората вызвана излишней искусственностью тех вопросов, при помощи которых предпринимались попытки расшевелить политические фракции. В свою очередь, сама эта искусственность, возможно, отражает сохранение политических убеждений и политических технологий, являющихся пережитками прошлой эпохи, когда наука и технология отличались незрелостью, отчего отсутствовала возможность разрабатывать применительно к каждой конкретной социальной ситуации определенных способов удовлетворения именно данных социальных потребностей. Типичным примером тому — примером, показывающим, что должно случиться, если следовать доктрине, согласно которой окончательным арбитром, третейским судьей во всех вопросах являются не эксперты, осуществляющие соответствующее исследование, а политически организованное общество — является попытка законодательно зафиксировать приоритет примитивных древнееврейских легенд о происхождении человека над результатами научных исследований.

К наиболее актуальным вопросам современности следует отнести вопросы санитарии, здравоохранения, обеспечение людей достойным, здоровым жильем, а также транспорт, городская планировка, регулирование потоков иммигрантов, распределение их по стране, отбор персонала и управление им, выработка надлежащей методологии обучения и общей подготовки учителей, разработка научных основ налогообложения, эффективное управление фондами и т.д. Все это технические вопросы, такие же как конструирование эффективного мотора для городского или железнодорожного транспорта. И решается он так же, как и все технические вопросы — через изучение фактов; поскольку же исследование способны проводить лишь те, кто располагает всеми необходимыми для этого средствами и оборудованием, то и результаты исследования могут быть надлежащим образом использованы только квалифицированными специалистами. Какое отношение ко всему этому имеет подсчет голосов, решения большинства и весь механизм традиционного управления? В свете высказанных соображений общество с его политическими организациями выглядит не просто привидением, а таким привидением, которое все время слоняется, разглагольствует, вносит во все путаницу и неразбериху, подталкивая правительство к катастрофическим ошибкам.

Лично я далек от мысли, будто высказанные соображения справедливы относительно всего спектра политической деятельности. Эти соображения не принимают в расчет тех сил, с которыми следует так или иначе совладать, прежде чем возможно будет приступить к решению узко технических вопросов. Вместе с тем, представленные соображения позволяют конкретизировать фундаментальный вопрос: Что, собственно говоря, представляет собой общество в современных условиях? Каковы причины его упадка? Что мешает его самоидентификации? Как преобразовать его неразвитое, аморфное состояние в эффективную политическую деятельность, отвечающую сегодняшним социальным потребностям и возможностям? Что происходило с обществом за последние полтора века, прошедшие с того времени, как появилась теория политической демократии, породившая столько надежд и упований?

Предшествующее рассмотрение проливает свет на некоторые условия возникновения общества. Кроме того, оно указывает на ряд причин, обусловивших возникновение «новой эры человеческих отношений». Будучи сопоставлены между собой, данные условия и причины способны послужить исходной точкой ответа на поставленные вопросы. Крупномасштабные, долговременные и серьезные побочные последствия совместной дея-

тельности людей, последствия их взаимодействия вызывают к жизни общество, объединяемое стремлением поставить эти последствия под контроль. Но в индустриальную эпоху побочные последствия стали настолько всеобъемлющими, множественными, глубокими и сложными, обусловив появление столь огромных и консолидированных действующих объединений, функционирующих не в качестве сообществ, а в качестве неких обезличенных единиц, что составленному из подобных объединений обществу не удастся достичь самоидентификации. А таковая определенно является неотъемлемым условием эффективности его организации. В этом и состоит наше представление о сути кризиса, охватившего общественные интересы и саму идею общества. Общество слишком многолико, интересы его слишком многообразны для того, чтобы мы могли осмыслить его при помощи имеющихся в нашем распоряжении возможностей. Проблема демократически организованного общества — это по сути своей интеллектуальная проблема, и с этой точки зрения в политической жизни прошлых веков мы не находим ничего подобного.

Конкретно, мы ставим перед собой цель выяснения того, каким образом индустриальная эпоха осуществила — в процессе формирования «великого общества» — вторжение в сферу существовавших до сих пор малых сообществ и разрушила их, так и не создав на их месте «великого общества». Фактическая сторона всего этого достаточно известна; наша непосредственная задача состоит в установлении связи между этими фактами и трудностями, имеющимися в плане организации демократического общества. Ибо сама общеизвестность явлений мешает увидеть их истинное значение, оставляя скрытой от восприятия их связь с непосредственными политическими проблемами.

Самым актуальным и к тому же весьма удобным исходным пунктом для нашего рассмотрения служат события «великой войны». Эта война не имела себе равных по масштабу, так как велась в совершенно новых условиях. Но и династические конфликты в XVII веке назывались тем же словом — «война», между тем, за единым обозначением легко не заметить различий в смысле. Мы мыслим себе все войны одинаково, считая, что последняя из них была лишь страшнее предыдущих. К участию в войне были привлечены колонии, самоуправляющиеся территории присоединились добровольно; собственность облагалась налогом на содержание войска; были заключены союзы с дальними странами, не взирая на расовые и культурные различия между ними: в числе союзников были Англия и Япония, Германия и Турция. В войну были втянуты буквально все континенты.

Побочные последствия войны были так же обширны, как и прямые. Мобилизация и консолидация коснулась не только солдат, она затронула финансы, промышленность и настроения в обществе. Позиция нейтралитета обнаружила свою ненадежность. Кризис мирового масштаба уже имел место ранее, когда Римская империя собрала под своим владычеством страны и народы Средиземноморского бассейна. Мировая война служит несомненным доказательством того, что событие, имевшее в прошлом региональное значение, теперь повторилось во всемирном масштабе — с той лишь разницей, что ныне отсутствует всеохватывающая политическая организация, способная объединить все разнообразие стран — стран самостоятельных, хотя и взаимозависимых. Любой, кто хотя бы отчасти способен представить себе зрелище всемирной войны, не забудет того, какой смысл несло в себе понятие «великого общества»: оно существует, но существует в состоянии внутренней разобщенности.

Побочные последствия объединенной деятельности относительно небольшого числа людей — последствия обширные, запутанные и серьезные — охватили весь земной шар. Привычные метафоры, сравнивающие произошедшее с камнем, брошенным в воду, с кеглями, сбитыми одним мячом, с искрой, из которой возгорелось пламя, меркнут перед реальностью. Война распространялась подобно тому, как распространяется неконтролируемое стихийное бедствие. Одним из следствий консолидации народов в рамках отдельных, номинально независимых государств является то, что влияние деятельности этих народов достигает индивидов и групп, принадлежащих к различным государствам мира. Связи и отношения, обеспечивающие передачу энергии, высвобожденной в одной части мира, во все прочие его части, являются невидимыми, недоступными для непосредственного восприятия; они не столь очевидны, как политически определенное государство. Но война способна продемонстрировать, что они не менее реальны, чем государство, а также убедить нас в их нынешней неорганизованности и нерегулируемости. Она показывает, что существующие политические и правовые формы и установления не в состоянии изменить данной ситуации, являющейся следствием не только конкретного облика политического государства, но и влияния неполитических сил, не укладывающихся в политические формы. Невозможно же рассчитывать на то, что причины болезни, будучи объединены между собой, окажутся эффективным лекарством от той болезни, которую они и вызвали. Необходимо, чтобы неполитические силы объединились для преобразования существующих политических структур и разобщенное, беспокоенное общество стало бы единым целым.

Вообще же существование неполитических сил есть отражение наступления технологической эпохи на доставшиеся нам от прошлого политические структуры, вследствие чего происходит нарушение нормального функционирования этих последних. Отношения в промышленности и торговле, породившие ситуацию, одним из выражений которой явилась война, заявляют о себе и в большом, и в малом. Они проявляются не только в борьбе за сырье и за отдаленные рынки, не только в нарастании национального долга разных стран, но также и в ряде второстепенных явлений и событий местного значения. Так, путешественники, оказавшиеся вдали от дома, не могли получить наличные деньги по своим кредитным письмам даже в странах, не участвовавших в тот момент в войне. С одной стороны, закрывались фондовые биржи, а с другой — кто-то наживал миллионы. Можно привести пример и из области внутренних дел. Отчаянное положение фермеров со времени начала войны стало внутривнутриполитической проблемой. Возникла огромная потребность в продуктах питания и других продуктах сельскохозяйственного труда; цены возросли. Данными экономическими стимулами дело не ограничилось: фермеров постоянно призывали к сокращению производства зерна. Следствием всего этого стала инфляция и временное процветание [фермерства]. Потом завершилась активная фаза войны. Обнищавшие страны были не в состоянии покупать продукты питания, платить за них даже в довоенном размере. Чрезвычайно возросли налоги. Национальные валюты обесценивались; мировой запас золота сосредоточился в Соединенных Штатах. Под влиянием войны, а также неумеренности нации шло накопление запасов на складах заводов и торговых фирм. Выросли зарплаты и цены на сельскохозяйственные орудия. Когда же наступила дефляция, она застала ограниченный рынок, более высокие, чем прежде, цены производства и фермеров, обремененных выплатами по ипотечным договорам, которые они не задумываясь заключали в период бурного роста.

Этот пример обычно приводят из-за того, что в сравнении с прочими последствиями, особенно теми, что имели место в Европе, он выглядит не особенно важным. Относительно несущественным этот пример выглядит на фоне европейской ситуации, а также на фоне повсеместного подъема националистических чувств, начавшегося со времен войн в так называемых отсталых странах. Но этот пример демонстрирует, какие ограничения налагают на нас сложность нынешних экономических отношений, взаимозависимость элементов экономики; он также свидетельствует о том, как слаба наша способность предвидеть и регулировать будущее развитие со-

бытий. Фермерское население едва ли могло знать о том, какими последствиями чревато для них участие в тех серьезных отношениях, в которые они были втянуты. Фермеры были способны спонтанно, импровизационно реагировать на каждое событие, но управлять своими делами, сознательно приспособляясь к развитию событий, они не могли. Они выступают этакими несчастными жертвами деятельности более высокого уровня, о которой они едва ли имеют какое-то представление и над которой у них не больше власти, чем над сюрпризами природы.

Тот факт, что данный пример относится к военному времени, не дает оснований оспаривать его. Сама по себе война является нормальным проявлением отсутствия интеграции в обществе. Местное сообщество «лицом к лицу» стало жертвой нашествия сил, настолько огромных, зародившихся так далеко от этого сообщества, сил, характер действия которых был так непросто и непрямолинеен, а масштаб действия так необъятен, что в глазах членов местных социальных объединений эти силы выглядели чем-то совершенно неведомым. Не раз уже было замечено, что человеку непросто общаться с ближними своими, как непросто и обходиться без них, даже если речь идет о соседях. Не легче дается ему общение и с теми, с кем его разделяет расстояние, с теми, чьих поступков он не может пронаблюдать. Общество, будучи незрелым, способно к организации только в том случае, если оно знает, каковы будут побочные последствия того или иного явления, когда существует возможность планировать, при помощи каких средств возможно будет упорядочить эти последствия. В настоящее время о многих последствиях скорее догадываешься, чем знаешь; их ощущаешь, но они остаются непознанными, ибо те, кто их переживает, ничего не могут сказать об их происхождении. Само собой разумеется, в этом случае не создается ничего из тех средств канализации потоков социального действия, при помощи которых можно было бы регулировать эти последствия. Поэтому общество продолжает пребывать в аморфном, невыявленном состоянии.

Было время, когда человек мог позволить себе иметь ряд общих политических принципов и при этом достаточно уверенно пользоваться ими на практике. Гражданин верил в права штата или в централизованное федеральное правление; в свободу торговли или в протекционизм. Ему не требовалось особых интеллектуальных усилий для того чтобы представить себе, что связав свою судьбу с той или иной партией, он мог добиться, чтобы с его мнением считались в правительстве. Сегодня же средний избиратель взирает на вопрос о тарифах как на некое многосложное нагромождение бесконечных деталей, тарифных сеток, специфических и

*ad valorem*¹⁶, касающихся бесчисленных предметов, из которых многие незнакомы ему даже по названию — стало быть, в отношении их он не может иметь никакого суждения. Вероятно, из тысячи избирателей не найдется и одного, кто когда-либо читал многостраничное перечисление пошлинных ставок, а если кто-либо из них все-таки ознакомился с данным перечнем, то едва ли он стал от этого умнее. Средний человек отказывается это делать, считая подобное чтение пустым занятием. В период предвыборной кампании какой-нибудь проверенный временем лозунг может временно заставить его уверовать в то, что касательно важных вопросов у него есть определенные убеждения; но если данный избиратель не является ни владельцем производства, ни биржевым маклером, его убеждения не будут столь же основательными, какими они бывают в вопросах, затрагивающих личные интересы индивида. Промышленность слишком сложна и хитроумна.

Кроме того, в силу личной предрасположенности или традиционно разделяемого им мнения избиратель может преувеличивать значение местного самоуправления и чересчур чувствительно относиться к порокам централизации. При этом он может быть страстно убежден в пагубном влиянии на общество торговли спиртными напитками. Он считает, что сухой закон, действующий в его местности, в его городе, его графстве, в значительной степени сводится на нет ввозом спиртного извне, чему способствует существование современных транспортных средств. Тогда он начинает выступать за принятие на общенациональном уровне поправки, предоставляющей центральному правительству полномочия регулировать производство и продажу опьяняющих напитков. А это предполагает рост числа федеральных чиновников и увеличение их полномочий. Таким образом, в наши дни юг страны, эта колыбель учения о правах штатов, стал главным поборником повсеместного введения сухого закона и закона Волстеда¹⁷. Трудно сказать, много ли избирателей задумывалось о том, в какой связи находятся исповедуемые ими общие принципы с позицией, занятой ими в отношении сухого закона: вероятно, таких было немного. С другой стороны, последовательные гамильтониисты¹⁸, предупреждавшие об опасности, заключенной в партикуляризме местной автономии, выступали против введе-

¹⁶ По стоимости (*лат.*). — *Прим. перев.*

Закон, приводящий в действие восемнадцатую поправку к Конституции США, запрещающую производство алкогольных напитков и торговлю ими. Принят в 1919 году. — *Прим. перев.*

¹⁸ Последователи А. Гамильтона (1757—1804), лидера партии федералистов с 1789 года. — *Прим. перев.*

ния сухого закона. Следовательно, в данном вопросе они плясали под дудку Джефферсона¹⁹. Однако, насмешки над их очевидной непоследовательностью в данном случае неуместны. Ситуация в обществе настолько изменилась под влиянием наступающей индустриальной эпохи, что традиционные общие принципы почти утратили былое практическое значение. Эти принципы перестали быть отражением разумных идей, сохранив за собой чисто эмоциональное значение.

Такая же чехарда царит в области правил, касающихся железных дорог. Противник установления над ними сильного федерального управления, являющийся, как правило, фермером или грузоотправителем, считает, что расценки на перевозки слишком высоки; кроме того, он полагает, что на железных дорогах уделяется мало внимания вопросу границ между штатами, что некогда местные железнодорожные ветки ныне стали частями одной огромной системы, а в законодательстве штатов и существующих на местном уровне порядках этот факт не нашел должного отражения. Поэтому он призывает к введению в данной сфере общенационального регулирования. С другой стороны, некий сторонник централизованного управления, являясь владельцем акций и облигаций, считает, что на получаемый по ним доход неблагоприятно влияют действия федерального правительства, и тогда он живо протестует против докучливой тенденции по каждому поводу обращаться за помощью к государству и объявляет такую помощь проявлением дурацкого патернализма. Развитие промышленности и торговли идет при столь сложных обстоятельствах, что никакие четкие, общеприменимые суждения на эту тему становятся практически невозможными. За деревьями нам не видно леса, а за лесом — деревьев.

Поразительным примером подобной смены настроений в отношении различных доктрин, то есть в отношении практических выводов из них, является история концепции индивидуализма, проинтерпретированная в смысле максимального ограничения государственного «вмешательства» в промышленность и торговле. Изначально этой точки зрения придерживались «прогрессисты», выступавшие против доставшейся в наследство системы законодательства и управления. Крупные предприниматели напротив ратовали за сохранение прежнего статуса. Теперь же, когда строй, основанный на частной собственности и средства производства укрепился, данная доктрина является интеллектуальным оплотом консерваторов и ре-

¹⁹ Томас Джефферсон (1743—1826) — 3-й президент США, идеолог буржуазно-демократического направления. — *Прим. перев.*

акционеров. Ныне ее исповедует тот, кто хочет быть оставленным в покое, тот кто бросает боевой клич свободы частной промышленности, поощрения бережливости, свободы договоров и права пользования денежными благами, приносимыми подобной стратегией. В Соединенных Штатах слово «либерал», обозначающее партийную принадлежность, все еще употребляется как синоним политика-прогрессиста. В большинстве других стран «либеральной» называется партия, представляющая власть крупных промышленников и финансистов, протестующих против правительственных установлений. Ни в чем другом ирония истории не проявляется так сильно, как в этом переходе в собственную противоположность практического смысла термина «либерализм» — и все это несмотря на то, что в теории никаких словесных переворотов не происходит.

Политическая апатия, являющаяся естественным результатом несоответствия реальной практики традиционному [понятийному] аппарату, истекает из неспособности избирателя отождествить себя с определенными проблемами. Ибо трудно представить себе, как и в чем проявляются они в многосложном контексте повседневности. Когда традиционные воинственные призывы перестали будоражить практическую политику, действующую в унисон с ними, о них тут же позабыли как о некоем вздоре. И то значительное число избирателей, которое все еще приходит на выборы — а таковых около пятидесяти процентов — делает это исключительно по привычке, следуя традиции, а вовсе не по сознательному убеждению и не из смутного чувства гражданского долга. От этих голосующих довольно часто приходится слышать, что многие голосуют не за, а против чего-то или кого-то — за исключением тех случаев, когда какой-то серьезный фактор порождает среди них панику. Прежние принципы, как бы хорошо ни отражали они насущные интересы того периода, когда они появились на свет, не отвечают требованиям современности. Тысячи людей, не сумев адекватно выразить свои чувства, ощущают себя опустошенными. Смятение, порождаемое размахом социальной деятельности, заставляет скептически относиться к эффективности политической деятельности. Кому по силам охватить все это? У людей появляется ощущение, что они находятся во власти сил, слишком огромных для того чтобы осмыслить их или совладать с ними. Мысль застывает, волю охватывает паралич. Даже специалисту непросто теперь выявить «причинно-следственную связь»; даже он способен комментировать уже произошедшее, оглядываясь назад, между тем как социальная деятельность движется вперед, создавая все новые ситуации.

Эти же рассуждения помогают понять происходящее обесценивание

механизмов демократической политической деятельности на фоне осознания возрастающей потребности в экспертном управлении. Так, например, одним из побочных продуктов войны явились правительственные инвестиции в производство азота (химического продукта, играющего важнейшую роль в фермерстве, а также нужного для действующих армий), осуществляемого в Масл Шоулз²⁰. Вопрос закрытия и утилизации данного завода стал предметом политической дискуссии. Требовавшие обсуждения вопросы — научные, сельскохозяйственные, промышленно-финансовые — носили чисто технический характер. Многие ли из избирателей обладают достаточной компетенцией для того, чтобы взвесить все названные факторы, рассмотрение которых было необходимо для принятия правильного решения? Если же допустить, что всесторонне изучив данный вопрос, они достигли бы надлежащего уровня компетентности, то у всех ли нашлось бы время для подобного изучения вопроса? Правда, данный вопрос не был непосредственно представлен на рассмотрение избирателей, но его техническая сложность отразилась в том ошарашенном бездействии законодателей, в чьи обязанности и входило решение данного вопроса. И без того запутанная ситуация осложнилась далее изобретением новых, более дешевых методов производства нитратов. Но ускоренное развитие гидроэлектролиза и наращивание общей мощности объединенных электрических сетей также являются вопросами общественного значения. В конечном счете, трудно найти вопросы, более важные, чем эти. Но кто из граждан, помимо представителей непосредственно задействованных в этих производствах корпораций и кучки инженеров, обладают достаточными знаниями и умениями для того, чтобы правильно оценить и рассчитать все факторы, имеющие отношение к подобным проектам? Вот еще один пример: к вопросам, непосредственно затрагивающим интересы общества на местах, относятся трамвайное сообщение и торговля продуктами питания. Но история муниципальной политики свидетельствует о том, что в данных вопросах взрывы общественного интереса чередовались с периодами безразличия. То, как решаются данные вопросы, напрямую сказывается на жизни массы людей. Но сами масштабы, разнообразность и избалованность городского населения, огромные размеры требуемого капитала, необходимость учета технических характеристик инженерных проектов, связанных с решением данных вопросов — все это суть факторы, рассмотрение которых быстро утомляет среднего избирателя.

²⁰ Местность в бассейне реки Теннесси (штат Алабама), где решением Конгресса США (1916 г.) было построено два завода по производству азота и возведена дамба электростанции. — *Прим. перев.*

Думаю, эти три примера весьма типичны. Предлагаемые вниманию общества вопросы столь широки и замысловаты, сопряженные с ними технические вопросы требуют столь специальных знаний, детали проектов столь многочисленны и переменчивы, что общество, будучи поставлено перед ними, никак не может определиться, достичь самоидентификации. И дело не в том, будто общества как такового не существует, будто не существует большого числа людей, одинаково заинтересованных в определенном исходе данной совокупности социальных взаимоотношений. Дело в том, что общество слишком многочисленно, слишком рассеяно и разобщено, слишком запутано. Кроме того, в обществе существует слишком много группировок, вследствие чего всякая совместная деятельность, характеризующаяся серьезными и долговременными побочными последствиями, оказывается непомерно разнообразной; виды деятельности пересекаются между собой порождая новые группы со своими узкими интересами; и мало что может связать все части такого общества в единое целое.

Картина не будет полной, если не принять во внимание наличия множества сил, соперничающих с действенными политическими интересами. Ведь у политики всегда находились сильные соперники. Людей всегда интересовали, в первую очередь, собственная работа и собственные развлечения. Мысль о том, что «хлеб и зрелища» способны отвлечь внимание людей от общественных дел, не нова. Но нынешнее индустриальное общество, развившее, усложнившее и умножившее общественные интересы, одновременно преумножило и усилило серьезные альтернативы этим интересам. В тех странах, где в прошлом политическая жизнь протекала наиболее успешно, существовал особый класс, сделавший политику своим главным занятием. Так, Аристотель считал, что к категории граждан, имеющих право заниматься политикой, должны относиться исключительно люди, обладающие досугом, то есть люди, освобожденные ото всех прочих забот, в особенности, от необходимости добывать себе средства к существованию. И до последнего времени политическая практика подтверждала справедливость данного убеждения. Заниматься политикой могли себе позволить только «джентльмены» — люди, обладавшие собственностью и средствами на протяжении достаточно долгого времени и обладавшие всем этим в таких размерах, что продолжать наращивать свое состояние они могли бы только ценой утраты своего лица. Ныне же течение индустриализации столь мощно охватило все сферы жизни, что обладать большим досугом способны лишь бездельники. У каждого из людей теперь есть свое дело: слово «дело» (business) обрело особый и вполне

точный смысл, превратившись в «бизнес». И политика тоже выказывает тенденцию превращения в разновидность «бизнеса», становясь неким особым делом, коим обычно занимаются предприниматели и функционеры.

Преумножение общей численности и разнообразия развлечений, удешевление их является мощным фактором отвлечения от политики. В незрелом обществе людям предоставлено слишком много возможностей для развлечений — так же как и для работы — и это мешает им всерьез заняться вопросом организации эффективного общества. Человек — это не только политическое, но еще и потребляющее и развлекающееся животное. Особое значение для нашей ситуации имеет то, что сегодня доступ к развлечениям как никогда прост и дешев. Нынешняя «эра процветания», возможно, продлится и не долго. Но кино, радио, дешевое чтение, автомобили и все, что им сопутствует, останется с нами навсегда. И то, что все это было изобретено без сознательного намерения отвлечь внимание людей от политических интересов, не снижает эффективности данных изобретений именно в названном смысле. Политическая составляющая человеческой личности, ответственная за его гражданские чувства, неравномерно представлена в различных индивидах. Во многих слоях общества бывает практически невозможно вызвать людей на разговор, посвященный политическим вопросам; уже на первых минутах такой беседы люди начинают зевать. Стоит только перевести разговор на автомобили, их устройство, преимущества различных моделей, или на сопоставление достоинств различных актрис — и диалог оживает. Следует помнить, что это удешевление и преумножение возможностей доступа к развлечениям является порождением индустриальной эпохи, усиленной деловой традицией, сделавшей производство средств к приятному времяпрепровождению одним из наиболее доходных бизнесов.

Одна из сторон функционирования технологической эпохи с ее беспрецедентным контролем над естественными источниками энергии, как явствует из сказанного, нуждается в особом внимании. Прежние общества, представлявшие собой местные сообщества, во многом аналогичные друг другу, отличались еще и тем, что принято называть статичностью. Конечно, они изменялись, но вне периодов войн, катастроф и великих миграций изменения в этих обществах носили постепенный характер. Изменения осуществлялись медленно и в основном оставались незамеченными теми, кого они касались. Новые силы произвели на свет мобильные и изменчивые типы ассоциаций. Свидетельством тому явились частые жалобы на распад института семьи. Результатом появившейся мобильности, равно как и ее показателем, стал также и переход от сельских к городским сообществам. Ничто не

остаётся неизменным надолго, включая и те ассоциации, с помощью которых функционирует бизнес и промышленность. Это пристрастие к движению и скорости есть симптом тревожащей нестабильности общественной жизни — оно обладает способностью усиливать собственные первопричины. В строительстве дерево и камень сначала вытесняются сталью; позже сталь дополняется железобетоном, а ещё позже эту революцию продолжают какие-то новые изобретения. Местечко Масл Шоулз было приобретено правительством для производства азота, а новые методы его производства уже оставили в прошлом потребность в больших водных запасах. Ни одной представленной иллюстрации не бывает достаточно, поскольку выбирать придётся из разнородной массы примеров. Как можно организовать общество, которое буквально никогда не стоит на месте? На фоне всех этих нестабильных, изменчивых отношений только серьёзные (или кажущиеся серьёзными) вопросы способны служить неким общим знаменателем. Привязанности в нашей жизни играют совсем иную роль, чем пристрастия. Пристрастиями мы будем обладать, пока бьётся сердце; а для формирования привязанностей одних органических причин мало. Одна и та же вещь способна стимулировать, усиливать пристрастия и разрушать привязанности. Ибо последние складываются в ситуации покоя и стабильности; их питательной средой является постоянство отношений. Усиление мобильности подтачивает привязанности на корню. Лишенные же постоянных привязанностей, ассоциации становятся слишком изменчивыми и неустойчивыми для того чтобы позволить обществу найти, идентифицировать себя.

Новая эра человеческих отношений, современниками которой мы являемся, характеризуется массовым производством, нацеленным на отдалённые рынки, она характеризуется наличием телеграфа и телефона, дешевой технологией печати, железных дорог и пароходов. Колумб открыл новый свет только в географическом смысле. Поистине новый мир был создан за последние сто лет. Пар и электричество сделали больше для изменения условий функционирования человеческих ассоциаций, чем все вместе взятые институты, существовавшие до нашего времени. Есть и такие, кто всю вину за пороки нынешнего образа жизни возлагает на пар, электричество и машины. Всегда существует соблазн назначить кого-то другого — будь то дьявол, или спаситель — ответственным за человечество. В действительности же затруднения проистекают скорее из наличия одних и отсутствия других представлений, согласно которым в действие включаются те или иные факторы технологического прогресса. Интеллектуальные и нравственные убеждения и идеалы изменяются медленнее, чем внешние усло-

вия. Если же нашим идеалам, ассоциируемым с присущими прошлому представлениями о достойной жизни наносится ущерб, то в этом вина, в первую очередь, самих идеалов. Идеалы и критерии, сформировавшиеся без учета тех средств, с помощью которых их следует достигать и прививать людям, — такие идеалы обречены на зыбкое и неустойчивое существование. Поскольку порожденные индустриальной эпохой цели и устремления не связаны с традицией, существует две системы альтернативных ценностей, и преимуществами обладает та система, которая обладает реальными средствами воплощения в жизнь своего идеала. А так как речь идет о соперничестве между старым и новым (старое же сохраняет определенное обаяние и сентиментальный престиж в литературе и религии), новые идеалы с неизбежностью оказываются чем-то более резким и приземленным. Ибо прежние идеалы существования все еще привлекают к себе мысль и обладают немалым числом приверженцев. Условия изменились, но достаточно взглянуть на любой аспект жизни — от религии и образования до собственности и торговли — дабы убедиться в том, что в сфере идей и идеалов не происходит ничего похожего на трансформацию. Чувства и мысли контролируются при помощи символов, а новый век не обладает символами, созвучными с его деятельностью. Интеллектуальный инструментарий, задействованный в формировании организованного общества, еще более не соответствует поставленной цели, чем прочие имеющиеся в нашем распоряжении средства. Связи, соединяющие между собой людей, занятых той или иной деятельностью, многочисленны, крепки и изощренны. Но они являются невидимыми и неощутимыми. Ныне мы, как никогда ранее, оснащены физическими средствами коммуникации. Но соответствующие этим средствам мысли и устремления не являются предметом коммуникации и потому они не есть общее достояние. А без этого общество обречено оставаться неким призрачным и бесформенным образованием, судорожно ищущим самого себя, но находящим не свою сущность, а лишь ее тень. До тех пор, пока «великое общество» не превратится в «великое сообщество», общество будет находиться в состоянии затмения. Создать же великое сообщество способна только коммуникация. Наша Вавилонская башня будет построена не при помощи языков, а при помощи тех знаков и символов, без которых невозможно достижение общности опыта.

Глава V

В поисках великого сообщества

Нам уже довелось мимоходом указать на различие между демократией как социальной идеей и политической демократией как системой правления. Конечно, между тем и другим имеется связь. Идея остается пустой и бесплодной, если не получает соответствующего воплощения в человеческих отношениях. Однако, рассматривать то и другое следует по отдельности. Понятие демократии шире и полнее, чем любое из его воплощений в конкретном государстве, даже образцовом. Дабы быть реализованной, идея политической демократии должна проникнуть во все виды человеческих ассоциаций: в семью, школу, промышленность, религию. И даже если говорить о политических установлениях, то правительственные институты являются в этом смысле не более чем механизмами, обеспечивающими для данной идеи пути эффективного функционирования. При этом едва ли можно утверждать, что критика подобных политических механизмов никак не затрагивает тех, кто верит в политическую демократию. Ибо коль скоро критика имеет под собой основания — а ни один искренне верующий в политическую демократию человек не сможет отрицать того, что во многом эта критика вполне обоснована — она подталкивает его к поиску более подходящих механизмов реализации данной идеи. Однако, при этом приверженцы политической демократии настаивают на том, что саму идею не следует отождествлять с внешними органами и структурами ее реализации. Мы не согласны с общей позицией врагов существующего демократического правительства, согласно которой выдвигаемые против этого последнего обвинения затрагивают также и лежащие в основе данных политических форм социальные и моральные цели и идеи. Старый афоризм, утверждающий, что избавление от пороков демократии состоит в увеличении демократии, не имеет силы, если под ним подразумевается то, что от пороков демократии возможно избавиться либо путем увеличением числа механизмов, подобных уже существующим,

либо путем исправления и совершенствования этих механизмов. Но этот афоризм может также означать необходимость возврата к самой идее с целью прояснения и углубления понимания ее и использования этого углубленного понимания для критики и преобразования ее политических воплощений.

Сейчас, сосредоточившись на понятии политической демократии, мы должны непременно опротестовать утверждение, согласно которому механизмы, обслуживающие практику правления в демократических государствах, как то: всеобщее избирательное право, избранные представители, правление большинства и т.д. — являются порождениями самого понятия политической демократии. Идея политической демократии оказала определенное влияние на конкретный облик политического движения, но не являлась его причиной. Переход к демократическому правлению от правления семейно-династического, опиравшегося на традиции, явился результатом, в первую очередь, технологических открытий и изобретений, изменивших те обычаи, которыми были связаны между собой люди. И это не имело никакого отношения к доктринам и их создателям. Привычные для нас формы демократического правления являют собой совокупный результат множества событий, событий непреднамеренных, если рассматривать их с точки зрения их политических результатов, и чреватых непредсказуемыми последствиями. В таких реалиях, как всеобщее избирательное право, частые выборы, правление большинства, наличие конгресса или кабинета в качестве высших органов управления, — во всем этом нет ничего священного. Все это суть средства, отражающие направления общих устремлений, общего течения, каждая волна которого порождала лишь минимальный отход от предшествующих обычаев и законов. Данные средства служили определенным целям; но цель эта состояла не столько в утверждении демократической идеи, сколько в удовлетворении тех из существующих потребностей, настоятельность которых не позволяла долее их игнорировать. И несмотря на все свои недостатки, данные средства хорошо служили поставленным целям.

Оглядываясь назад с помощью *ex post facto*²¹ опыта, можно отметить, что даже мудрейшие из нас в данных конкретных обстоятельствах едва ли смогли бы лучше удовлетворить имевшиеся потребности, чем они были удовлетворены в тот момент. Вместе с тем, подобная ретроспекция позволяет увидеть всю неадекватность сопутствовавших практике конкретных

²¹ Исходя из свершившегося позднее (лат.) — Прим. перев.

формулировок доктрины, односторонность и ошибочность которой становится для нас теперь очевидна. Фактически, эти доктрины были не более чем воинственными политическими лозунгами, служащими целям ведения агитации за что-то конкретное или оправдания практических проявлений какой либо из форм правления — даже если они преподносились в качестве единственно верных отражений человеческой природы и человеческой морали. Эти доктрины служили удовлетворению конкретных, местных, прагматических потребностей. Но приспособление их к нуждам непосредственных ситуаций часто делало их в прагматическом смысле непригодными для более общих и долговременных целей. Их существование являлось тормозом для политики, они тем более препятствовали прогрессу, что подавались обществу не как некие гипотезы, призванные управлять социальным экспериментированием, а как истины в последней инстанции, как догмы. Неудивительно, что ныне столь остро ощущается потребность пересмотра их, замены их чем-то иным.

Тем не менее, направление общего движения неизменно нацелено на утверждение демократических форм. Понимание того, что правительство стоит на службе сообщества, что его цели недостижимы без участия самого сообщества в отборе правителей и определении того, какую они должны проводить политику, — это понимание является чем-то само собой разумеющимся, предполагаемым в основе любых доктрин и форм, какую бы изменчивость эти последние ни демонстрировали. Этим пониманием понятие демократии не исчерпывается, оно есть лишь политическое выражение этого понятия. Вера в подобные политические устои не является чем-то мистическим, она не имеет ничего общего с верой во всемогущее провидение, заботящееся о детях, пьяницах и всех тех, кто не в состоянии позаботиться о себе сам. Понятие демократии содержит в себе ряд выводов, сделанных на основе основательного изучения фактов истории. У нас есть все основания полагать, что какие бы изменения ни происходили внутри существующих демократических механизмов, все они будут направлены на усиление роли общественных интересов как главных ориентиров и критериев деятельности правительства, на то, чтобы позволить обществу более авторитетно заявлять о своих целях. Основная трудность на этом пути заключается, как мы уже видели, в отыскании тех средств, с помощью которых разобщенное, мобильное и многоликое общество сможет узнать самое себя и благодаря этому определить и выразить собственные интересы. Это открытие себя есть необходимая предпосылка любого фундаментального преобразования механизмов демократического правления. Поэтому мы не собираемся выдвигать

никаких предположений относительно того, какие улучшения в части форм политической демократии явятся наиболее предпочтительными. Таких предположений выдвигалось множество. Не имея намерения принизить значение этих идей, следует все же сказать, что рассмотрение предложенных преобразований не является в данный момент делом первостепенной важности. Проблема лежит глубже, и в первую очередь она имеет характер интеллектуальной проблемы отыскания тех условий, при которых возможно превращение «великого общества» в «великое сообщество». Главное — обеспечить эти условия, а тогда уже они сами вызовут к жизни соответствующие формы. Пока же таковые условия не найдены, мало смысла рассуждать о том, какие политические механизмы лучше всего подойдут им.

Поиски тех условий, в которых сможет демократически функционировать нынешнее незрелое общество, мы начнем с выявления природы понятия демократии, рассмотренной с точки зрения его родового социального смысла.²² В индивидуальном плане демократия заключается в том, что каждый человек обладает своей мерой ответственности в деле формирования образа действий своей группы и управления ее поведением, а также в том, чтобы по мере необходимости разделять защищаемые группой ценности. А в групповом аспекте демократия означает высвобождение потенций индивидуальных членов группы, осуществляемое в гармонии с общими интересами и на благо всей группы. Поскольку же каждый индивид является членом одновременно многих групп, данное требование выполнимо только в тех случаях, если одни группы взаимодействуют с другими гибко и многопланово. Член шайки грабителей может демонстрировать собственные полномочия способом, находящимся в полном соответствии со своей принадлежностью данной группе и руководствоваться интересами, объединяющими всех членов шайки. Но вести себя подобным образом он может только подавляя те стороны своего *я*, которые реализуются благодаря его членству в других группах. Шайка грабителей не способна к гибкому взаимодействию с другими группами; действовать она может, только изолировавшись от других. Ей необходимо предотвращать возникновение всех прочих интересов, кроме тех, которые соответствуют ее обособленному состоянию. В отличие от грабителей, добропорядочный гражданин убеждается в том, что выполнение им роли члена по-

---

²² Наиболее адекватным из известных мне исследований демократического идеала является работа Т.В. Смита «Демократический образ жизни» (*Smith T.V. The Democratic Way of Life*).

литической группы только выигрывает от того, что он участвует также и в жизни своей семьи, в функционировании производства, в научной и художественной ассоциациях (а на членство во всех этих группах, в свою очередь, благотворно влияет его причастность к группе политиков). Здесь имеет место обратная связь: благодаря взаимовлиянию данных разнообразных групп и непротиворечивости ценностей каждой из них возникает возможность достижения гармонии и полноты личности.

В концептуальном плане демократия не является альтернативой другим принципам жизни ассоциаций. Ведь она есть не что иное как концептуальное представление о жизни в сообществе. Идеалом она является лишь в той степени, в какой идеал поддается осмыслению; а именно, она есть тенденция, направление развития чего-то сущего, доведенная до своего логического конца, то есть сущее, рассмотренное в его завершенном, совершенном виде. А так как в реальности вещи не достигают подобной завершенности, ощущая на себе воздействие, вмешательство других вещей, то и демократия в данном смысле не получает своего завершения и является в принципе нереализуемой. Но это же можно сказать и о сообществе в его завершенном виде — сообществе как чистой, ничем не омраченной сущности. Однако, идея или идеал сообщества отражает действительные стадии жизни ассоциаций, стадии их освобождения от сковывающих их элементов, являющихся помехой для них; в результате подобного освобождения возникает возможность воспринимать их как достигших предела собственного развития. Сообщество налицо везде, где имеется совместная деятельность людей, последствия которой оцениваются ее индивидуальными участниками как благие, везде, где осуществление благой цели порождает энергичное желание и практическое стремление сохранить благо только потому, что это общее для всех благо. Ясное сознание того, что представляет собой жизнь в ассоциации во всех ее аспектах, и составляет идею демократии.

Сформировать неутопические представления о демократии можно лишь взяв за исходное факт существования сообщества и концептуально вычленив составляющие его элементы. Ходячие представления и словечки, традиционно ассоциируемые с понятием демократии, приобретают достоверность и могут служить ориентирами, только когда они воспринимаются в качестве характерных черт ассоциации, воплощающих собой определяющие качества сообщества. В изоляции от жизни сообщества свобода, равенство и братство становятся безнадежными абстракциями. Утверждение их самих по себе выливается либо в слезливый сентиментализм,

либо в безудержное и фанатичное насилие, что в конечном счете становится самоотрицанием этих идеалов. В этом случае равенство становится выражением механического тождества, которое не соответствует действительности и не может быть реализовано. Попытки достичь такого равенства ведут к разрушению жизненно важных связей, соединяющих людей между собой; говоря подробней, в результате такого равенства возникают посредственности, для которых общей является только усредненная и вульгарная разновидность блага. В этом случае свободу начинают представлять как независимость от социальных связей, результатом чего становится распад и анархия. Труднее отделить от сообщества идею братства; поэтому она практически игнорируется движениями, отождествляющими демократию с индивидуализмом — в противном случае, она выступает у них в роли некоего сентиментального довеска. В качестве реального элемента жизни сообщества братство является синонимом сознательно принимаемых благ, исходящих от ассоциации, членами которой являются все, — ассоциации, определяющей поведение каждого своего члена. Свобода — это надежный способ высвобождения потенций личности, способ ее самореализации, осуществимый только в условиях подлинной, многоплановой ассоциации с другими; свобода — это возможность быть неповторимой личностью, вносящей собственный вклад в жизнь ассоциации и пользующейся (на свой собственный лад) благами, предоставляемыми участием в этой жизни. Равенство — это законная доля каждого отдельного члена сообщества в результатах совместной деятельности. Это справедливая доля, так как измеряется она исключительно потребностью и способностью использовать полученное, а не внешними факторами, обездоливающими одного, дабы дать возможность другому получить желаемое. Маленький ребенок является равным среди других членов семьи не из-за каких-то изначально присущих ему общих с другими конституциональных особенностей, а лишь постольку, поскольку удовлетворение его потребности в уходе и воспитании не заставляет окружающих жертвовать их собственной силой, имуществом и умениями. Равенство — это не математическое или физическое тождество, благодаря которому возможна взаимозаменяемость всех имеющихся элементов. Оно предполагает внимательное отношение к любым отличительным чертам каждого человека, к его неповторимости, несмотря на физические и психическое неравенство индивидов. Это не какая-то естественная данность, а свойство сообщества — когда оно ведет себя именно как сообщество.

Одним из условий возникновения сообщества является ассоциированная или совместная деятельность. Но сама по себе ассоциация есть нечто

физическое и органическое, а жизнь сообщества является нравственной, то есть основывается на эмоциях, разуме и сознании. Человеческие существа соединяются в процессе своей деятельности так же непосредственно и бессознательно, как атомы, звездные скопления и живые клетки; и так же непосредственно и бессознательно, они расстаются и взаимоотталкиваются. Они поступают так согласно собственному строению: мужчина объединяется с женщиной, младенец ищет материнскую грудь, готовую удовлетворить его потребность. Все это осуществляется ими в силу внешних воздействий: так соединяются и разделяются атомы под влиянием электрического заряда; так жмутся друг к другу овцы, спасающиеся от холода. Совместная деятельность не нуждается ни в каких пояснениях; все совершается так, как положено. Но как бы обширна ни была совместная деятельность, сама по себе она не порождает сообщества. Думающим и наблюдающим существам, идеи которых поглощаются импульсами, становясь чувствами и интересами, «мы» кажется чем-то столь же неизбежным, сколь и «я». Но «мы» и «наше» существуют только там, где последствия объединенной деятельности воспринимаются как объект желаний и усилий, подобно тому, как «я» и «мое» возникают лишь в качестве сознательно утверждаемой или требуемой определенной доли общей деятельности. Независимо от того, насколько органичными по происхождению и надежными в функционировании являются человеческие ассоциации, в подлинно человеческие общества они превращаются лишь тогда, когда предсказуемые последствия их деятельности являются предметом оценки и объектом устремлений. Даже если бы «общество» являлось тем организмом, каким представляют его себе некоторые авторы, оно не имело бы права называться обществом. Контакты, взаимодействия происходят *de facto*, и следствием их является возникновение взаимозависимости. Участие же в деятельности и совместное пользование ее плодами есть нечто большее, чем это. Эти последние предполагают наличие *коммуникации* как предпосылки тех или иных контактов.

Совместная деятельность есть факт человеческой жизни; но если она ничем не дополняется, ей приходит конец — столь же неизбежный, сколь и конец любого другого вида взаимодействия (например, взаимодействия железа с кислородом воды). Все происходящее при таком взаимодействии, целиком поддается описанию в терминах обмена энергией или — в случае, когда речь идет о человеческих взаимоотношениях — обмена силой. И лишь в условиях существования *знаков* или *символов* самой деятельности и ее последствий появляется возможность рассматривать этот

поток энергии извне; в этом случае он может быть выделен в качестве предмета анализа, оценки, будучи превращен в нечто регулируемое. Молния ударяет в дерево или камень, сокрушая его, а разлетающиеся части еще долго продолжают взаимодействовать между собой. Когда же мы имеем возможность представить отдельные фазы данного процесса с помощью знаков, в картину вмешивается некая новая среда. Поскольку символы связаны между собой, выделяющиеся в описанном процессе важные взаимосвязи событий подвергаются описанию и сохраняются, наделенные неким смыслом. Это делает возможными воспоминания и предвидения; новая среда облегчает расчеты, планирование и способствует появлению нового типа деятельности, вмешивающегося в происходящее дабы скорректировать ход событий в сторону предсказуемого и желательного.

Символы находятся в зависимости от коммуникации и одновременно являются средствами развития коммуникации. Результаты совместной деятельности анализируются и сообщаются другим. Сами события не поддаются подобной передаче, смыслы же можно передавать при помощи знаков. Таким образом [индивидуальные] желания и импульсы обретают общий для всех смысл, будучи преобразованы в устремления и цели, которые являются носителями обычных, общепонятных смыслов и потому олицетворяют новый тип отношений, трансформирующий совместную деятельность в сообщество интересов и начинаний. Так возникает то, что, выражаясь метафорически, можно назвать волей и сознанием общества: индивидуальные желания и индивидуальный выбор принимают форму деятельности, о которой с помощью символов можно сообщить всем заинтересованным лицам, приобщив их тем самым к собственной деятельности. Таким образом, сообщество представляет собой систему, преобразующую энергию в смыслы, понимаемые и используемые всеми участниками совместной деятельности. «Сила» не устраняется — она трансформируется, будучи направлена на выражение идей и чувств, ставшее возможным благодаря существованию символов.

Процесс перерастания физической и органической фазы совместного действия в сообщество действия, питаемое и регулируемое разделяемым всеми интересом к общепонятным смыслам (последствия которого переносятся при помощи символов в плоскость идей и предметов устремлений) происходит не сразу и не до конца. В каждый конкретный момент таковой процесс представляет собой скорее проблему, чем достижение. От рождения мы являемся лишь органическими существами, живущими в ассоциации с другими такими же веществами, но не членами сообщества.

Молодежь должна формироваться в русле существующих традиций, в русле определенного кругозора и интересов, характеризующих данное конкретное сообщество и прививаемых ему при помощи воспитания, то есть путем непрерывных наставлений, непрерывного приобщения к общезначимым реалиям данной ассоциации. Все истинно человеческое усваивается индивидом в процессе обучения, а не является чем-то присущим ему от рождения, хотя сама способность к обучению предполагает наличие некоторых врожденных черт конституции, отличающих человека от других животных. Специфически человеческое обучение, обучение, дающее очеловечивающий эффект — это не простое обретение дополнительных умений, достигаемое путем совершенствования изначальных способностей.

Учится быть человеком значит вырабатывать в себе при помощи коммуникативной обратной связи самосознание индивидуально неповторимого члена сообщества — то есть того, кто понимает и разделяет присущие сообществу убеждения, устремления и методы и вносит свой вклад в дальнейшее преобразование органических сил в истинно человеческий ресурс, в истинно человеческие ценности. Но данный процесс не имеет конца. В нас всегда присутствует первородный Адам, этот неистребимый элемент человеческой природы. Он проявляет себя всюду, где только имеется возможность достичь желаемого результата при помощи силы, а не посредством коммуникации и просвещения ближнего. В случаях когда знания и умения, являющиеся продуктом жизни в сообществе, применяются в целях, на которые общий интерес никак не повлиял, Адам заявляет о своем присутствии более изощренным, извращенным и более действенным образом. Реакция Руссо на доктрину «естественной» экономики, согласно которой коммерческий обмен способен породить такую взаимозависимость всех людей, в результате которой сама собой воцарится всеобщая гармония, была вполне адекватной. Он указывал на то, что взаимозависимость создает как раз такую ситуацию, при которой сильный получает благоприятную возможность эксплуатировать окружающих в собственных целях, держать их в подчинении, благодаря чему другие смогут быть использованы им в качестве одушевленных орудий. Избавление от подобной опасности через возврат к состоянию независимости, основанной на самоизоляции, едва ли можно воспринимать всерьез. Но сам факт, что подобное отчаянное предложение было выдвинуто, свидетельствует об остроте проблемы. Свойственный этому предложению негативизм был равнозначен капитуляции перед проблемой. А это наводит на мысль о том, какова должна быть природа возможного решения: речь идет о совершенствовании

средств и способов сообщения смыслов, в результате чего может быть достигнута поистине всеобщая заинтересованность в результате взаимозависимой деятельности, которая станет частью всех устремлений и усилий, а значит и непосредственно самой деятельности.

В этом и состоит смысл утверждения, согласно которому данная проблема является проблемой морали и решение ее зависит от разума и образованности людей. В предыдущих абзацах мы уделили достаточно вниманию роли технологических и индустриальных факторов в создании «великого сообщества». Сказанное может выглядеть как согласие с детерминистской версией экономической интерпретации истории и институтов общества. Отрицать значение экономических факторов глупо и бесполезно. Они не перестанут действовать, если мы перестанем их замечать или подвергнем их сентиментальной идеализации. Они, как уже было сказано, имеют своим результатом некие общие внешние условия деятельности, более или менее известные нам. Фактический же результат действия индустриальных сил зависит от наличия или отсутствия понимания будущих последствий, от наличия или отсутствия коммуникационного распространения данного понимания; результат функционирования индустрии зависит также от способности предвидеть его последствия и от влияния такого предвидения на человеческие устремления и практические начинания людей. Одно дело — тот результат, к которому приводит функционирование экономики, когда она предоставлена самой себе и является чисто физическим процессом или же когда на нее воздействуют лишь те из накопленных сообществом знаний, умений и технологий, которые неравномерно и спорадически доносятся до членов этого сообщества. Результат становится совсем иным по мере того, как знание о последствиях деятельности начинает распределяться в сообществе справедливым образом, а сама эта деятельность одухотворяется живым и компетентным интересом сообщества в целом. В своем обычном изложении экономическая интерпретация игнорирует тот факт, что смыслы способны произвести подобную трансформацию; она не замечает наличия между промышленностью и событиями человеческой жизни некоего нового пространства, которое способна заполнить коммуникация. Эта экономическая интерпретация целиком находится во власти иллюзии, произведшей на свет «естественную экономику», иллюзии, появившейся из-за незамечания того, как влияет на деятельность способность сознавать ее последствия (как реальные, так и вероятные) и делать это знание достоянием общества. Данная иллюзия принимает в расчет предшествующее, но не последующее; она видит истоки, но не результаты.

Данный экскурс позволил нам вернуться к вопросу, которым завершилось наше предшествующее рассмотрение: какие условия необходимы для того чтобы позволить «великому обществу» максимально приблизиться к статусу «великого сообщества», а значит превратиться в истинно демократическое общество, истинно демократическое государство? Какие условия представляются необходимыми для выхода современного общества из состояния кризиса?

Исследование данного вопроса будет носить теоретико-гипотетический характер. Мы не будем пытаться выяснить, каким образом возникнут данные условия, мы не будем делать пророчеств на тот счет, что данные условия вообще когда-либо возникнут. Целью нашего анализа будет показать, что *при отсутствии* определенных условий сообщество не может превратиться в полнокровное демократическое общество. Мы не утверждаем, что условия, о которых мы собираемся говорить, являются достаточными, мы утверждаем лишь, что это неотъемлемые условия. Иными словами, мы попытаемся выдвинуть некую гипотезу относительно демократического государства и противопоставить ее предыдущей доктрине, опровергнутой самим ходом событий.

Двумя существенными составляющими Дрежней теории являлись, напомним, представления, согласно которым (а) каждый индивид сам по себе наделен достаточным разумом для того чтобы под влиянием собственных эгоистических интересов принимать участие в политике; (б) для того чтобы обеспечить ответственность избранных правителей перед обществом, обладающим определенными устремлениями и интересами, достаточно иметь всеобщее избирательное право, частые выборы чиновников и власть большинства. Как будет показано ниже, вторая идея логически связана с первой настолько, что опровержение одной автоматически влечет за собой и опровержение другой. В основе данных утверждений лежит то, что Липпман остроумно называл представлением о «всесведующем» индивиде, индивиде, достаточно компетентном для того, чтобы формулировать политические стратегии и выносить суждения об их результатах; такой индивид во всех предполагающих политическое действие ситуациях знает, в чем состоит его благо, знает, как реализовать свою идею о благе, и обладает достаточной волей для того, чтобы воплотить ее в жизнь вопреки силам противодействия. Последующая история доказала иллюзорность подобных представлений. И если бы не сбывающееся с толку влияние лжепсихологии, иллюзорность всего этого можно было бы заметить и раньше. Но современная философия полагала, что идеи и знания являлись функциями

разума или сознания, зародившегося в индивидах в результате изолированных контактов с объектами. Фактически же знание является функцией ассоциации и коммуникации; оно связано с традицией, с социально вырабатываемыми, санкционируемыми и передаваемыми от одного к другому орудиями и методами. Способности к плодотворному наблюдению, размышлению и планированию суть навыки, приобретенные под влиянием культуры и институтов общества, а не плод неких врожденных сил. Тот факт, что человек действует исходя из грубо осмысленной эмоции, а не из рационального суждения, теперь настолько общепринят, что даже трудно представить себе, что в основу экономической и политической философии клали ранее какую-то иную идею. Определенная доля истины, заключенная в прежнем взгляде, отражала тот факт, что этот взгляд строился на наблюдении над относительно небольшой группой умных деловых людей, регулировавших свои дела при помощи вычислений и ведения счетов; кроме того, объектом наблюдения теоретиков являлись мелкие, устойчивые местные сообщества, представители которых были настолько хорошо знакомы друг с другом и с положением дел в своей местности, что вполне могли выносить компетентные суждения о влиянии предлагаемых мер на их собственные интересы.

Основной движущей силой человеческой деятельности является привычка; привычки же формируются в основном под влиянием принятых в группе обычаев. То, что человек является частью органического мира, объясняет наличие у него привычек, ибо — хотим мы того или нет — любой поступок видоизменяет общий настрой, который, в свою очередь, определяет будущее поведение. Зависимость процесса формирования привычек от тех привычек группы, которые в совокупности составляют ее обычаи и институты, — эта зависимость является естественным следствием беспомощности новорожденных. Социальные следствия этой привычки были раз и навсегда сформулированы Джемсом: «Привычка — это маховое колесо общества, бесценное влияние его инерции. Только она одна держит нас в рамках порядка, спасая состоятельных наследников от восстаний бедняков. Она одна не позволяет уйти с самых нелегких и не сулящих ничего хорошего поприщ тем людям, которым самой судьбой было уготовано оставаться на данной стезе. Она даже зимой посылает в море рыбаков и палубных матросов; она заставляет шахтера работать во тьме; она оставляет на всю зиму занесенного снегами сельского жителя в его бревенчатой избе, на его одинокой ферме; она охраняет нас от нашествия жителей пустынь и вечной мерзлоты. Она обрекает всех нас на то, чтобы вести битву

жизни в соответствии с полученным воспитанием или со сделанным в начале жизни выбором, стараясь при этом как можно более преуспеть в этом нелегком деле, ибо мы не годимся ни для какого другого дела и слишком поздно начинать все сначала. Она не позволяет смешиваться между собой различным социальным стратам.»

Влияние привычки решающе, ибо любой истинно человеческой деятельности приходится учиться, а создание привычек составляет самую суть учения. Привычки связывают нас с устоявшимися и упорядоченными способами действия, поскольку порождают тот интерес к вещам, ту простоту и умелость обращения с ними, которые стали для нас чем-то обычным; к тому же они заставляют нас опасаться неизведанных путей, так как не дают нам средств опробовать их. Привычка не является препятствием для работы мысли, но задает для нее определенные рамки. Мышление обитает в зазорах привычек. Моряк, шахтер, рыбак и фермер умеют думать, но их мысли заключены в рамки обычных для них занятий и отношений. В мечтах мы порываем с обычным и привычным, но грезы редко когда становятся стимулом к действию, способным разорвать оковы — настолько редко, что случись кому-то осуществить свою мечту — и мы называем его гением и восхищаемся его поступком. Да и само мышление становится привычкой, движущейся по заданной колее, оно превращается в занятие особого рода. Ученые, философы, литераторы — все это не те, кто порвал узы привычек настолько, что их устами говорят разум и эмоции, не замутненные обыновением. Они принадлежат к числу тех мужчин и женщин, чьи привычки относятся к особому, редкостному типу. Поэтому представление, согласно которому люди подвижны разумной и рассчитанной заботой о собственном благе, является чистой мифологией. Даже если человеческое поведение и стимулируется эгоизмом, это не отвергает того факта, что те *объекты*, которые служат для людей воплощениями их любви, объекты, олицетворяющие их особые интересы, создаются привычкой, отражающей социальные обычаи.

Эти факты служат объяснением тому, отчего социальные доктринеры нового индустриального движения проявили такую неспособность предвидеть последствия этого движения. Эти факты показывают, почему чем большие перемены происходят вокруг, тем неизменнее остается все нас окружающее; иными словами, они позволяют понять, почему, вопреки ожиданиям, действие механизма политической демократии привело не к всеуничтожающей революции, а главным образом к переходу законной влас-

ти от одного класса к другому. Мало кто из людей (независимо от того, насколько сильны они были в суждениях о собственных интересах и собственном благе) обнаруживал компетентность в ведении дел, приносящих денежную прибыль, равно как и в том, какой должен быть новый правительственный механизм, способный обслуживать их интересы. Для того чтобы при использовании тех или иных политических форм уйти от влияния глубоко укоренившихся в нас привычек, прежних институтов, привычного социального статуса (с присущим всему этому ограничению ожиданий, желаний и требований) понадобится вывести новую расу людей. И эта новая раса — если только это не будет раса ангелов — просто начнет все с самого начала, как начинали люди, выходящие из состояния человекоподобных обезьян. Несмотря на внезапные революции и катастрофы, наличие в ходе истории преемственности в главных вопросах гарантировано им в двух смыслах. Дело не только в том, что личные желания и верования являются функцией привычки и обычая; но и объективные условия, снабжающие деятельность ресурсами и орудиями (и одновременно ограничивающие ее, ставящие им ловушки и чинящие препоны) также являются продуктами прошлого, невольно продляющими его силу и власть. Создать *tabula rasa*²³ дабы поспособствовать установлению нового строя так же невозможно, как уничтожить надежды жизнерадостных революционеров или опасения испуганных консерваторов.

Тем не менее, изменения все же происходят и носят кумулятивный характер. Рассмотрение их с точки зрения их очевидных последствий побуждает к размышлениям, открытиям, изобретениям, экспериментам. По достижении накапливающимися знаниями, а также техникой и инструментарием определенной стадии процесс изменений настолько ускоряется (это имеет место и в наше время), что даже постороннему наблюдателю он представляется доминирующей чертой. Но в изменении соответствующих идей и устремлений наблюдается заметное отставание. Самыми инертными из всех привычек являются привычные мнения: став некогда второй натурой, они, даже будучи выброшены за дверь, просачиваются обратно так скрыто и неотвратимо, как если бы они были не второй, а первой натурой. Когда же они меняются, изменения сначала проявляют себя негативно, принимая вид распада старых верований, на место которых приходят текущие, изменчивые, случайно сложившиеся мнения. Конечно, объем человеческих знаний возрос чрезвычайно, но вероятно он все же не так велик, как коли-

²³ Чистую доску (лат.). — Прим. перев.

чество имевших хождение ошибок и полуистин. В социальных и гуманитарных вопросах развитие критической способности и методов различения верных и неверных суждений особенно сильно отстает множасьихся случаев небрежности и сознательных, мотивированных искажений истины.

Однако, еще важнее то, что изрядная часть знания не является знанием в обычном смысле слова, будучи «наукой». Это слово поставлено мною в кавычки не для выражения неуважения к науке, а для того чтобы указать на технический характер научного материала. Неспециалист принимает за науку некоторые выводы потому, что они имеют широкое хождение. Ученый же знает, что выводы являются научными только в связи с теми методами, с помощью которых они были получены. Даже если выводы верны, они являются научными не в силу своей правильности, а благодаря тому [понятийному] аппарату, который был задействован на пути к этим выводам. Это настолько высоко специализированный аппарат, что на обретение способности пользоваться им и понимать его уходит больше труда, чем на овладение любым другим инструментарием из тех, что находятся на службе человечества. Иными словами, наука представляет собой высоко специализированный язык, более трудный для освоения, чем любой из естественных языков. Это искусственный язык — но не в том смысле, что он ненастоящий, а в том, что он представляет собой плод высокого искусства; он предназначен для конкретной цели, его нельзя ни усвоить, ни научиться понимать тем же путем, каким усваивается родной язык человека. Конечно, можно представить себе, что когда-нибудь будут изобретены такие методы обучения, благодаря которым непрофессионалы смогут осмысленно читать и воспринимать на слух научный материал, даже если сами они не пользуются понятийным аппаратом науки. В таком случае, этот последний может стать для большого числа людей тем, что лингвисты называют пассивным, а не активным словарем. Но все это — дело будущего.

Для большинства людей, исключение из которых составляют ученые, наука есть некое таинство, находящееся в руках посвященных, ставших ее адептами благодаря следованию неким ритуалам, к которым массы непосвященных не допускаются. Если кому-то из них повезет, он сможет как-то оценить значение тех методов, которые служат моделью функционирования данного многосложного аппарата: методов анализа, экспериментального наблюдения, математического выражения и дедукции, постоянных и тщательных проверок и тестов. Для большинства людей реальность данного аппарата открывается только в столкновении с его практическими воплощениями: механическими и прочими техническими изобретениями,

являющимися составными частями повседневной жизни. Большинство знакомо с электричеством через используемые ими телефоны, звонки и освещение, через генераторы и магниты, установленные в их автомобилях, через дугу троллейбуса, в котором они ездят. Физиология и биология знакома им постольку, поскольку их учили остерегаться микробов; об этих науках они знают от врачей, от которых зависит их здоровье. Наука же о самом близком, о человеческой природе, оставалась для них эзотерическим таинством — до тех пор, пока научными данными о человеческой природе не стали пользоваться в рекламе, торговле, при отборе персонала и управлении им: до тех пор, пока, благодаря психиатрии, она не ворвалась в жизнь и сознание людей в виде представлений о «нервах», различного рода психических отклонениях, из-за которых людям бывает трудно ладить друг с другом, да и с самими собой. И по сей день «народная психология» наполнена профессиональными жаргонизмами, всяким вздором и предрассудками, отражающими общее состояние данной науки.

Между тем, технологическое применение того сложного аппарата, коим является наука, революционизировало сами условия жизни в ассоциации. Когда говоришь об этом факте, то обычно с данным утверждением все соглашаются. Но данное согласие вовсе не означает, что люди понимают, о чем идет речь. Они знают, о чем идет речь, лишь в том смысле, в каком знают о машине, с которой им приходится работать, или об электрическом свете или о паровозах. Но они не понимают ни того, *каким образом* осуществилась данная перемена, ни того, *каким образом* она повлияла на их собственное поведение. А не зная ответа на вопрос «каким образом», они не могут использовать и контролировать того, что составляет ответ на этот вопрос. Они вкушают последствия перемен, данные последствия повлияли и на них. Управлять же ими они не могут, хотя некоторым удается — точнее сказать, может «посчастливиться» — воспользоваться какой-то из стадий данного процесса с выгодой для себя. Но даже самый сообразительный и удачливый из таких индивидов не обладает какими бы то ни было аналитическими или систематическими — то есть сопоставимыми с другими, более доступными областями, где он учится методом проб и ошибок — познаниями данной системы, в рамках которой он действует. Свои умения и способности этот человек применяет в области, созданной не им и толком им не понятой. Некоторые из таких людей находятся на стратегических позициях, позволяющих им раньше других получать информацию о силах, действующих на рынке; опыт и прирожденный талант позволяют им овладеть определенными навыками, благодаря которым данное огром-

ное обезличенное течение начинает, так сказать, лить воду на их мельницу. Они то сделают запруду в одном месте, то организуют выпуск воды в другом. При этом само течение остается столь же неподвластным им, как и вся река, на берегу которой некий изобретательный механик, пользуясь полученными от других знаниями, построил водяную лесопилку дабы распиливать с ее помощью деревья, выращенные не им. Несомненно, все эти удачливые предприятия предполагают наличие у их зачинателей определенных знаний и навыков. Но такие знания не на много превосходят познания умелого оператора, управляющего той или иной машиной. Этих знаний хватает на то, чтобы приспособиться к данным наличным условиям. Умения позволяют данному человеку направлять поток на ограниченном отрезке. Управлять же всей рекой он не может.

Можно ли ожидать более мудрых и эффективных действий от общества в целом и его чиновников — даже если эти последние называются государственными мужами? Главным условием осуществления демократической организации общества является обладание такими знаниями, тем уровнем понимания, которых в настоящее время еще не существует. А коли так, сущей бессмыслицей являются попытки предположить, какой была бы демократическая организация общества, обладай мы необходимыми познаниями. Однако, некоторые необходимые условия назвать можно уже сейчас. Некоторые представления о них мы можем почерпнуть из сферы науки — даже если ее специальный понятийный аппарат нам недоступен. Так, одним из очевидных требований является свобода социального исследования, свобода распространения его выводов. Усердно насаждаются представления, согласно которым люди могут свободно мыслить даже тогда, когда они не свободны в выражении и распространении собственных идей. Данное представление восходит к идее самодостаточности разума, обособленного от внешней деятельности и ее объектов. В таком изображении разум предстает фактически лишенным возможности нормально функционировать, так как он пасует перед реальностью (а именно связь с нею и делает разум тем, что он есть), замыкаясь в сфере бессильных мечтаний.

Общество невозможно без установления полной публичности в отношении всех значимых для него последствий. Все, что препятствует публичности, ограничивает ее, ограничивает и извращает также и общественное мнение, сдерживая и искажая осмысление общественных дел. Без свободы самовыражения невозможно развитие даже методов социального исследования. Ибо вырабатывать новые и совершенствовать старые орудия можно только в процессе применения их, в ходе наблюдения за реаль-

ным объектом, в ходе описания результатов наблюдения и организации самого этого объекта; а такое применение орудий осуществимо только в условиях свободной и систематической коммуникации. История зарождения физических знаний, история представлений, которые развивали о природных явлениях древние греки, доказывает, насколько беспомощны даже самые одаренные умы в случаях, когда подобные идеи вырабатываются без теснейшего контакта с теми событиями, описать и объяснить которые они пытаются. Во многом в аналогичном положении находятся ныне господствующие понятия и методы науки о человеке. Они также вырабатывались на основе многочисленных наблюдений прошлого, не внося в эти наблюдения постоянных корректив, обусловленных появлением нового материала для наблюдения.

Абсурдно полагать, что ныне мысль и передача мысли осуществляются свободно потому лишь, что покончено с некогда имевшимися на этот счет правовыми ограничениями. Подобные убеждения мешают нам осознать свою главную потребность — потребность в таких понятиях, которые служили бы орудиями целенаправленного исследования и которые были бы достаточно проверенными, очищенными и способными к развитию в ходе практического использования их. Освобождение как человека, так и его разума никогда не сводилось к тому, чтобы просто оставить в покое освобождаемый объект. Устранение формальных ограничений есть не более чем негативное условие освобождения; позитивное же освобождение являет собой не состояние, а деятельность, предполагающую наличие необходимых методов и необходимого инструментария, позволяющих контролировать ситуацию. Опыт свидетельствует о том, что порой порождаемое внешними факторами, например, цензурой, чувство угнетенности воспринимается как своего рода вызов, возбуждая интеллектуальную активность и заставляя мобилизовать все свое мужество. Вера же в интеллектуальную свободу, не знающую никакого угнетения, способствует развитию непротивления фактическому порабощению, воспитанию в людях несобранности, поверхностного отношения к делу, стремления подменить мысли ощущениями; именно это составляет отличительные черты современного состояния дел в области знаний об обществе. С одной стороны, мышление, будучи лишено возможности нормального развития, ищет прибежища в узко специализированных сферах академических изысканий, сопоставимых в некотором смысле со схоластикой. С другой стороны, в избытке наличествующие физические средства обеспечения публичности, используются главным образом в соответствии с преобладающим ныне

пониманием публичности: речь идет о рекламе, пропаганде, вторжении в частную жизнь граждан, описании происходящих происшествий таким образом, что нарушается всякая связность и последовательность повествования, в результате чего обществу достаются лишь беспардонные и шокирующие сведения, составляющие основное содержание «сенсаций».

Было бы ошибкой отождествлять условия, ограничивающие свободную коммуникацию и свободную циркуляцию фактов и идей и останавливающие, искажающие тем самым развитие социальной философии и социальных исследований, с открытым действием однозначно противодействующих сил. Правда, с теми, кто обладает возможностью манипулировать социальными отношениями в собственных интересах, действительно приходится считаться. Такие люди обладают каким-то чутьем, позволяющим им обнаруживать любые интеллектуальные тенденции, способные хотя бы отдаленно представлять угрозу их господствующему положению. Они выработали в себе необычайную способность извлекать пользу из инерции, предрассудков и эмоциональных пристрастий масс, прибегая для этого к уловкам, выставляющим препятствия свободному исследованию и самовыражению. Кажется, мы приближаемся к системе правления, использующей наемных создателей мнений, называемых агентами по связям с общественностью. Однако, более серьезный враг скрывается в потаенном месте.

Эмоциональные обыкновения и интеллектуальные привычки масс создают привычки, от которых эксплуататоры чувств и мнений только выигрывают. В том, что касается физических и технических вопросов, люди привыкли к экспериментам. Но в человеческих делах они все еще их опасаются. Эти опасения тем более сильны, что, подобно всем тайным страхам, он прячется и камуфлируется различными формами рационалистических обоснований. Одной из наиболее типичных форм таких обоснований является истинно религиозная идеализация существующих институтов, выражение благоговения перед ними; в нашей внутренней политике такими объектами поклонения являются Конституция, Верховный суд, частная собственность, свобода договоров и т. д. Когда в обсуждении возникают такие предметы, с наших уст сами собой слетают слова «священный», «святость». Они свидетельствуют о том, что данные институты окружены защищающим их религиозным ореолом. Если «святым» называют такой предмет, приближаться, прикасаться к которому могут только помазанные на это действо служители — да и то в ходе определенных церемониалов — тогда перечисленные институты являются святыми предметами современной политической жизни. По мере того, как интерес к сверхъесте-

ственному все более сужается, объектом действия религиозных табу все чаще становятся светские институты, особенно те из них, что связаны с националистическим государством.²⁴ Психиатры установили, что одной из наиболее частых причин психических расстройств является скрытый страх, о котором сам человек не подозревает, но который, тем не менее, подталкивает его к уходу от реальности и к нежеланию думать. Это некая социальная патология, являющаяся серьезным препятствием эффективному исследованию социальных институтов и социальных условий. Формы проявления этой патологии чрезвычайно многообразны — это и раздражительность, и свидетельствующие о бессилии перепады настроений, и неумеренная тяга к развлечениям, и идеализация всего устоявшегося, и напускной оптимизм, и безудержное прославление вещей, «как они есть», и запугивание несогласных; все эти проявления тем более подавляют и сбивают с толку мысль, так как для них характерна особая — изощренная и неосознанная — пронзительность.

Отсталость науки об обществе проявляется в существующем в ней делении на независимые и изолированные друг от друга области знания. Антропология, история, социология, мораль, экономика, политическая наука — каждая из этих отраслей идет своим путем, обходясь без систематического плодотворного взаимодействия с другими отраслями. Аналогичное деление существует в естественных науках — но только на первый взгляд. Ведь между астрономией, физикой, химией и биологией имеет место непрекращающееся взаимообогащение. В естествознании все открытия и любое совершенствование методологии так четко фиксируются и имеют столь организованный характер, что между отдельными науками не прекращается коммуникация и взаимообмен. Взаимная изоляция гуманитарных наук связана с их отдаленностью от естествознания. Разум все еще проводит четкую черту между тем миром, в котором живет человек, и самой жизнью человека в этом мире, и это разделение отражает разделение человека на тело и душу, которые, как полагают ныне, следует рассматривать по отдельности. Того, что за последние три столетия основные силы были направлены на естественнонаучные исследования (как если бы человечество решило начать с таких наиболее удаленных от человека объектов, как небесные тела), следовало бы ожидать. История естественных наук демонстрирует определенный порядок их развития. Математический ин-

²⁴ Религиозный характер национализма подчеркнул Карлтон Хейс в работе «Опыты о национализме» (*Hayes C. Essays on Nationalism*) — см. особ. гл. IV.

струментарий должен был появиться до того, как возникла возможность создать новую астрономию. Физика получила развитие, когда идеи, разработанные применительно к солнечной системе, были использованы при описании земных событий. Химия ждала, пока ей подготовит почву физика; для бурного развития наук о живых существах требовались хорошо разработанные методы и материалы физики и химии. Психология человека утратила свой исключительно спекулятивный характер, только когда у нее появилась возможность воспользоваться выводами биологии и физиологии. Все это естественно и, очевидно, неизбежно. Прежде чем исследования смогут непосредственно обратиться на самого человека, необходимо в определенной степени овладеть предметами, имеющими самое отдаленное и косвенное отношение к человеческим интересам.

Тем не менее, в настоящее время развитие событий завело нас в тупик. Говоря, что предмет науки является технически специализированным или что он в высшей степени «абстрактен», мы тем самым хотим сказать, что данная наука конструировалась безотносительно к человеческой жизни. Любое *просто* естественнонаучное знание является знанием техническим, облаченным в техническую лексику, понятную немногим. Даже такое естественнонаучное знание, оказывающее влияние на поведение человека, на то, что мы делаем, на то, что с нами происходит, также является далеким и техническим — постольку поскольку его выводы остаются непонятными и неиспользуемыми. Солнечный свет, дождь, воздух, почва — это видимая часть нашего опыта; атомы, молекулы, клетки и большинство других подобных вещей, являющихся предметом науки, тоже влияют на нас, но невидимо. Поскольку же они участвуют в жизни и изменяют ее неощутимым для нас образом, поскольку результаты их воздействий нами не осознаются, о них приходится говорить техническим языком; коммуникация в данной сфере осуществляется посредством специальных символов. Напрашивается вывод, будто главная наша цель состоит в переводе знаний о природе на общепонятный язык, на язык символов, принятых для обозначения положительного и отрицательного влияния на людей тех или иных факторов. Ибо, в конечном счете, все, что так или иначе затрагивает человеческую жизнь, зависит от физических факторов; поэтому все события человеческой жизни могут быть поняты и поставлены под контроль только с учетом этих факторов. Это наводит на мысль о том, что следует воспринимать как катастрофическое любое положение вещей, при котором окружающее оказывается непознанным и непередаваемым с точки зрения человеческой деятельности и человеческих страстей; таким образом можно прийти

к мысли, что подобное положение вещей следует считать нетерпимым и смиряться с ним допустимо лишь в тех случаях, если в данный момент оно является неизбежным.

Но факты свидетельствуют об обратном. Материя и вещество — слова, которые у многих вызывают неприязнь. Они воспринимаются как враги всего того, что играет в жизни роль идеала, а не условий его реализации и сохранения. Вследствие этого подразделения, между тем и другим фактически устанавливаются отношения вражды, ибо все, что последовательно отделяется от человеческих ценностей, представляется в невыгодном свете; такие объекты трудно признать поистине ценными. Среди людей есть и такие, кто считают материализм и господство в современной жизни духа торговли результатами неумеренных занятий естественными науками; эти люди не понимают, что ситуация оцепенения порождена пропастью между человеком и природой, искусственно созданной традицией, зародившейся прежде, чем было достигнуто понимание физических условий как той среды, в которой протекает человеческая деятельность. Наибольшее влияние оказывает пропасть, разделяющая чистую и прикладную науку. Дело в том, что в то время как понятие «прикладной» несет в себе признание воздействия науки на опыт и благосостояние человека, уважение к «чистой» и презрение к «прикладной» науке приводит к такому положению, когда, с одной стороны, имеется наука, отличающаяся абстрактным, техническим характером, наука, понятная только специалистам, а с другой стороны, состояние человеческих дел отличается беспорядочностью, необъективностью, неправильным распределением ценностей. На практике же прикладной характер в вопросах общественного регулирования носит такая альтернатива знанию, как невежество, предрассудки, классовые интересы и случай. Знанием, в собственном смысле слова, наука становится, *только* став прикладной наукой. В противном случае она остается ущербной, слепой, искаженной. Когда такую науку пробуют применить на практике, получается тот результат, который так часто и вызывает неприязненное отношение к словам «прикладной» и «утилитарный»: речь идет о таком применении, когда наука становится средством наживы для кучки людей.

В настоящее время прикладное естествознание имеет характер воздействия на человеческие дела не *изнутри*, а *снаружи*. То есть естествознание выступает в качестве такой дисциплины, результаты которой предназначены для блага имущего класса. В отличие от этого, *внутреннее* применение прикладной науки означало бы факт усвоения науки обществом, растворения ее в нем; в этом случае наука стала бы всеупотребимым инст-

рументом, обеспечивающим появление таких предпосылок истинного и эффективного общества, как взаимопонимание и развитая коммуникация. В рассматриваемый период имело место постоянное использование науки для регулирования производства и торговли. Научно-техническая революция XVII века явилась предтечей промышленной революции XVIII—XIX веков. В результате сложилась ситуация, при которой человек обрел чрезвычайную власть над физической энергией, в то время как его способность управлять самим собой и собственными делами осталась прежней. А так как подобное дробление достижений в области человеческих познаний было неблагоприятным для самого знания, наука (ущербность которой была только усугублена этим искусственным расколом) также сыграла свою роль в деле порабощения людей, женщин и детей, занятых на фабриках, где они играли роль одушевленных машин, обслуживающих машины неодушевленные. Она способствовала сохранению грязных трущоб, жизни, наполненной — в мирное время — стремительными карьерными взлетами и неудовлетворенностью, удручающей нищетой и поражающей воображение роскошью, грубой эксплуатацией природы и человека, а в военное время — отравляющими газами и сильными взрывчатыми веществами. В руки человека, продолжавшего оставаться младенцем в вопросах познания самого себя, попали физические орудия неопишуемой мощи. И он играет с ними, как дитя: то, каким будет исход его игры — благом или катастрофическим — является делом случая. Инструментарий становится самостоятельной силой, действующей с неотвратимостью рока; у него как бы появляется собственная воля — не потому, однако, что она у него действительно есть, а потому, что таковой воли нет у человека.

В данных условиях прославление «чистой» науки представляет собой рационализацию стремления убежать от действительности; наука становится неким прибежищем, позволяющим снять с себя ответственность за все происходящее в реальной жизни. Истинная же чистота знания заключается не в замутненности его контактами с наличной практикой. Чистота науки — это исключительно моральный вопрос, вопрос честности, беспристрастности и широты устремлений, отражающихся как на ходе исследования, так и на характере коммуникации. Фальсификация знания имеет место не в сфере его применения, она заключается в узаконении необъективности и предрассудков (а также мировоззренческой односторонности, тщеславия и авторитарной самонадеянности), присущих знанию на данной стадии его развития, в презрении или невнимании наук к реальным человеческим запросам. Человечество не есть, как некогда по-

лагали, конечная цель всего сущего, венец мироздания; люди — существа слабые и нестойкие; возможно, они являют собой лишь эпизодическое явление в цепи бесконечных творений вселенной. Но для человека центром интересов, мерилом всего сущего является он сам. Преувеличение значения сферы естественных явлений за счет преуменьшения роли человека есть не что иное, как отречение, бегство от самого себя. Противопоставление естествознания человеческим интересам само по себе является достаточно серьезной ошибкой, означающей недопустимое растранивание творческой энергии. Но это еще полбеды. Главный вред наносит тот факт, что исчезновение связи между естествознанием как таковым и его функцией в жизни человечества на корню искажает понимание человеком своих собственных дел и своей способности управлять ими.

Я последовательно провожу здесь мысль о том, что знание — это не только понимание, но и коммуникация. Вспоминаю, как один человек преклонных лет (не получивший никакого формального образования) сказал о чем-то: «Когда-нибудь мы откроем это, и не только откроем, но и познаем». Так вот: пусть в школах полагают, что колесо скоро та или иная вещь открыта, она уже познана; а мой пожилой друг понимал, что полностью понятым что бы то ни было становится, лишь превратившись в что-то общеизвестное, общепринятое, социально освоенное. Фиксация и передача нового являются неотъемлемой частью процесса познания. Знание как достояние исключительно частного сознания — это миф; познание же социальных явлений особенно зависит от их распространения, ибо только распространение знаний может обеспечить проверку и усвоение их. Факт, являющимся фактом для жизни конкретного сообщества и не являющийся таковым за его пределами, есть противоречие в терминах. Распространение — это не вполне то же самое, что бездумное разбрасывание во все стороны. Семена сеют не так, чтобы посыпать ими все подряд, а с расчетом на то, что корешки их достигнут почвы и это даст им возможность прорасти. Сообщение о результатах научного исследования есть то же самое, что формирование общественного мнения. Формирование общественного мнения явилось одной из первых идей, выдвинутых складывающейся политической демократией, и ему суждено быть одним из наиболее поздних ее достижений. Ибо общественное мнение есть суждение, выносимое по поводу общественных дел; при этом данное суждение формируется и поддерживается самим обществом. Указанные черты общественного мнения предполагают наличие условий, обеспечить которые весьма сложно.

Выявление бытующих в обществе мнений и убеждений — дело, требующее эффективных и организованных исследовательских усилий. До тех пор, пока мы не выработаем специального метода, позволяющего выявить силы, задействованные в создании общественного мнения, и проследить все перипетии этого процесса вплоть до его окончательных последствий, под видом общественного мнения будет выступать «молва» (пусть даже самая расхожая), а отнюдь не выражение истинной позиции общества. Чем большее людей придерживается единого заблуждения, распространяющегося либо на факты, либо на суждения о чем-либо, тем больший вред наносит обществу соответствующая молва. Мнения, формируемые случайно или под влиянием людей, заинтересованных в том, чтобы сбить с толку окружающих, являются *общественными* мнениями только по названию. Называя эти мнения общественными, либо воспринимая в устах других людей термин «общественное мнение» как гарантию справедливости того или иного мнения, мы лишь увеличиваем заблуждение. И чем больше людей разделяют такое мнение, тем больше вреда оно наносит. Общественное мнение, формирование которого проходит без участия методологически обоснованного исследования и без систематической фиксации результатов этого процесса, даже если порой оно оказывается верным, обречено носить обрывочный характер. Мнение такого рода возникает лишь во времена кризисов. Поэтому «верным» оно является лишь применительно к данному конкретному моменту. Отсутствие внутренней стройности делает его неверным с точки зрения общего хода развития событий. Это как в случае с врачом, если тому удастся погасить какие-то наиболее опасные проявления болезни, но не удастся направить ход лечения на преодоление тех условий, которые породили болезнь. В этом случае, врач может «излечить» от болезни — то есть побороть присущие ей тревожные симптомы — оставив при этом незатронутыми вызвавшие ее причины; лечение может даже усугубить их. Таким образом, возвращаясь к нашей теме, скажем, что лишь продолжительное («продолжительное» в смысле последовательное и устойчивое) исследование способно дать материал, пригодный для формирования надежного мнения по вопросам, касающимся общества.

В некотором смысле — а именно, в случаях, когда речь идет о суждениях, оценках — «мнение» (даже при наиболее благоприятных обстоятельствах) является более предпочтительным термином, чем знание. Ибо знание в точном смысле этого слова относится лишь к тому, что *уже* произошло, либо было совершено. То же, что еще *предстоит* сделать, предполагает прогнозирование будущего, в котором не исключена случайность, и по-

этому мнение не застраховано от ошибочности, присущей всем вероятностным суждениям. Даже когда планы различных политиков построены на одних и тех же фактах, в предлагаемых ими стратегиях могут присутствовать вполне правомерные расхождения. Но истинно публичная политика возможна лишь в случае, когда она опирается на знание, а знание невозможно добыть иначе как посредством систематического, основательного и хорошо оснащенного исследования с тщательной фиксацией результатов.

Кроме того, исследование по мере возможности должно проводиться «по горячим следам»; в противном случае, оно будет иметь лишь исторический интерес. Знание истории требуется для того, чтобы придать результатам исследования необходимую связность. Но не будучи приближена к рассматриваемым событиям, история образует некоторый пробел, специфически влияющий на формирование суждений относительно интересов общества: эти суждения начинают строиться на догадках относительно того, какие события могли оказать влияние в данном конкретном случае. В этом состоит одно из наиболее очевидных ограничений существующих социальных наук. Необходимый для них материал поступает слишком поздно, оказываясь слишком удаленным от времени изучаемого события, отчего оказывается неспособным эффективно воздействовать на формирование общественного мнения по вопросам, стоящим в центре внимания общества и нуждающимся в соответствующих решениях.

Взглянув на современное состояние общества, убеждаешься в том, что имеющиеся технические, внешние средства сбора информации относительно всего происходящего в мире намного обгоняют процесс осмысления этой информации и обработки результатов такого осмысления. О чрезвычайном уровне развития, достигнутом в этой области техническими приспособлениями, свидетельствует существование телеграфа, телефона (а теперь еще и радио), дешевой и быстрой почты, печатной прессы, способной быстро и по низкой цене размножать материалы. Когда же мы обращаемся к вопросу о том, что за материал фиксируется этими средствами и как обрабатывается этот материал, перед нами открывается совсем иная картина. «Новости» — это нечто только что случившееся, новизна их состоит в отклонении от чего-то прежнего, устоявшегося. Но *смысл*, который несет в себе новость, определяется ее воздействием, ее социальными последствиями. Определить же таковые можно только сравнив новое со старым, с тем, что случилось ранее и превратилось затем в неотъемлемую часть развития. Без установления взаимосвязи и последовательности событий эти последние остаются не более чем слу-

чайными помехами, событие же — это нечто такое, из чего берет начало то или иное явление. Таким образом (сбрасывая со счета такие составляющие «новостей», как влияние частных интересов, заставляющих держать в тайне, скрывать и исказить определенные факты), мы находим объяснение тому, почему столь многое из того, что принято называть новостями, характеризуется тривиальностью и «сенсационностью». Различные неурядицы, как то: преступления, несчастные случаи, семейные ссоры, личные столкновения и конфликты — являются наиболее очевидными проявлениями нарушения последовательности; они несут в себе элементы потрясения, составляющего самую суть любой сенсации; чаще всего, они являются для нас чем-то *новым*, даже если о том, случилось ли описанное в этом или в прошлом году, возможно узнать только по дате, проставленной на опубликовавшей их газете — настолько не связаны они с нормальных ходом событий.

Мы настолько привыкли к подобному способу сбора фактов, способу фиксации и изображения соответствующих социальных перемен, что кажется смешным утверждение о том, что истинная наука об обществе должна заявлять о своем существовании со страниц ежедневной прессы, а книги и статьи научного характера должны заниматься лишь поставкой и совершенствованием исследовательского инструментария. Между тем, исследования, которые одни только способны предоставить обществу знание, пригодное для формирования адекватных суждений, должны быть ежедневными, идя в ногу со временем. Даже если бы социальные науки как специализированный механизм исследования имели более продвинутый вид, чем сейчас, они все равно обречены оставаться относительно бессильными в части руководства общественным мнением — до тех пор, пока они не займутся повседневным и непрерывным сбором «новостей» и интерпретацией их. С другой стороны, орудия социального исследования будут оставаться несовершенными до тех пор, пока их продолжают создавать вдали от места события, в условиях, не имеющих ничего общего с исследуемой реальностью.

Сказанное относительно формирования идей и суждений об обществе относится также и к распространению знания, к превращению его в ценное достояние членов общества. Любое размежевание данных двух сторон единой проблемы является искусственным. Вместе с тем, рассмотрение пропаганды [знания] и пропагандизма вообще составило бы тему отдельной книги, к тому же для ее написания потребовался бы более богатый опыт, чем тот которым обладает автор этих строк. Соответ-

ственно, ограничимся лишь упоминанием о том, что современная ситуация является беспрецедентной в смысле условий для осуществления пропаганды. Политические формы демократии и квази-демократизм тех методов, с которыми принято подходить к рассмотрению социальных вопросов породили в обществе некую дискуссию и привели даже к появлению какого-то подобия всеобщих консультаций, предшествующих принятию политических решений. Представительное правление должно обладать хотя бы видимостью того, что оно исходит из интересов общества, как они представляются общественному мнению. Прошли те времена, когда правление можно было осуществлять, не делая вида, будто интересуешься пожеланиями подданных. Теоретически согласие управляемых является необходимым. При прежних формах правления не было нужды мутить источники мнений, выносимых по политическим вопросам. Подобные источники не подавали признаков жизни. Ныне же мнения общества по политическим вопросам настолько важны (несмотря на все противодействующие им факторы), что выработка методов влияния на них стала крайне выгодным делом.

Вернейшим способом обретения контроля над поведением политиков является управление общественным мнением. До тех пор, пока личная нажива продолжает играть роль важного мотива поведения, до тех пор, пока общество не обрело, не идентифицировало себя самое, искушение дотянуться до всего того, что составляет скрытые рычаги политической деятельности, не покинет заинтересованных в наживе лиц. В управлении обществом, как и в управлении любым вообще производством и обменом, технологический фактор оттеснен на задний план «бизнесом». Частью действующей системы наживы является сбор имеющих общественный вес данных и торговля ими. Сбор и обнародование новостей, осуществляемые искренне заинтересованными и свободно работающими сборщиками, будет так же отличаться от существующей практики, как производство, управляемое инженерами на основе соответствующих технологий, от производства в его нынешнем виде.

Один аспект данной темы затрагивает конкретно распространение знания. Нередко утверждают, что освобождение и совершенствование процесса исследования не даст сколько-нибудь ощутимых результатов — и это утверждение выглядит весьма правдоподобным. Ибо, как утверждается, читающая публика в массе своей не интересуется изучением и усвоением результатов точных исследований. А не будучи прочитаны, эти исследования не могут серьезно повлиять на мысли и поступки членов

общества; тома их пылятся на задних полках библиотек, способные привлечь к себе внимание лишь кучки интеллектуалов. С данным возражением можно было бы согласиться, если только не принимать во внимание силу искусства. Заумное техническое изложение сути дела способно привлечь только заумных, технически подготовленных людей; так что данные новости будут не для масс. Главную роль в решении данной проблемы играет вопрос формы презентации; а это уже компетенция искусства. Газета, дословно повторяющая содержание журнала по философии или политологии, несомненно, будет слабо расходиться и окажет незначительное влияние. Но и такая газета уже самим фактом своего существования, уже самой своей доступностью смогла бы возыметь определенный эффект на состояние дел в обществе. Но рассмотрим вопрос глубже. В человеческом плане, предлагаемый материал должен обладать таким огромным, всеохватным значением, что само его существование явит непреодолимый соблазн представить его в такой форме, которая была бы привлекательна для масс. Иными словами, создание условий для свободной художественной презентации материала является такой же неотъемлемой предпосылкой формирования правильного общественного мнения, как и свободные социальные исследования. Часто различные выносимые людьми мнения и суждения отличаются тривиальным и поверхностным характером. Функция же искусства всегда состояла в том, чтобы пробиться через броню закостеневшего, погрязшего в условностях сознания. Вещи обычные (такие как цветок, сиянье луны, пенье птиц) — а отнюдь не редкие и далекие — являют собой средства, облегчающие доступ к тем глубоко спрятанным струнам жизни, прикосание к которым пробуждает желания и мысли. Попытки получить этот доступ и составляют суть искусства. Существование поэзии, драмы, романистики суть доказательство того, что проблема презентации не есть нечто неразрешимое. Люди искусства всегда являлись истинными новаторами, ибо новым в любом случае является не само по себе внешнее событие, а отзыв, получаемый на него со стороны эмоций, восприятий, оценок.

Мы лишь вкратце и мимоходом затронули тему условий, выполнение которых является необходимым для превращения «великого общества» в «великое сообщество», то есть в такое общество, в котором условия непрерывно множащихся и все более обязывающих последствий совместной деятельности будут в полном смысле слова познаны, благодаря чему и станет возможным возникновение организованного, структурированного общества. Руководство техническими механизмами передачи и циркуляции [мнений] должны взять на себя самые сложные и продвинутые исследова-

ния, дополненные тонким, изысканным и ярким искусством коммуникации; только это способно вдохнуть в данные механизмы новую жизнь. Когда машинный век сможет подобным образом усовершенствовать собственные машины, последние перестанут играть роль деспотических хозяев и превратятся в средства обеспечения жизни. И тогда демократия станет наконец самой собой, ибо демократия — это обозначение жизни свободного, развивающегося сообщества. Пророком такой демократии явился Уолт Уитман. Венцом же ее станет формирование неразрывной связи между свободным социальным исследованием и искусством волнующей и всесторонней коммуникации.

Глава VI.

Проблема метода

Выводы, сделанные нами относительно того, в чем состоят необходимые условия выхода современного общества из состояния кризиса, могут показаться многим (а, возможно, и большинству) наших читателей равносильными отрицанию самой возможности реализации идеи демократического общества. Однако, определенный оптимизм способно внушить воспоминание о том, с какими огромными трудностями пришлось столкнуться за последние несколько столетий развивающемуся естествознанию: история становления этой отрасли знания показывает, что наши упования на успех — это не просто слепая вера; так что терять надежду не следует. Вместе с тем, здесь мы хотели бы сосредоточиться не на пророчествах, а на анализе ситуации. В этом смысле нас вполне устраивает результат осуществленной выше конкретизации проблемы: важнейшая проблема общества была сформулирована нами как проблема его самообнаружения, самоидентификации; к тому же нам удалось, пусть ошупью, но все же прийти к осознанию тех условий, от реализации которых зависит решение данной проблемы. В заключение хотелось бы сформулировать некоторые предположения и выводы относительно метода — правда, это еще не метод решения данной проблемы как таковой, а только, повторим, метод выявления интеллектуальных предпосылок ее решения.

Залогом плодотворного рассмотрения социальных проблем является преодоление ряда стоящих на пути препятствий — препятствий, заключающихся в нашем нынешнем понимании метода социального исследования. Одним из таких препятствий является кажущееся незыблемым представление о том, что на всем протяжении указанного рассмотрения исследователь обречен на то, чтобы вновь и вновь пытаться разрешить проблему соотношения индивидуального и социального — иными словами, он вынужден искать тот или иной ответ на вопрос о том, что предпочесть: индивидуализм, коллективизм или некий компромисс между тем и другим.

На деле же оба термина — индивидуальное и социальное — безнадежно неоднозначны, и пока мы мыслим их в рамках данной антитезы, от этой неоднозначности избавиться не удастся.

В общем и целом, индивидуальным следует признать все, что движется и действует как целостный предмет. С точки зрения здравого смысла, признаком индивидуальности принято считать ту или иную степень пространственной обособленности предмета от других предметов. Вещь — будь то камень, дерево, молекула, капля воды или живой человек — едина, когда она стоит, покоится или движется независимо от других вещей. Но даже заурядный здравый смысл находит нужным тут же сделать определенные уточнения. Дерево стоит лишь постольку, поскольку оно укоренено в почве; жизнь и смерть его зависит от того, в каких отношениях находится оно с солнцем, воздухом и водой. А если так, то и дерево есть собрание взаимодействующих частей; является ли дерево единым целым в большей степени, чем составляющие его клетки? Находящийся в движении камень явно отличен от того, что его окружает. Но движение ему придает нечто другое, а траектория полета камня зависит не только от изначально приданного ему импульса, но и от ветра и земного притяжения. Удар молота превращает то, что было ранее камнем, в горстку пыли. Когда химик имеет дело с одной-единственной частичкой пыли, она превращается для него в молекулы, атомы и электроны — а что потом? Достигаем ли мы таким образом замкнутой, но не уединенной индивидуальности? Или, может быть, и электрон (с его единичностью, с единообразием его поведения) так же, как и камень — взятый нами за исходную точку данных рассуждений — зависит от тех связей, участником которых он выступает? Является ли и его поведение функцией какой-то более общей картины взаимодействия?

С другой стороны, принятое нами приблизительное понятие индивидуального как чего-то такого, что движется и ведет себя как единое целое, нуждается в уточнении. Нам следует рассмотреть не только связи и отношения этого целого, но и те последствия, с которыми сопряжены его действия и движения. Мы вынуждены говорить, что в одних отношениях индивидом является дерево, в других — клетка, а с точки зрения третьего типа отношений индивид — это целый лес или ландшафт. Обладает ли индивидуальностью книга, страница, абзац или печатный шрифт? Зависит ли ответ на этот вопрос от мыслительных установок, от границ самого мышления, придающих книге единство индивидуальности? Или же все эти вещи наделены индивидуальностью в соответствии с теми последствиями,

которые заявляют о себе в какой-либо частной ситуации? Кажется, определить индивидуальность не представляется возможным без указания на различия, порождаемые как предшествующими, так и настоящими связями объекта — в противном случае, нам придется пойти проторенным путем здравого смысла и объявить *все* вопросы бессмысленной игрой слов. А если так, то индивид, какие бы еще определения мы ему ни давали, — это не только пространственно обособленный объект, каким рисует его наше воображение.

Подобное рассмотрение не отличается ни особой теоретической отвлеченностью, ни особой глубиной. Но, по крайней мере, оно способно заставить нас остерегаться любых определений индивидуального, ставящих во главу угла такое качество, как обособленность. Речь идет о том, чтобы рассматривать индивидуальность как *отличительный* способ поведения, соотношенный и *связанный* с другими отличительными видами деятельности, а не как некий независимый, самодостаточный образ действия. В определенном аспекте любое человеческое существо представляет собой соединение, состоящее из множества клеток, каждая из которых живет собственной жизнью. И подобно тому как деятельность каждой клетки определяется и направляется другими, состоящими во взаимодействии с нею клетками, человеческое существо, которое мы *par excellence*²⁵ и называем индивидом, тоже испытывает на себе направляющее и регулирующее воздействие других людей; деятельность индивида, последствия его поведения, содержание его опыта — всего это невозможно не только объяснить, но и описать исходя из представления об изолированном индивиде.

Но хотя согласованное поведение частей и является, как мы уже отметили, универсальным законом, наличие ассоциации само по себе не гарантирует общества. Для появления общества необходимо, как уже было сказано, понимание последствий совместной деятельности и роли каждого члена в реализации данного результата. Такое понимание порождает общий интерес, то есть заинтересованность каждой из сторон в совместной деятельности и в том вкладе, который вносит в нее каждый из членов. В этом случае можно говорить о существовании чего-то истинно социального, а не просто об ассоциации. Но нелепо полагать, что общество уничтожает отличительные черты собственных составных частей, из-за чего оно может быть противопоставлено им. Оно может быть

²⁵ Главным образом (*фр.*). — Прим. перев.

противопоставлено только тем чертам, которые эти и подобные им составные части демонстрируют в *других* сочетаниях. Молекула кислорода в составе молекулы воды может, в определенных аспектах, действовать иначе, чем в ряде других химических соединений. В составе же воды он ведет себя как вода лишь до тех пор, пока вода остается водой. Единственным мыслимым различием будет в данном случае различие между, с одной стороны, поведением кислорода в *его* многообразных связях и, с другой, поведением воды в *ее* отношении к различным условиям, а отнюдь не различие между поведением воды и кислорода в случае, когда последний, являясь частью молекулы воды, выступает в связке с водородом.

Отдельно взятый человек, если он состоит в браке, отличается от себя же самого, каким он был до брака или каким он является в качестве члена какого-то другого союза, например, клуба. В каждом из этих качеств он обладает особыми полномочиями и привилегиями, равно как и особыми обязанностями. В каждом из названных качеств он составляет противоположность *самому себе*, выступающему в любом другом качестве. Рассмотренный с точки зрения распределения ролей в рамках брачного союза, он может быть сопоставлен с собственной женой или же противопоставлен ей. Но *как* член брачного союза, он не может выступать антитезой тому самому союзу, к которому принадлежит. Определенные черты и определенный образ действия свойственны ему именно *как* члену данного союза; в свою очередь, указанная ассоциация характеризуется целостностью — в том числе, и благодаря тому статусу, которым он в ней обладает. Неспособность осознать данный нюанс отношений, неспособность признать справедливость внесенных выше уточнений обусловлена тем, как невнимательно перескакиваем мы с рассмотрения человека в одной системе отношений к рассмотрению его же, но уже в совершенно ином аспекте — не как мужа, а как, например, бизнесмена, ученого-исследователя, члена определенной церкви или гражданина; а ведь в рамках любой из этих ролей и сами его действия, и их последствия очевидно рознятся от тех, что свойственны ему как члену брачного союза.

Подходящим примером тому, иллюстрирующим царящую ныне путаницу в оценке ролей, являются ассоциации, известные как акционерные общества с ограниченной ответственностью. Корпорация как таковая есть некий интегрированный коллективный образ действия, характеризующийся иными правами, полномочиями, обязанностями и привилегиями, нежели те, которыми обладают составляющие ее члены — в случае, *когда они участвуют в других системах отношений*. Раз-

личные составные части корпорации также обладают разным статусом: так, например, владельцы акций в определенных отношениях отличаются от функционеров и директоров компании. Если же мы позволим себе в какой-то момент упустить из виду эту сторону дела, то можем оказаться — как это многократно и случалось в реальной жизни — поставленными перед искусственно возникшей проблемой. Поскольку корпорация вправе делать то, *чего ее отдельно взятые члены в качестве участников иных отношений, нежели те, в которые они включены как члены данной корпорации,* делать не в праве, это обстоятельство служит основанием для постановки проблемы отношений между корпоративным коллективным объединением и ассоциацией индивидов *как таковых*. При этом забывается о том, что в качестве членов корпорации сами индивиды отличаются друг от друга, обладая иными характеристиками, иными правами и обязанностями, чем, с одной стороны, те, которыми бы они обладали, не будь они ее членами, а с другой — чем те черты, те права и обязанности, которыми они наделены в рамках иных типов совместной деятельности. Но те права, которыми законно обладают индивиды *как члены корпорации* при выполнении ответственных им корпорацией ролей, являются также и принадлежностью корпорации в целом — и наоборот. Единство коллектива может интерпретироваться *либо* в дистрибутивном, *либо* в коллективном смысле; но если оно трактуется в коллективном смысле, то это — объединение дистрибутивных составляющих; если же оно трактуется в дистрибутивном смысле, то речь идет о распределении внутри коллектива, о распределении коллективности. При этом бессмысленно представлять дистрибутивную и коллективную фазы частями некоей антитезы. Индивид не может противопоставляться ассоциации, неотъемлемой частью которой он является, также как и ассоциация не может противопоставляться собственным членам.

Но противопоставление одних групп другим, как и отдельно взятых индивидов между собой, возможно; и индивид, будучи членом разных групп, может находиться в состоянии внутреннего разлада, в истинном смысле слова переживать конфликт собственных *я*; как личность, он может страдать относительным отсутствием целостности. Человек может быть одним внутри своей церкви и совсем другим — в сообществе деловых людей. Эти различия могут сосуществовать в нем совершенно изолированно друг от друга, а могут и вступать в чреватое внутренним конфликтом столкновение. В подобных случаях мы имеем основания в общем виде противопоставлять общество и индивида. Тогда «общество» предстает в виде некоей далекой от жизни абстракции, такой же нереальной, как и «индивид *вооб-*

ше». Благодаря же тому, что конкретный индивид способен выходить из тех или иных объединений (ведь ему совсем не обязательно быть женатым или относить себя к какой-то церкви, или голосовать на выборах, или быть членом того или иного клуба, той или иной научной организации), у нас есть возможность говорить об индивиде самом по себе — индивиде, не состоящем ни в каких ассоциациях. Эта исходная позиция — и лишь она одна — позволяет задаваться неестественными вопросами, вроде того, каким образом индивидам удастся объединяться в общества и группы: сначала индивид *вообще* и общество *вообще* противопоставляются друг другу, а затем ставится проблема их «примирения». Между тем, действительная проблема состоит в приспособлении друг к другу конкретных групп и индивидов.

Особую остроту вышеописанной надуманной проблеме придают эпохи быстрых социальных перемен (об этом мы уже говорили в другой связи), когда то или иное новоявленное индустриальное объединение, обладающее специфическими потребностями и демонстрирующее незаурядные возможности, вступает в конфликт со старыми устоявшимися политическими институтами и выдвигаемыми ими требованиями. В таких ситуациях обычно забывают о том, что истинная проблема заключается в преобразовании форм и способов объединения людей, связанных единой деятельностью. Дело представляют таким образом, будто индивид как таковой стремится освободиться от общества как такового, заявляя о своих неотъемлемых или «естественных», врожденных и самодостаточных правах. После того как этот новый тип экономических объединений утвердятся и начинает самонадеянно подавлять все прочие объединения, изначальное заблуждение не исчезает. Вызванная им к жизни проблема приобретает вид задачи осуществления контроля общества как коллектива над отдельно взятыми индивидами. Но и в этом новом виде данную проблему также возможно переосмыслить как проблему преобразования социальных отношений — или, рассматривая ее в дистрибутивном аспекте — как проблему обеспечения наиболее пропорционального освобождения сил всех членов данного объединения.

Таким образом, предпринятый экскурс вновь возвращает нас к теме метода, ради которой и было сделано данное отступление. Одной из причин относительной бесплодности рассмотрения социальных вопросов является то, что огромное количество интеллектуальной энергии растрачивается на решение такой лжепроблемы, как соотношение индивидуализма и коллективизма, рассматриваемых в самом абстрактном виде; под влия-

нием данного вымышленного противоречия целый ряд конкретных вопросов принимает искаженное обличье. Все это приводит к отвлечению мысли от решения действительно насущных вопросов, имеющих дело с реальными, а не надуманными объектами; в результате, все, что мы имеем — это дискуссия о понятиях. Вместо того чтобы изучить *последствия* какого-то частного, происходящего в конкретных условиях распределения конкретных свобод и полномочий и выяснить, какие изменения следует внести в это распределение с тем, чтобы добиться более желательных результатов, рассматривается «проблема» связи понятия власти с понятием свободы, понятия прав личности — с понятием социальных обязанностей, а эмпирическим фактам уделяется исключительно подчиненная, иллюстративная роль.

Как явствует из нашего предыдущего рассмотрения темы общества, решение вопроса о том, какие трансакции следует по возможности оставить в сфере добровольной инициативы и согласия, а что должно стать объектом общественного регулирования, зависит от времени, места и конкретных условий, установить которые можно только путем тщательного наблюдения и вдумчивого исследования. Ведь это решение касается последствий; а природа последствий и способность воспринимать их и действовать в соответствии с ними изменяется вместе с изменением наличных производственных и интеллектуальных сил. То решение, то дистрибутивное приведение в соответствие, которое требуется в одной ситуации, оказывается совершенно неподходящим для другой. Убеждение, согласно которому социальная «эволюция» направлена либо от коллективизма к индивидуализму, либо наоборот, является чистым предрассудком. Социальное развитие состоит в непрерывном перераспределении социально-интегрирующих процессов, с одной стороны, и индивидуальных способностей и сил, с другой. Индивиды оказываются стеснены, угнетены тем обстоятельством, что их потенциальные возможности поглощаются какой-либо институционализированной и достигшей господствующего положения формой ассоциации. Возможно, им кажется, что они требуют свободы лишь для себя самих, на деле же они добиваются более полной свободы участия в других ассоциациях, благодаря чему будет раскрепощен индивидуальный потенциал каждого и обогащен личный опыт любого из индивидов. Жизнь была обеднена не вследствие господства над индивидом «общества» вообще, а из-за господства надо всеми реально существующими и всеми возможными формами ассоциации какой-то одной формы — семьи, клана, церкви, экономических институтов. С другой стороны,

проблема осуществления над индивидами «социального контроля» в действительности является проблемой регулирования действий и последствий действий некоторых из индивидов дабы сделать более богатым и глубоким опыт как можно большего числа индивидов. Поскольку же осмысленная реализация обеих этих целей возможна только через познание тех действительных условий, что сопутствуют их образу действия и тем последствиям, к которым он приводит, можно с уверенностью утверждать, что главный врагом социального мышления, способным существенным образом сказаться на состоянии дел в обществе, являются направления, на которых расходуется значительная часть интеллектуальных ресурсов — направления бесплодные и бессильные из-за своей полной неадекватности.

Второй касающийся метода момент тесно связан с первым. Политические теории обнаружили тот же абсолютизирующий характер, что и философия вообще. Говоря это, мы имеем в виду нечто гораздо большее, чем ориентированные на достижение абсолюта философские системы. Ведь даже заведомо эмпирические философии содержат в своих теориях определенные представления о конечном и вечном, свидетельствующие всего лишь о неисторическом характере этих теорий. Такие теории рассматривают свой предмет в отрыве от его связей, а любой изолированный объект кажется тем более безусловным, чем меньше его связей принимается во внимание. В социальной теории, посвященной рассмотрению человеческой природы, постулируется некий неизменный, усредненный «индивид», из предполагаемого характера которого выводятся социальные явления. Так, при рассмотрении логики моральных и социальных наук Милль говорит: «Законы, управляющие общественными явлениями, могут быть и на деле являются не чем иным как законами, управляющими действиями и страстями человеческих существ, объединенных в социальное состояние. Однако, и в социальном состоянии люди остаются людьми; их действия и страсти подчиняются законам *индивидуальной* человеческой природы»²⁶. Данным утверждением очевидно игнорируется тот факт, что «действия и страсти» (включая убеждения и намерения) индивидов являются конкретно тем, что они есть, благодаря той социальной среде, в которой живут индивиды; данным утверждением игнорируется и то влияние, которым пронизывает индивида современная и унаследованная от прошлого культура — и это независимо от того, принимает ли ее индивид или протестует против нее. К родовым и повсеместно одинаковым качествам отно-

²⁶ Mill J. S. Logic, Book VI, ch. 7, sec. 1. Курсив мой — Дж. Дьюи.

сится, в лучшем случае, организм человека, его биологическое тело. И хотя важность учета этих качеств, несомненно, очевидна; не менее очевидно и то, что из них невозможно вывести ни одной *отличительной* черты *человеческой* ассоциации. Таким образом, несмотря на все неприятие Миллем метафизических абсолютов, его главные социальные понятия также являются абсолютизирующими по своей логике. Определенные социальные законы, как нормативные, так и регулятивные, признаются им действующими во все времена и при любых условиях социальной жизни.

Эволюционная доктрина лишь поверхностно видоизменила эти представления. Ибо и сама «эволюция» часто понималась неисторически. То есть полагалось, что существует некая предначертанная очередность обязательных стадий, через которые должно проходить социальное развитие. Под влиянием концепций, позаимствованных у естествознания того времени, считалось самоочевидным, в частности, то, что само существование социальных наук зависит от возможности обнаружить в этой области какие-либо строгие закономерности. А подобная логика обрекает на смерть всякое экспериментирование в сфере социального исследования. Конечно, исследование эмпирических фактов все же имело место, но результаты его должны были приводиться в соответствие с теми или иными готовыми, привнесенными извне схемами. Даже усвоение и использование *естественнонаучных* фактов и законов производит некоторые социальные изменения. Сами по себе явления и законы не изменяются, но основанные на них изобретения изменяют среду обитания человека. Ибо изобретение представляет собой, помимо всего прочего, и попытку как-то регулировать влияние этих последних на жизнь. Так, открытие механизма заболевания малярией не изменяет, говоря теоретически, ее экзистенциальной каузации, но в конечном счете оно меняет те факты, которые порождают малярию — меняет посредством осушения болот и пр. и посредством принятия определенных предосторожностей. Если бы были поняты законы экономических циклов экспансии и депрессии, то сразу же бы были изобретены средства, смягчающие, если не вовсе уничтожающие, подобные колебания. Когда людям удастся сформировать представление о том, как действуют те или иные социальные силы и к каким они ведут последствиям, они тут же пытаются обеспечить получение благоприятных последствий и предотвратить появление неблагоприятных. Все это — факты, доступные при самом ординарном наблюдении. Но нечасто замечают, насколько роковое значение имеют они в смысле смещения закономерностей социальной сферы с естественными закономерностями. «Законы» социаль-

ной жизни, когда эта жизнь является истинно человеческой, подобны законам инженерии. Когда вам нужны определенные результаты, для достижения их будут отысканы и применены соответствующие средства. Ключом к разрешению ситуации явится в этом случае ясное представление о желаемых последствиях и о методе достижения их, а также, конечно, и о той ситуации, которая порождает желания или нежелания, заставляющие стремиться к тем или иным последствиям. Все эти аспекты являют собой функции преобладающего в данный период культурного фона.

Хотя отставание в области социальных познаний и искусства, конечно, связано с недостаточным пониманием человеческой природы или психологии, тем не менее, было бы нелепым полагать, будто надлежащее развитие психологической науки привело бы к установлению над человеческой деятельностью такого же контроля как тот, что установлен над силами природы благодаря развитию естествознания. Дело в том, что возрастание знаний о человеческой природе прямым и непредсказуемым образом скажется на проявлениях самой этой природы, а это вызовет потребность в новых методах регулирования — и все это будет повторяться бесконечно. Для того чтобы утверждать, что первостепенным и главным результатом усовершенствования психологии явится прогресс образования, нужно быть аналитиком, а не пророком. Ныне достойными объектами правительственных субсидий и правительственных забот является выращивание зерновых и откорм свиней, борьба с болезнями растений и скота. Инструментальные средства, позволяющие осуществлять аналогичный подход к вопросам соблюдения молодым поколением физической и моральной гигиены, находятся в зачаточном состоянии. Мы тратим огромные деньги на школьные здания и их материальное оснащение. Регулярное же финансирование общественных фондов, обеспечивающих научные исследования, условий, отвечающих за духовное и нравственное развитие детей, только начинается, и требования резкого увеличения ассигнований на эти нужды вызывают кривотолки.

Вместе с тем, согласно существующей статистике, на долю душевнобольных и умственно отсталых людей в больницах и приютах приходится больше коек, чем на долю всех прочих заболеваний вместе взятых. Общество щедро оплачивает уход за теми, кто пострадал от неподобающих условий жизни. Но что касается исследования причин столь печального положения, то ни интерес к ним, ни готовность выделять на них средства не соразмерны с подобной щедростью. Причина данных аномалий достаточно очевидна. Ни у кого нет уверенности в том, что науки о человеческой

природе продвинулись настолько, что стали достойными поддержки общества. Переломить ситуацию смогли бы заметные успехи психологии и родственных ей наук. До сих пор мы говорили лишь об условиях, служащих предпосылками образования. Для того чтобы получить полную картину мы должны осознать, насколько способно изменить методы родителей и учителей адекватное и общедоступное знание человеческой природы.

Но подобный прогресс образования, при всем его огромном значении, не принесет в области контроля над человеческими силами ничего сопоставимого с уровнем контроля, уже достигнутого над силами природы. Рассчитывать на обратное значило бы низвести человеческие существа до уровня неодушевленных предметов, поддающихся механическому манипулированию извне; при этом образование человека было бы уподоблено дрессировке блох, собак и лошадей. Но строить подобные расчеты нам не позволяет не наличие некоей «свободной воли», а тот факт, что названное изменение методов образования способно создавать новый потенциал для всевозможных превращений и комбинаций, которые, в свою очередь, ведут к видоизменению социальных явлений, а эти последние призваны служить источником непрекращающихся преобразований человеческой природы и трансформации ее под влиянием образования.

Иными словами, попытки превращения науки о человеке в отрасль естествознания представляют собой пример «абсолютизирующей» логики, являясь следствием абсолютизации естественнонаучного знания. Несомненно, мы находимся в самом начале процесса реализации всего спектра возможностей управления материальными условиями духовной и нравственной жизни. Химия физиологических процессов, углубленное знание нервной системы, процессов и функций секреторных желез, возможно, со временем позволят нам справиться с проявлениями эмоциональных и умственных расстройств, перед которыми ранее было бессильно человечество. Но осуществление контроля над данной сферой жизни не может определять основополагающих направлений дальнейшего развития человеческого потенциала. Тем, кто не согласен с данным утверждением, можно предложить подумать о том, каким образом возможные меры по предотвращению или излечению названных расстройств способны изменить, с одной стороны, человека эпохи варварства, а с другой, представителя современного сообщества. До тех пор, пока социальная среда будет оставаться в основном неизменной, все силы и опыт как первого, так и второго из них будут находиться под влиянием специфически человеческих предметов и орудий, — в частности тех, что особенно ценятся и почитаются людьми

названных эпох. Будь они воинами или купцами, указанные меры лишь помогут каждому из них достичь большего в своей профессии, но не заставят их переменить профессии.

Подобные выводы предполагают краткий анализ влияния ныне принятой абсолютизирующей логики на методы и цели образования — и не только школьного, но и образования в широком смысле, включающего в себя весь спектр воздействий, посредством которых сообщества стремятся формировать характеры и убеждения своих членов. Даже когда образовательные процессы не ставят своей целью увековечение существующих институтов, считается, что они все же преследуют некую идеальную цель (личную и общественную) и что данное представление о некой определенной цели и призвано направлять процесс образования. В этом убеждении реформаторы едины и консерваторами. Учеников Ленина и Муссолини роднит с заправилами капиталистического общества стремление формировать такие характеры и убеждения людей, которые способствовали бы осуществлению предначертанных целей. Разница между названными деятелями заключается только в том, что первый делал это более осознанно. Метод социального эксперимента, вероятно, в первую очередь заявил бы о себе отказом от данной логики. Следует всячески заботиться о создании для молодого поколения таких материальных и социальных условий, которые бы максимально способствовали реализации потенциала личности (насколько это позволяет современное состояние знаний). Благодаря формируемым у них навыкам, молодые люди должны стать способными удовлетворять будущие социальные потребности, способными продвинуть общество на следующую ступень развития. Тогда и только тогда все наличные силы общества смогут выполнять роль ресурсов, служащих цели улучшения совместной жизни людей.

В качестве метода рассмотрения социальных вопросов так называемая абсолютизирующая логика приводит к замене исследования как такового анализом понятий и логических отношений между ними. При этом какие бы формы ни принимал данный анализ, его неизменным результатом становится укрепление царства догм. При любом понятийном наполнении догма остается догмой. С самого начала, при рассмотрении государства, мы говорили о том, какое влияние оказывают методы, нацеленные не отыскание причин. Естествознание давно отказалось от этого метода, предпочтя ему метод обнаружения и соотнесения между собой различных событий. Наш язык, как и наш образ мысли, все еще насыщен представлениями о том, что явления «подчинены» неким законам. Но на практике ученый,

исследующий события материального мира, относится к закону просто как к некой стабильной корреляции происходящих изменений, как к констатации того, каким образом изменения одного явления (либо какого-то его аспекта или фазы) соотносятся с изменениями какого-то другого конкретного явления. «Каузальность» есть вопрос исторической последовательности, того порядка, который прослеживается в серии происходящих изменений — конкретно, в определенном историческом пути следующих друг за другом событий. Апелляция к каузальности вообще не только дезориентирует процесс изучения социальных фактов, но и столь же серьезно воздействует на формирование целей и стратегий индивида. Человек, придерживающийся доктрины «индивидуализма», либо «коллективизма», как бы обладает заранее предначертанной для него программой. Перед ним не стоит задачи выяснения того, что ему необходимо сделать и как сделать это наилучшим образом в данных конкретных обстоятельствах. Для него вся проблема заключается в практическом применении твердой и незыблемой доктрины, являющейся логическим следствием имеющихся у него представлений о природе конечных причин. Он свободен от необходимости установления конкретных корреляций изменений, от необходимости выявлять частные следствия различных цепей событий, анализируя их запутанные пути. Он знает заранее, что следует делать — подобно тому как в традициях античной физической философии мыслитель знал наперед, что должно произойти, благодаря чему на его долю оставалась лишь задача логического оформления определений и классификаций.

Утверждая, что убеждения и образ мыслей должны носить экспериментальный, а не абсолютизирующий характер, мы имеем в виду не только и не столько экспериментирование, подобное тому, которое проводится в лабораториях, а определенную логику метода. Следование подобной логике предполагает наличие следующих факторов: во-первых, понятия, общие принципы, теории и диалектические превращения, являющиеся неременной составляющей любого систематизированного знания, должны восприниматься как средства осуществления исследования и проходить проверку в качестве таковых. Во-вторых, политические стратегии и предложения по осуществлению тех или иных социальных мероприятий следует рассматривать как рабочие гипотезы, а не как такие программы, которых приходится строго придерживаться и которые надлежит во что бы то ни стало реализовать. Они должны носить экспериментальный характер в том смысле, что составной частью отношения к ним следует считать непрерывное, хорошо

оснащенное наблюдение за теми последствиями, которые возникают в результате внешних воздействий на них; соответственно, они должны подвергаться скорому и гибкому преобразованию, учитывающему данные последствия. При условии принятия данных двух уточнений социальные науки превратятся в механизм осуществления исследований, в средство фиксации и интерпретации (организации) их результатов. Сам по себе данный механизм будет рассматриваться уже не в качестве знания, а в качестве интеллектуального средства выявления социально значимых феноменов и раскрытия их смысла. При этом все еще будут сохраняться расхождения во мнениях, то есть различные суждения относительно того, каким путем лучше всего следовать, какую политическую стратегию лучше всего употребить. Но распространение и значимость мнений, не опирающихся на необходимые данные, заметно уменьшится. Мнения уже не будут результатом возведения в абсолют и преподнесения в качестве вечных истин неких частных ситуаций.

Данную стадию нашего анализа уместно завершить рассмотрением отношений между экспертами и демократическим обществом. Негативизм былых суждений относительно политической демократии в основном утратил свою силу. Ибо в основе его лежало враждебное отношение к династическим и олигархическим аристократиям, а те, и другие ныне практически лишены власти. В наше время господствующее положение занимает олигархия экономического класса. Ее притязания на власть основаны не на происхождении и наследуемом статусе, а на способности управлять и нести бремя социальной ответственности, на тех полномочиях, которые представители этого класса получили благодаря собственным незаурядным способностям. Как бы там ни было, речь идет о некоей подвижной, нестабильной олигархии, составные части которой подвержены быстрой замене и в той или иной степени находятся в руках неподвластной им случайности, равно как и технологических новаций. Следовательно, центр тяжести перенесен теперь в другое место. В наше время звучат утверждения, согласно которым контролировать гнетущую власть той или иной олигархии следует при помощи аристократии духа, а не путем привлечения невежественных и неустойчивых масс, чьи интересы отличаются поверхностностью и тривиальностью, а суждения лишь тогда лишены невероятного легкомыслия, когда обременены тяжелыми предрассудками.

Можно утверждать, что по сути своей демократическое движение носит переходной характер. Его появление ознаменовало собой переход от феодальных институтов к институтам индустриальной эпохи и совпало по

времени с передачей власти крупных землевладельцев (находящихся в союзе с церковными властями) законам промышленности; и происходило это в условиях освобождения широких масс от сковывавших их ранее правовых ограничений. Но при всем этом нелепо было бы превращать данное законное освобождение в некую догму, согласно которой само по себе освобождение от былого гнета наделяет освобожденных людей интеллектуальным и моральным потенциалом, достаточным для того, чтобы они смогли стать полноправными участниками процесса управления государственными делами. Принято считать, что главной слабостью демократического кредо является присущее ему представление, согласно которому историческое движение, принесшее важное и долгожданное уничтожение известных ограничений, явилось либо первопричиной, либо доказательством способности освобожденных масс заниматься правлением, между тем как на деле между первым и вторым нет никакой связи. Очевидной альтернативой данному кредо является правление, осуществляемое интеллектуально подготовленными к нему личностями, людьми знающими и характеризующимися наибольшим умственным развитием.

Возрождение платоновских идей, согласно которым философы должны быть королями, кажется тем более привлекательным, что место философов занимают в ней сейчас эксперты — ведь философия превратилась ныне в объект насмешек, в то время как образ специалиста, эксперта управления получил всеобщее признание, будучи созвучен эпохе становления естественных наук, эпохе, выдвинувшей на передний план задачу руководства промышленностью. Циник мог бы назвать подобные представления иллюзорными мечтами, грезами интеллектуалов, при помощи которых те пытаются компенсировать собственное бессилие, обусловленное состоявшимся разрывом между теорией и практикой и отдаленностью частных наук от жизни: ведь образовавшаяся пропасть была преодолена не интеллектуалами, а изобретателями и инженерами, работающими на заправил крупного промышленного производства. Ближе всего к истине утверждение о том, что данные идеи выдают желаемое за действительное. Даже если интеллектуальный потенциал масс действительно столь безнадежно низок, как убеждают нас сторонники этой точки зрения, они все равно олицетворяют слишком широкий спектр желаний и представляют собой слишком большую силу для того чтобы отдать власть в руки экспертов. Если согласиться с тем, что участию масс в политике мешают такие присущие им качества, как невежество, предвзятость, легкомыслие, ревность, непостоянство, то нельзя не видеть, что эти же самые недостатки делают

массы еще менее пригодными, коль скоро речь идет о подчинении их власти интеллектуалов. Факт господства экономического класса возможно скрыть от масс; экспертное управление от них не скроешь. Последнее осуществимо только в случае, если интеллектуалы добровольно станут послушным орудием большого бизнеса. В противном случае им придется пойти на союз с массами, а значит придется частично допустить их к власти.

Гораздо более серьезным является то возражение, что легче всего установить господство экспертов в узко технических областях, а также в сфере администрирования и выполнения решений; данное возражение исходит из допущения, что общая политическая стратегия уже достаточно конкретизирована. Полагается, что осуществляемые экспертами политические стратегии в основном отличаются мудростью и человеколюбием, то есть они создаются с целью соблюдения истинных интересов общества. Последним препятствием на пути любого аристократического правления является то, что при отсутствии у масс возможности ясно выражать свое мнение лучшие теряют способность оставаться лучшими, мудрецы оказываются уже не мудрецами. Высокособые не в силах монополизировать знания того рода, которыми надлежит пользоваться при регулировании дел общества. Выделяясь в особый класс, они утрачивают возможность получать представление о тех потребностях, которые им надлежит обслуживать.

Самый сильный довод в пользу даже тех рудиментарных политических форм, которые уже освоены демократией — всеобщего голосования, правления большинства и т.д. — это то, что все они предполагают консультации и дискуссии, в ходе которых выясняются социальные потребности и социальные проблемы. А это наделяет любую политическую стратегию решающим преимуществом. Данная мысль содержится в написанном почти сто лет назад исследовании Алексиса де Токвиля, посвященном перспективам развития демократии в Соединенных Штатах. Обвинив демократию в тенденции выбирать правителей из числа посредственностей, указав на то, что она подвержена приступам страсти и не застрахована от глупости, Токвиль фактически продемонстрировал, что в отличие от других способов политического господства демократическое правление способно чему-то научить. Оно заставляет признать наличие в обществе общих интересов — и это несмотря на то, что в определении характера этих интересов царит путаница; впрочем, создаваемая демократией потребность в дискуссии и публичности позволяет внести в этот вопрос некоторую ясность. О том, что жмет ботинок и в каком именно месте он жмет, лучше всех известно тому, кто носит этот ботинок — даже если классный сапожник

лучше его знает, как справиться с этой проблемой. К числу неоспоримых достижений демократического правления относится создание института общественности — пусть даже демократическим правителям и не слишком удастся надлежащим образом информировать эту последнюю.

Класс экспертов с неизбежностью оказывается настолько далеким от общих интересов, что превращается в класс, обладающий частными интересами и частным знанием, совершенно непригодным для решения социальных вопросов. Часто говорят, что избирательные бюллетени выполняют ту работу, которую раньше выполняли пули. Но еще важнее то, что подсчету голосов всегда должны предшествовать методы дискуссии, консультации, убеждения, между тем как суть силовых методов состоит в именно в пресечении самой возможности обращения к подобным методам. Правление большинства, понятое именно как правление большинства, справедливо названо критиками глупостью. Но, как правило, на деле имеет место *не просто* правление большинства. Будучи политиком-практиком, Сэмюель Дж. Тилден уже много лет назад заметил, что «гораздо большее значение имеют здесь те средства, благодаря которым большинство становится большинством»: предшествующие дебаты, приведение собственных взглядов в гармонию с мнениями меньшинств, способность дать меньшинствам относительное удовлетворение, проистекающее от сознания, что и у них был свой шанс, который может реализоваться в будущем, когда они станут большинством. Достаточно вспомнить о том, какой смысл имеет «проблема меньшинств» в определенных европейских государствах, и сравнить их положение со статусом меньшинств в странах с демократическим правлением. Верно, что все ценные и все новые идеи зарождаются в среде меньшинств — возможно даже, таких меньшинств, которые представлены одним-единственным человеком. Важно только чтобы эта идея распространилась в массах и стала достоянием большинства. Любое экспертное управление, при котором массы не получают возможности информировать экспертов о своих потребностях, есть не что иное как олигархия, правящая в интересах меньшинства. И сама организация просветительского процесса должна вынуждать занимающихся руководством специалистов принимать в расчет потребности масс. От всяческих лидеров и властей мир страдал больше, чем от масс.

Иными словами, насущной потребностью общества является совершенствование методов и условий проведения дебатов, обсуждения вопросов и убеждения граждан. В этом и состоит основная проблема общества. Мы уже высказали утверждение, согласно которому успешность решения дан-

ной задачи, в сущности, зависит от раскрепощения и усовершенствования исследовательских процессов и распространения выводов, полученных в результате данных исследований. Само же исследование является задачей, целиком лежащей на плечи экспертов. Но демонстрировать свои особые знания и умения эксперты должны не на ниве формирования и осуществления политических стратегий, а в области обнаружения и популяризации тех фактов, от знания которых зависит любая политика. Эти люди являются техническими экспертами, специалистами — в том смысле, в каком используют этот термин, говоря об особой подготовленности представителей науки или искусства. Нет никакой необходимости в том, чтобы знаниями и умениями, требующимися для осуществления соответствующих исследований, обладали многие из них; достаточно, чтобы эти многие были в состоянии судить о том, какое значение имеет добытое другими знание для общества в целом.

Говоря о том, какой должен быть уровень интеллекта и способностей людей, выносящих подобные суждения, легко впасть в преувеличение. Во-первых, наше представление об этом уровне будет исходить из сегодняшних условий. Но одной из несомненных трудностей на этом пути явится нехватка сведений, необходимых для вынесения верного суждения; и никакие способности разума как такового не смогут компенсировать незнания фактов. До тех пор, пока келейность, предрассудки, предвзятость, умысленный обман, пропаганда и чистое невежество не уйдут в прошлое, уступив место исследованиям и публичности, — мы будем не в состоянии определить, насколько готовы массы с их нынешним уровнем интеллекта выносить суждения относительно той или иной социальной политики. Ясно, что это время наступит еще не скоро. Во-вторых, *действенность* разума не есть некая исконная, врожденная его черта. Независимо от того, как велики различия врожденных характеристик разума (если даже считать, что таковые имеются), фактические способности разума зависят от образования, а оно является продуктом наличных социальных условий. Подобно тому, как таланты ума и высоты знания, достигнутые в прошлом, нашли свое воплощение в конкретных приспособлениях, орудиях, средствах и технологиях, которые не в силах воспроизвести нынешние разумные индивиды, но которыми они могут осмысленно пользоваться, — так будет обстоять дело и в будущем, когда социальные проблемы станут яснее благодаря тем знаниям, которыми будет обладать общество в целом.

Большое значение всегда имело то, какой уровень развития деятельности запечатлен в предметах, *олицетворяющих* человеческий разум. В эпо-

ху варварства главный член сообщества был лучшим среди соплеменников, но по объему знаний и способности к формированию суждений он, вероятно, во многих отношениях уступает самому ничтожному представителю более развитых цивилизаций. Способности человека ограничены доступными ему предметами и орудиями. В еще большей степени эти способности зависят от того, что, согласно бытующим традициям и институциональным обычаям, находится в центре внимания, от того, что составляет главный интерес. Смыслы существуют в определенных рамках, задаваемых имеющимся инструментарием, наиболее важной разновидностью которого является, в конечном счете, язык как средство не только мышления, но и коммуникации. Современный механик может рассуждать об омах и амперах, чего не мог делать в свое время сэр Исаак Ньютон. Множество людей, знакомых с устройством радио, имеют определенные суждения о таких вещах, которые Фарадею и пригрезиться не могли. Отвечать на это: «будь Ньютон и Фарадей нашими современниками, они бы оставили далеко позади себя всех этих механиков-любителей», значит не понимать, о чем идет речь. Ибо такой ответ концентрирует внимание лишь на одной стороне дела: на тех изменениях, которые способны произвести в нашем мышлении сами предметы мышления, а также смыслы, имеющие хождение в обществе. Более разумное устройство общества, могущее выразиться в более обширных знаниях и в большей готовности сообразовываться с разумом, ни на йоту не прибавит человеку изначальной одаренности, зато повысит тот общий уровень, на котором функционирует совокупный разум общества. Высота этого общего уровня имеет гораздо большее значение для занятия делами общества, чем существующие различия в уровне умственных способностей. Как сказал Сантаяна: «Живи мы при лучшем общественном устройстве, в наших головах сам собой установился бы и лучший образ мысли. Постоянно попадать во власть варварства и суеверий нас вынуждает не отсутствие остроты чувств, не нехватка талантов и не неупорядоченность внешнего мира, а отсутствие доброго характера, доброго примера и доброго правительства». Представление о том, что разум есть результат личной одаренности или личных достижений, есть великое заблуждение, порожденное тщеславием класса интеллектуалов — подобно тому, как представление о богатстве как о чем-то, что заработано исключительно благодаря личному труду и личной собственности, есть заблуждение коммерческого класса.

Мысль, которую мы бы хотели высказать в заключение, не касается сферы интеллектуального метода, но затрагивает вопрос практического

реформирования социальных условий. Наиболее углубленное и всестороннее понимание сообщества неизменно предполагает наличие общения «лицом к лицу». Поэтому семья и ближайшее окружение, какими бы недостатками они ни обладали, всегда будут главными агентами воспитания, образования, под чьим воздействием постоянно формируются общие установки и усваиваются идеи, образующие основу характеров. «Великое сообщество» как сфера свободной и всесторонней коммуникации есть нечто такое, что возможно представить в мысли. Но такое сообщество никогда не будет обладать всеми теми чертами, которыми характеризуется местное сообщество. Оно явится лишь конечной инстанцией в деле упорядочения отношений и обогащения опыта местных ассоциаций. Вторжение в жизнь местных сообществ внешних, неконтролируемых сил и частичное разрушение этими силами жизни данных сообществ является непосредственным источником нестабильности, распада и суеты, отличающих нынешнюю эпоху. Все то зло, в котором огульно и некритично обвиняют индустриализм и демократию, разумней было бы отнести на счет последствий распада местных сообществ. Серьезные и долговременные привязанности формируются лишь в самом тесном общении, а таковое неизменно остается уделом малых сообществ.

Но могут ли местные сообщества быть стабильными, но не статичными, развивающимися — но так, чтобы это развитие не сводилось к простой мобильности? Возможно ли так ограничить и отрегулировать жизнедеятельность огромных и многосложных макроассоциаций, чтобы те могли доносить наиболее общие и всеобъемлющие смыслы, потенциальными носителями которых они являются, до наименее масштабных союзов, объединяющих тесными связями людей, находящихся в непосредственном общении друг с другом? Возможно ли возродить во всей ее полноте жизнь малых сообществ, привив всем членам этих последних специфическое мировосприятие, присущее местным сообществам? В настоящее время наблюдается, по крайней мере, в теоретической сфере, переход от принципа территориальной организации к «функциональному», то есть профессиональному принципу. Прежние формы территориальных объединений действительно не слишком удовлетворяют современным потребностям. Связи, порождаемые участием в общей работе, будь то производственная или иная профессиональная деятельность, действительно приобрели в наше время небывалое значение. Но рассчитывать на такие связи долговечная и стабильная организация (отличающаяся к тому же гибкостью и подвижностью) может лишь в том случае, если они являются результатом непосред-

ственного общения и личных привязанностей ее членов. Если же теория берет за точку отсчета некие отдаленные организации, характеризующиеся опосредованными связями, то процесс реализации такой теории вскоре омрачится все теми же бедами и проблемами, что и нынешняя ситуация. Тесное, непосредственное общение, личные привязанности обладают такой глубиной и жизнестойкостью, заменить которые не может ничто.

Правы те, кто утверждает, что для воцарения мира во всем мире необходимо обеспечить взаимопонимание с народами других стран. Однако, осмелюсь спросить, хорошо ли мы понимаем своих ближайших соседей? Утверждают также, что если человек не возлюбил ближнего своего, которого он способен узреть, не может он возлюбить и незримого Бога. Если мы не обладаем опытом понимания своих ближайших соседей, то вероятность установления нами взаимопонимания с отдаленными народами также весьма невелика. Человек, с которым у нас нет общения в повседневной жизни, способен вызывать у нас восхищение, возбуждать в нас дух соперничества, раболепного подчинения, фанатической приверженности, поклонения — но только не любви и не понимания, обеспечить которые способны только привязанность и узы тесного общения. Демократия должна зародиться дома, а таким домом для демократии является сообщество ближайших соседей.

В задачи настоящего исследования не входит обзор перспектив реконструкции сообществ типа «лицом к лицу». Между тем, в самой природе человека коренится стремление к установлению надежных отношений с окружающими. Инерция и тенденция к стабильности свойственна не только различным физическим массам и молекулам, но также эмоциям и стремлениям. Наполненное миром и смыслом счастье возможно только при установлении надежных связей с окружающими; оно достигает таких глубин, что возникает возможность сформировать некое незыблемое основание, расположенное за поверхностью осознанного опыта. Трудно сказать, в какой мере такие признаки, как суетливость, непоседливость, раздражительная неудовлетворенность, потребность в искусственных стимуляторах являются симптомами отчаянных попыток заполнить пустоту, образующуюся при ослаблении тех связей, что превращают людей в сообщество, спаянное единством непосредственных переживаний. Если и есть в психике человека нечто такое, на что можно положиться, то это тенденция к обретению в себе самом порядка и покоя, сменяющая нескончаемый поиск чего-то далекого, не приносящего удовлетворения. Порядок же и покой обретаются, повторим, только

в тех насущных, устойчивых и глубоких связях, установить которые можно лишь со своим непосредственным окружением.

Однако, данная тенденция демонстрируется психикой лишь тех из людей, кто находится в гармонии с объективным ходом вещей. Трудности с анализом возникают, лишь когда исследователь пытается установить, не идет ли на убыль тенденция к распылению энергии и не ускоряется ли общее развитие событий. Если рассматривать происходящее с внешней, материальной стороны, то, конечно, легко заметить процесс усиления концентрации; разрастание городского населения за счет сельского, появление самых разнообразных организаций — все это очевидные события. Но появление гигантских организаций не мешает процессу разрушения отношений, характерных для местных сообществ, и вытеснению объединений, основанных на личных отношениях, обезличенными связями — то есть не исключает тенденции, препятствующей сохранению стабильности. Об этом же свидетельствует характер наших городов, нашего организованного бизнеса, а также природа крупных ассоциаций, в которых нет места проявлениям индивидуальности. Но есть и признаки, свидетельствующие об обратном. «Сообщество» и его деятельность становятся объектами игры со словами. Местное — это конечное выражение всеобщего и ближайшее к нам из существующих воплощений абсолюта. Можно без труда выявить множество признаков, указывающих на то, что в результате действия как бессознательных сил, так и осознанного планирования имело место такое обогащение опыта местных сообществ, которое позволяет им стать объектами неподдельного внимания, интереса и преданности людей, живущих в этих сообществах.

В данной ситуации без ответа остается вопрос о том, насколько удастся этим тенденциям заполнить собой вакуум, образовавшийся вследствие распада семьи, церкви и соседских союзов. Исход здесь предсказать невозможно. Но можно с уверенностью утверждать, что появление сил, обусловивших всепроникающую стандартизацию, мобильность и обретение человеческими отношениями опосредованно-обезличенного характера (а все это роковым образом препятствует возвращению человечества к родным для него местным сообществам) не является неумолимой закономерностью. Единообразие и стандартизация способны послужить той скрытой основой, на которой зародится дифференциация и высвобождение индивидуального потенциала личностей. Они могут перерасти в бессознательные привычки, принимаемые как нечто само собой разумеющееся в механических видах жизне-

деятельности, и стать той почвой, на которой способны расти и множиться личные чувства и таланты индивидов. Мобильность же, в конечном счете, способна помочь жертвам опосредованных и обезличенных контактов и взаимосвязей вернуться в местные сообщества; благодаря им, жизни таких сообществ будет придана определенная гибкость, исчезнет угроза застоя, являвшегося обратной стороной былой стабильности; жизнь местных сообществ обогатится элементами разнообразного и многоцветного опыта. Возможно, к организации перестанут относиться как к самоцели. И тогда организация перестанет быть чем-то механическим, навязанным извне, чем-то, что препятствует свободному проявлению художественных наклонностей индивидов, связывая людей по рукам и ногам путами конформизма, вынуждая их к отказу ото всего, что не вписывается в автоматическое функционирование такой самодостаточной сущности, как организация. Став не более чем средством к достижению цели, организация будет усиливать индивидуальность, она поможет личности оставаться самой собой, так как расширит естественные границы ее возможностей.

Чего бы ни уготовило нам будущее, одно очевидно: без восстановления жизнедеятельности местных сообществ общество не сможет разрешить своей главной проблемы — проблемы нахождения и идентификации самого себя. Но будучи восстановлено, общество продемонстрирует полноту, разнообразие и свободу самовыражения; оно познает смыслы и блага, неведомые даже тесным сообществам прошлого. Ибо оно будет не только живым и гибким, но и стабильным, отзывчивым на все, что происходит в том огромном мире, частью которого оно является. Будучи локальным, оно вместе с тем не будет изолированным. Новый, расширенный спектр связей помещает его в неиссякающий поток смыслов, питающих его и создающих уверенность, что каждый из смыслов займет в нем свое почетное место. Территориальные государства и политические границы сохранятся; но они не будут играть роль барьеров разобщающих индивидов и обедняющих этим разобщением опыт каждого из них. Речь не идет о жестких, непреодолимых различиях, по вине которых внешние деления превращаются в такие внутренние проявления розни, как страх подозрительность и враждебность. Сохранится и конкуренция, но это будет уже не столько соперничество за обладание материальными благами, сколько состязание местных групп, целью которого является обогащение их непосредственным опытом; в ходе такого состязания будет воздано должное интеллектуальной и художественной ценности любого опыта. Если век развитых технологий сможет обеспечить человечество прочным, единым для всех бази-

сом материального благоденствия, это позволит ему стать органичной составной частью гуманитарной эпохи. Он займет свое место в гуманитарном процессе в качестве инструментария, обеспечивающего всеобщность, общедоступность опыта. Но без перехода к машинному веку никакие попытки людей обеспечить условия свободной, гибкой и многоцветной жизни не дадут прочного и справедливого результата; в этом случае нормой жизни станет подхлестываемая конкуренцией страсть к наживе и нездоровое стремление выставлять напоказ результаты собственной стяжательской деятельности.

Как мы уже отмечали, в данном контексте анализ становления демократических сообществ, равно как и общества, обладающего выраженными демократическими признаками, заставляет нас перейти от рассмотрения проблемы интеллектуального метода к вопросам практической процедуры. Но между двумя названными уровнями анализа имеется определенная связь. Дело в том, что проблема наделения общества в целом способностью творческого мышления выполнима лишь в той мере, в какой реализуема идея истинного возрождения местных сообществ. При этом язык, знаки и символы становятся тем коммуникационным средством, с помощью которого осуществляется распространение и усвоение обобщенного опыта. Но при непосредственном, устном общении сильнее всего воздействует на собеседника то или иное крылатое словечко, превосходящее своей живостью застывшие, неподвижные смыслы письменной речи. Одним из предварительных условий возникновения истинного общества является систематическое и постоянное исследование тех условий, которые способны с помощью печатного слова оказывать влияние на ассоциации и их распространение. Но данное исследование и его результаты — это, в конечном счете, всего лишь орудие. Окончательный результат достигается в рамках отношений «лицом к лицу», в ходе прямых транзакций. Логика достижения этого результата выражается исконным значением слова «диалог». Идеи, не сообщаемые другим, не «обобществляемые», не возрождаемые в процессе самовыражения, есть не что иное как внутренний монолог, а внутренний монолог представляет собой незаконченное, несовершенное мышление. Подобно присвоению материального богатства, монологическое мышление является моментом использования в личных целях (то есть не по прямому назначению) того достояния, что было создано и пущено в оборот совместными усилиями. Правда, это не столь грубое присвоение, и называется оно более благородно. Но сути дела это не меняет.

Одним словом, только в ходе личного общения, осуществляемого в

рамках местного сообщества, совокупное, передаваемое от человека к человеку интеллектуальное богатство начинает служить развитию и утверждению личных качеств индивидов, таких как понимание и способность к вынесению суждений о мире; а подобное развитие личности доказывает несостоятельность приговора, выносимого демократии на основании невежества, предвзятости и непостоянства масс. Ухо гораздо сильнее и разнообразнее, чем глаз, связывает нас с разворачивающимися перед нами выражениями мыслей и чувств. Способность видеть делает нас наблюдателями, способность слышать превращает нас в участников. До тех пор, пока смысл происходящего не начнет переходить из уст в уста, сам акт доведения до сведения общества каких бы то ни было идей остается неполным, он дает обществу не всю необходимую информацию и не позволяет ему занять адекватную позицию. Свобода распространения и закрепления идей, являющихся интеллектуальным достоянием отдельно взятой личности, идей, обладанию которыми эта личность обычно обязана общему уровню умственного развития общества, — не имеет ограничений, когда она реализуется через устное общение членов местного сообщества. Это и только это способно сделать общественное мнение полноправной составной частью объективной действительности. Как сказал Эмерсон, все мы — всего лишь дети, резвящиеся на руках у всеобъемлющего разума. Но до тех пор, пока посредником этого разума не станет местное сообщество, он обречен пребывать в дремлющем состоянии, в оторванности ото всего, что его окружает.

Научное издание

ДЖОН ДЬЮИ

ОБЩЕСТВО И ЕГО ПРОБЛЕМЫ

Перевод с английского

И. И. Мюрберг, А. Б. Толстова, Е. Н. Косиловой

Корректор М. Рубштейн

Художественное оформление Идея-Пресс

Художник А. П. Пятикоп

Оригинал-макет Идея-Пресс

Идея-Пресс

ИД № 00208 от 10 октября 1999

123056 Москва Тишинская пл. д. 6 кв. 31

Наши книги

спрашивайте в московских магазинах

Справки и оптовые закупки по тел. 247.17.57 (маг. "Гнозис"),
939.47.13 (Воробьевы горы, МГУ, 1-й гум., отд. маг.)

Подписано в печать 12.11.2001

Формат 60х90/16. Гарнитура Таймс Нью-Роман

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10

Тираж 3000 экз. Заказ № 25

отпечатанно в ООО "Измил маркет"
г. Москва

1

С/к

Научная библиотека НГУ

1800205190

Социальная философия, — говорит Джон Дьюи, — демонстрирует огромный разрыв между фактами и теориями. Сравним, для примера, факты политической жизни и существующие ныне теории, трактующие природу государства.

18

ISBN 5-7333-0052-3

9 785733 300528